

Жан Лоррен

ДНО
ПАРИЖА

ТЁМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

**Жан
ЛОРРЕН**

ДНО ПАРИЖА

Salamandra P.V.V.

Лоррен Ж.

Дно Парижа. Пер. с франц. О. Леновой. Илл. Л. Курбуле, Ж. Боттини. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 227 с., илл.

Роман «Дно Парижа» (в оригинале «Заведение Филибера», 1904) рисует масштабную и, по словам знатоков предмета, весьма точную панораму проституции и домов терпимости в Париже и французской провинции начала XX в. Одновременно, эта книга — полноценный «уголовный роман» о жестоких нравах парижских апашей.

Ее автор, Жан Лоррен (1855-1906) — поэт, писатель, самозванный денди, развратник, скандалист, эфироман и летописец Парижа «прекрасной эпохи» — был едва ли не самым одиозным французским декадентом. Как замечал фантаст, переводчик и исследователь декаданса Б. Стэблфорд, «никто другой таким непосредственным и роковым образом не воплотил в себе всю абсурдность и помпезность, все парадоксы и извращения декадентского стиля и образа жизни».

Роман, выходящий в серии «Темные страсти», является третьим и заключительным томом собрания сочинений Ж. Лоррена, опубликованного издательством Salamandra P.V.V. — первой значимой русской публикации произведений писателя с дореволюционных времен. Первые два тома собрания вышли как внесерийные издания в 2017 г.

ДНО ПАРИЖА

I

Жалобы патрона

— Видишь ли, милый Эрнест, нам остается только поправить нашу репутацию и сделаться честными людьми... К несчастью, для этого надо быть рантье, а мы должны жить своим трудом.

Голос говорившего заставил меня насторожиться; я уже слышал где-то этот голос...

Это было в одном из кафе Монмартра. Я сидел там в ожидании танцовщицы из «Фоли-Бержер», которая все не приходила: репетиция тянулась целую вечность. Устроившись за столиком на углу тротуара, я старался отвлечься от своего нервного возбуждения, наблюдая уличную суету. Говоривший был не один, он поверял свои разочарования и невзгоды товарищу, такому же парню, как он, крепко и хорошо сложенному и приближающемуся к сорокалетнему возрасту; внешность и манеры последнего, костюм цвета *maron*^{*}, серый галстук и шляпа «Кронштадт» — не оставляли ни малейшего сомнения в его общественном положении.

Это был один из «таких», как и его собеседник. Я имел счастье и честь быть соседом по столу двоих из «этих» господ.

— Как будто нам не довольно одной полиции. Мало она преследует нас; недостает еще, чтоб публика вмешивалась в это дело! Проклятые газеты! Следователи и те лучше.

На этот раз я узнал голос. Это был голос Филибера Одижона, мастера тонких слесарных изделий. Он устанавливал у меня замки лет десять тому назад, когда я жил в Нельи. Он служил тогда у Фелизье, известного слесаря на улице Гранд-Арме. Искусный мастер, самый ловкий во всем заведении, этот Филибер справился почти один со всей работой в моей новой квартире.

Он был очень умный и расторопный, и я очень любил его хлесткую речь парижского рабочего. Это было то самое грассирование парижских рабочих кварталов, с едва заметной примесью берийского акцента.

Я стал разглядывать его... Действительно, это был Филибер, но Филибер, сильно потолстевший, с багровым цветом лица. Он, которого я знал когда-то худым, как жердь, носил теперь свою толстую шею, точно лошадиный барышник. Он чуть ли на самом деле не сделался лошадиным барышником. Массивная цепь на часах и кольца на всех пальцах довершали его туалет образованного патрона «такого» заведения..

— Филибер!

— Да это вы, месье Жак! Вот так сюрприз! Да вы несколько не изменились, вы все тот же. Позвольте представить вам моего друга, Эрнеста Бодармона... Месье Жак Менар, журналист. Мы не видались целую вечность. Ка-

^{*} Каштановый (*фр.*) (Здесь и далее прим. ред.).

кой приятный сюрприз! Выпьем стаканчик?

И, дав ему вылить весь поток его приветствий, я заметил:

— У вас великолепный вид, Филибер, и, по-видимому, на здоровье вы не жалуетесь. Честное слово, вы растолстели, как помещик.

— Да ведь я женат, живу теперь скромно.

— Женат! Поздравляю... И какие бриллианты! Видно, дела у вас идут прекрасно.

— Недурно, недурно, но зато я и тружусь. Вы не можете представить себе, какой это труд.

— Времена для всех тяжелые, Филибер.

— А деньги трудно достаются.

— А ваша жена живет в Париже?

— Нет, мы живем в провинции. Я здесь для ремонта... то есть, по делу, — поправился он, закусив губы.

— Вы все еще продолжаете заниматься слесарным ремеслом?

Филибер сделал сконфуженную гримасу, затем разразился громким смехом.

— Слесарным ремеслом! Нет, не совсем так, но не все ли равно... — и, наклонившись над столом, как человек, решившийся на что-то, он сказал:

— Я — патрон. Да, вот кто я. Но что же делать! Жена принесла мне в приданое это заведение. Она была племянницей одного крупного патрона, друга моей семьи; она влюбилась в меня, ремесло мое едва кормило меня, я почти околевал с голоду. Без денег чего бы я добился? Я взял жену и дом. Пускай судит меня тот, кто никогда не испытал голода! Месье Жак, хорошо иметь совесть тому, у кого кошелек полон, а потом... нет ремесла дурного.

— Особенно, когда оно доходно, не правда ли, Филибер?

— О! Что касается этого, когда я женился, ремесло было прекрасное, но с тех пор многое изменилось. Роман «Торговля белыми», напечатанный в «Le Journal»*, сильно повредил нам. Теперь только и говорят об этом, только за этим и следят. Ремесло наше становится опасным и доходы пожираются расходами... А потом, еще проклятые газеты, зачем только вмешиваются они не в свое дело? Все они переполнены этим... Нас выслеживают, нас травят... Вот, спросите моего товарища: он занимается тем же делом.

— Право, я предпочел бы быть апашем, — пробормотал его друг, — чувствуешь себя гораздо спокойнее.

Филибер убежденно добавил:

— Просто несчастье жить в наше время. Теперь все возможно и нигде не найдешь себе защиты. Прежде полиция была за нас, теперь она держит сторону женщин. Эти дряни эксплуатируют нас теперь, нет больше защиты от них; не признаются больше долги... Какая же тогда гарантия для нас, патронов? Эти твари приходят и уходят от вас так, зря, из-за всякого пустяка, просто для сменны впечатления. Они не могут сидеть на одном месте. Не успела поступить к вам, как перешла к соседу. Дамы в разъездах!.. Им бы уделить отдельный столбец в газетах. При таких манерах нет никакой возможности составить себе клиен-

* Роман Ж.-Л. Дюбу де Лафоре (1853-1902), опубликованный в 1899 г.

туру. Кончилось доброе время старых *habitués**. Они-то и создавали солидные дома... В наше время лучше уж держать казино!

— Четырех дорог, — эхом откликнулся его друг.

— А у меня четверо детей, — продолжал Филибер, — два мальчика и две девочки, две полных пары... Я отец семейства, плачу за права и много плачу; я коммерсант, почти чиновник, так как я получил разрешение от государства. Мое заведение приносит общественную пользу, я вправе требовать от государства покровительства и поддержки; я плачу налоги и плачу аккуратно; я поддерживаю порядок и благонравие; я сохраняю даже общественное здоровье; я представляю из себя хранителя французской нравственности.

Речь Филибера становилась эпической.

— А что дает мне государство, мне, отцу семейства, патентованному коммерсанту и даже чиновнику или почти чиновнику? Только протоколы, судебные приговоры, штрафы и никакой защиты от этих проклятых самок, которые меня съедают, разоряют и устраивают только скандалы... И, может быть, вы думаете, что запастись товаром легко? Товар этот теперь защищается, эти проклятые девки чувствуют себя под покровительством нравов и затем, перевозимые болтунами, этими подлыми газетишками в пять сантимов, они выскальзывают из наших рук! Дичь теперь хитрее нас, охотников!.. Десять лет тому назад, да что я говорю? Пять лет тому назад, не правда ли, Эрнест? Нужна была девица, стоило только пойти на бульвар, побродить у вокзалов или же на Себастро, а то пойти на какой-нибудь бал и можно было выбрать отборный товар, молодой, возбуждающий и вместо одной штуки — целых десять, в один только вечер... А теперь вы можете обыскать все балы Рынков, обе *Mou-lins*** и вы ничего не найдете. То же самое в Гренелле и Монпарнасе. Конечно! Нет больше куропаток нигде. И хитрые же теперь эти бестии!..

Не дальше, как вчера, приключилась со мной такая история, что я даже и не знаю, как рассказать теперь об этом моей хозяйке. Вот шум-то поднимет! Меня обставили, как дурака. И вот как это было.

Сейчас я нахожусь в Париже, чтобы заменить одну из наших дам, которая покинула нас; она получила ангажемент в Голида, в кафешантан; у нее, видите ли, натура артистки. И вот уже два дня, как я торчу в Париже по этому делу.

Вчера вечером, в пять часов, когда у меня еще ничего не было, меня вдруг осенила мысль пойти посмотреть в Мароккский бар, на улицу Ламартин... Там всегда водится куропатка... Иду туда и действительно, в глубине залы нахожу, что искал.

Бретонка, красивая девушка, пышущая здоровьем, с темным цветом волос и белой кожей, прекрасно сложенная и мускулистая, двадцати шести лет, но уже пьяная вдрызг и без единого гроша. По-видимому, она была только что выпущена из тюрьмы Сен-Лазар или же сбежала из какого-нибудь дома. Маленькая подробность; на одной ноге у нее был чулок, а на другой носок: этим все сказано. Словом, подхожу я к моей птичке, угощаю ее, велю подать вина раз,

* Завсегдатаи (*фр.*).

** Мельницы (на Монмартре) (*фр.*).

другой, исповедую ее, усыпляю ее наполовину и излагаю ей мое дело; объясняю характер заведения и мои условия.

Вдруг девица бросается мне на шею, называет меня своим спасителем и Провидением, говорит, что я спас ей жизнь и т. д., и т. д. Словом, она соглашается, но, когда мы заговорили о деньгах, она начинает ломаться и требует сначала двести франков... Двести франков!.. На меньшее она не согласна; я упрямясь, она тоже не уступает; девица была действительно красива и обещала верный заработок; наконец, я уступаю, но с условием ехать в тот же вечер. Я должен был вернуться с поездом в девять часов пять минут.

— По рукам, патрон, я ваша.

— Хорошо, деточка, едем, но только деньги я тебе дам на станции, когда сядем в вагон.

— Идет, вы ведь меня не знаете, так что, понятно, у вас может быть сомнение.

Выходим, я предлагаю ей пообедать, покупаю ей пальто, беру два билета второго класса. Моя девица... тише воды, ниже травы. На платформе, когда я уже занял два места и положил в купе мои вещи, девица требует у меня свои двести франков. Я отдаю, как это и было условлено, как вдруг она говорит:

— Патрон, одолжите мне пятнадцать сантимов, я сейчас вернусь.

Как дурак, я выкладываю ей три су; пташка моя исчезает, я ее жду... Напрасно, она нагрела меня на двести франков. Я обокраден, как в лесу, я, Филибер из Обри-Лез-Эпинет, тертый калач нашей корпорации!

Двести франков! Женщина, которую пять лет тому назад можно было иметь за три 20-франковых монеты. До чего я зол, нет, до чего я зол!.. Воображаю себе физиономию хозяйки, ее рожу, когда она узнает про это! Я скажу ей, что играл на скачках!

II

Ремесло, которое вымирает

— Да, сударь, ремесло это теперь вымирает. Вот спросите Эрнеста.

— О, что правда, то правда, едва-едва можно только прокормиться.

— И то нелегко! Когда-то наживали на этом целые состояния, а теперь едва сводишь концы с концами, только бы не остаться в убытке; мы принуждены передавать наше дело детям. Когда-то я мечтал сделать своего старшего сына офицером генерального штаба, а младшего инженером, но я должен был отказаться от своих мечтаний. Они будут патронами, так же, как и их отец. Теперь я только и думаю о том, чтоб открыть отделение в главном городе нашего кантона. К счастью, хозяйка моя энергичная женщина. Она одна может управлять целым заведением. Я устрою своих двух сыновей, а они обеспечат своих сестер. Вот мое будущее; мне тридцать девять лет и мне придется весь

век свой тянуть эту проклятую ляжку. Двадцать лет тому назад можно было в пятьдесят лет кончить это дело и удалиться на покой с бельгийскими облигациями и недурным состоянием!..

Нам подали дикую утку с кровью и в то время, как хозяин ресторана с видом верховного жреца занялся разрезыванием на тончайшие кусочки сочившейся кровью птицы, мой друг Филибер изливал мне душу и жаловался на свою судьбу.

Я привел их обедать, его и его друга Эрнеста Бодармона, в «Серебряную башню». Она славилась хорошим погребом и прекрасной кухней. Я был очень рад этому случаю; я безумно люблю свое занятие, это моя слабость, и я способен на всякие низости для того только, чтобы сделать интересные наблюдения.

Встреча с Филибером и его товарищем была для меня неожиданной и слишком редкой находкой, чтобы я мог пренебрегать таким драгоценным случаем.

Я чувствовал, что господа эти находились в каком-то припадке откровенности под ударом незаслуженных несчастий, которые переполняют душу и, как вскрывшийся нарыв, вырываются наружу в форме неожиданных и метких замечаний о вещах и людях.

Какие пикантные открытия предстояли мне благодаря исключительному состоянию их наболевшей и возмущенной души, в котором я застал двух друзей! Нет психологии, которая не заслуживала бы внимания. Я пригласил обоих патронов обедать.

Без сомнения, я не повел бы их ни к Пайяру, ни в *Café de Paris*, но «Серебряная башня» находится так далеко, так далеко, там, за Нотр-Дам, почти в самом конце острова Сен-Луи, в уединении набережной *de L'Entrepôt*, в том месте, где начинаются пустынные степи Берсийского квартала. Впрочем, с их массивными кольцами и цепочками и с их видом богатых буржуа, мои спутники могли бы, пожалуй, сойти за двух зажиточных владельцев виноградников или же за барышников Лошадиного рынка: Ботанический сад не так далеко от бульвара Опиталь. Впрочем, мои приятели знали этот ресторан: эти господа любили хорошо поесть.

После нескольких минут колебания, узнав имя ресторана, они приняли мое предложение,

Итак, мы сидели там, запивая превосходным вином утку с кровью, которая составляла гордость этого ресторана. Сначала они сидели с видом двух святош, вдыхая аромат соусов и букет вин, но вскоре *extra-dry** развязало язык Филиберу:

— К тому же клиентура спорит теперь за безделицу, скандалит и становится все скуперее и скуперее... Товар с каждым днем делается все хуже и хуже... И конкуренция, притом самая бесчестная, на улице... Так, например, в Об-ри-лез-Эпинет стоят два полка, а в дни ярмарки едут из всех окружающих деревень, а от земледельцев уж верный заработок. Но есть фабрики, кроме нас — две ткацкие и одна для чесания шерсти... А работницы! О! м-сье Жак, фабричные работницы!..

* Экстра-сухое (*фр.*).

Полиция же закрывает глаза на все это; полиция молчит. Но меня она не стесняется штрафовать. При малейшем нарушении ее правил, штрафы так и сыпятся на меня! Как град на молодые посевы! Эти фабричные девки отдаются за двадцать су, иной раз и дешевле; они отдаются на краю поля, за забором, — где только придется. Между тем как у меня цена — два франка, не меньше, а если остаются на ночь, то пять франков. Да что и говорить: за моим заведением установлен надзор, оно никогда не может иметь пикантности случайной встречи.

Нет никакой возможности бороться!.. А еще говорят о строгости нравов в провинции!.. О, нравы Обри-лез-Эпинет!..

И Филибер, с возбужденным лицом и жирным ртом, звонко хлопал себя по бедрам.

— Хоть бы еще дома было спокойно! Да где там с теперешними потаскушками! Вот твари!..

Нет больше работниц, одни бездельницы! Они только и знают, что кутят, вливают в себя абсент стакан за стаканом и выделывают с вами всевозможные фокусы; пешки, пустые головы, сплетницы и пьяницы... Все они, сколько их есть, — один воплощенный порок. Они всегда правы, только и думают, как бы надуть вас и стянуть с вас деньги. А если немного прикрикнешь на них, то они сейчас же требуют расчет, забирают свои пожитки и исчезают:

«До свиданья, патрон, надеюсь, я не увижу вас больше: ни вас, ни вашу полойную яму».

И конец! Уходят, как горничные!

В прежнее время было не то: поступали к нам хорошие, простые и небалованные деревенские девушки, которые работали без устали с вечера до утра, — соблюдали интересы хозяев и довольствовались только теми деньгами, которые мы посылали на воспитание ребенка или же на поддержание старухи-матери в деревне. Это были добрые, кроткие Божие создания. Согрешив, они старались исправить свою ошибку; они поддерживали стариков, воспитывали своего ребенка. Каждый месяц они отправляли в деревню денежные пакеты, а иногда их родители навещали их в доме. Можно было подумать, что находишься в приемной какого-нибудь пансиона. Это производило хорошее, освежающее впечатление.

Больше того, были такие, которые составляли себе приданое и, по возвращении на родину, находили мужа, становились прекрасными матерями, выходили замуж за отца ребенка.

Но вывелся этот род девушек, тип этот исчез! Надо проститься с ними. Теперь только одни пьяницы, и все с любовниками, которые всюду таскаются за ними, обируют и бьют их, дают им дурные советы и натравливают их на хозяев! Сквернословят, ругают клиентов. У меня была одна девица, из-за которой я потерял трех постоянных клиентов. Как только завидит, сейчас же зовет их, орет во все горло из одного конца зала в другой: есть ли народ, нет ли, ей все равно... да еще по именам! А двое из них были женаты, третий служил чиновником в префектуре. Можете вообразить себе их физиономии?! С тех пор я их больше не видал; они взяли сообща на содержание одну молодую работницу...

Вот как может погибнуть заведение, м-сье Жак.

А Ирма! Она разгоняла всех клиентов своим обращением. Я едва отделался от нее. Она ни за что не хотела уходить: прилипла, как смола. Она бы вымела у меня всех клиентов, если бы я не выгнал ее...

Вот с каким народом приходится иметь дело! Да и естественно: теперь нет ничего святого, нет больше семейных привязанностей, нет религии! Что может в таком случае удержать этих несчастных? Дядя моей жены, хозяин заведения, которое перешло ко мне, говорил мне, что были среди них даже набожные. Эти были наиболее усердные в деле; эти и сентиментальные, любившие читать романы-фельетоны! Но подобные экземпляры больше теперь не встречаются, мой друг.

В мое время, если девица читала Мюссе или Жорж Занд, я уже знал, чего держаться. Такая была золотом, попавшим в наш дом.

Теперь же все, что есть — дрянь. Все с амурами, всех эксплуатирует какой-нибудь скверный тип или же подруга. А подобных парочек немало: с подругами. И не дай Бог, если заведется что-нибудь в этом роде. Тогда вечные скандалы, война, дом превращается в больницу умалишенных и пойдут судебные следователи... Ох уж эти парочки! Хоть тут свет перевернись — им все равно; они вам готовы смотреть, как убивают отца, мать, и даже глазом не моргнут при этом. А истерики, трагедии, сцены ревности, мнимые самоубийства, угрозы убить!.. Целые мелодрамы в своем же доме! Душ или смирительная рубашка: другого средства нет против них.

Так что, как только я замечаю подобную парочку, которая уединяется и ласкает друг друга глазами, я сейчас же останавливаю ее и говорю:

— Стойте, мои милые овечки! Чтоб я не видал больше этих замашек у меня в доме. Или прекратите, или убирайтесь. Можете где-нибудь в другом месте изображать из себя Принцесс Грез, Ну! живо... перестать! Или же отправляйтесь на все четыре стороны. Я не желаю Билитис у меня в доме.

Билитис, — это книга, которую принесла одна из этих тварей: это сборник стихов в прозе*. Они чуть не передрались из-за этой книжонки, чисто из-за стофранковой бумажки... А что в ней такое? Одна пакость! Рашель, которая принесла эту книжонку в наш монастырь, говорила с хвастовством:

— Билитис — это я!

— Я тебе задам Билитис!

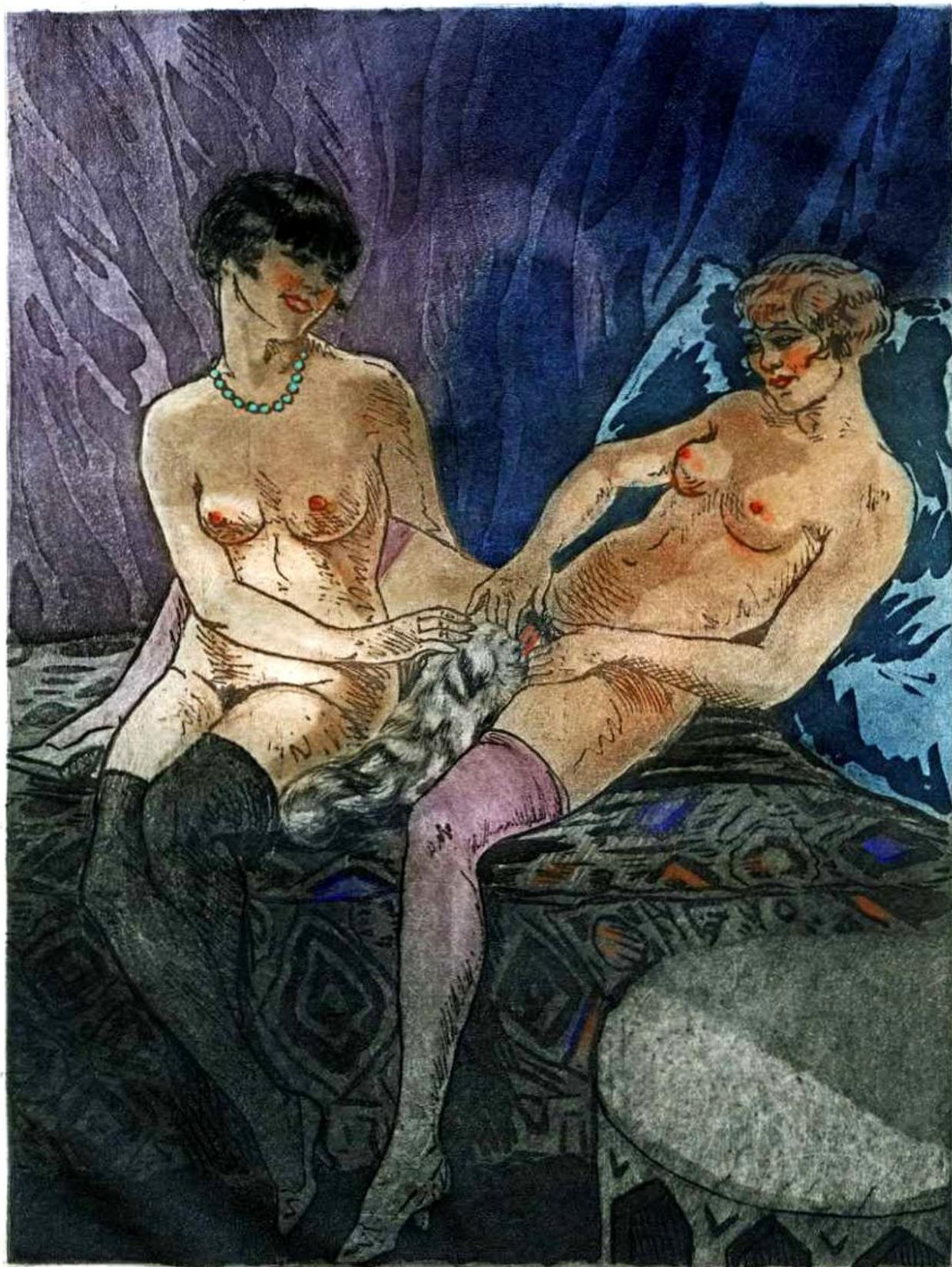
О, эта Рашель! Мы с хозяйкой немало перетерпели из-за нее. Верите ли, она задалась целью отвлекать женщин от их обязанностей и хотела внушить им отвращение к клиентам! «Вы слишком ухаживаете за ними, — твердила им она, — пускай лучше они побегают за вами. С какой стати вы будете лезть из кожи, чтоб понравиться им? Знаем мы, что влечет сюда этих свиней!»

А она-то сама, на что была мне нужна? О чем я ей и заявил как-то раз:

— А ты? Чем ты-то живешь сама, что смеешь хулить других! Ты, моя милая, ошиблась дверью, тебе надо было идти в монастырь!

Нет, какова! Она приглядела себе девочку из Нанта, Лионит, блондинку с

* Речь идет о «Песнях Билитис» (1894) — эротическом шедевре П. Луиса (1870-1925).

пепельными волосами, с хорошенькой мордочкой и мягкими движениями, с видом подростка; и эта подлая Рашель так сумела ловко обернуть ее, что та, такая милая и приветливая с клиентами вначале, не хотела идти больше ни с кем. Едва-едва она говорила с вами и, кроме обеда, когда собирались все вместе, она постоянно отдалялась, постоянно сидела у себя в комнате или же гуляла одна с книгой в парке, под тенью вязов, так как при доме в Обри есть парк или уж, по крайней мере, большой тенистый сад.

— Очень рад за вас, Филибер.

— Непременно приезжайте посмотреть на этих днях, м-сье Жак. Вы доставите всем большое удовольствие.

— Конечно, конечно. Мы поговорим еще об этом, Филибер.

— А хозяйка-то как будет рада. Ты ведь приедешь тогда, Эрнест? Он живет рядом. Мы раскупорим бутылку моего старого «Мартеля». Итак...

И Филибер вернулся к своему рассказу.

— Итак, эта маленькая Лионит становилась скрытной.

«Из нее ничего путного не выйдет, — ворчала жена. — Эта паршивая Рашель испортила и развратила ее».

Между тем, я глядел за ними в оба и, так как провести меня не так-то просто, то до сих пор ничего особенно скверного еще не случилось. Другие девицы насмехались над ними, но, так как они побаивались Рашель, то и не связывались с ней.

Однажды вечером вдруг является к нам главный инспектор. Главный инспектор... это большая честь для дома. Мы оказываем ему подобающий прием; он пришел к нам просто, по-дружески.

— Постарайтесь показать себя с хорошей стороны, — говорю я дамам, — чтоб господин инспектор вынес хорошее впечатление о нашем заведении.

Я предложил шампанского. Я прекрасно видел, что он поглядывает на Лионит.

— Давно ли у вас эта новенькая? — спрашивает он меня. — Я ее еще не видел здесь.

Желание начальства есть приказание.

— Иди к себе в комнату, — говорю я Лионит.

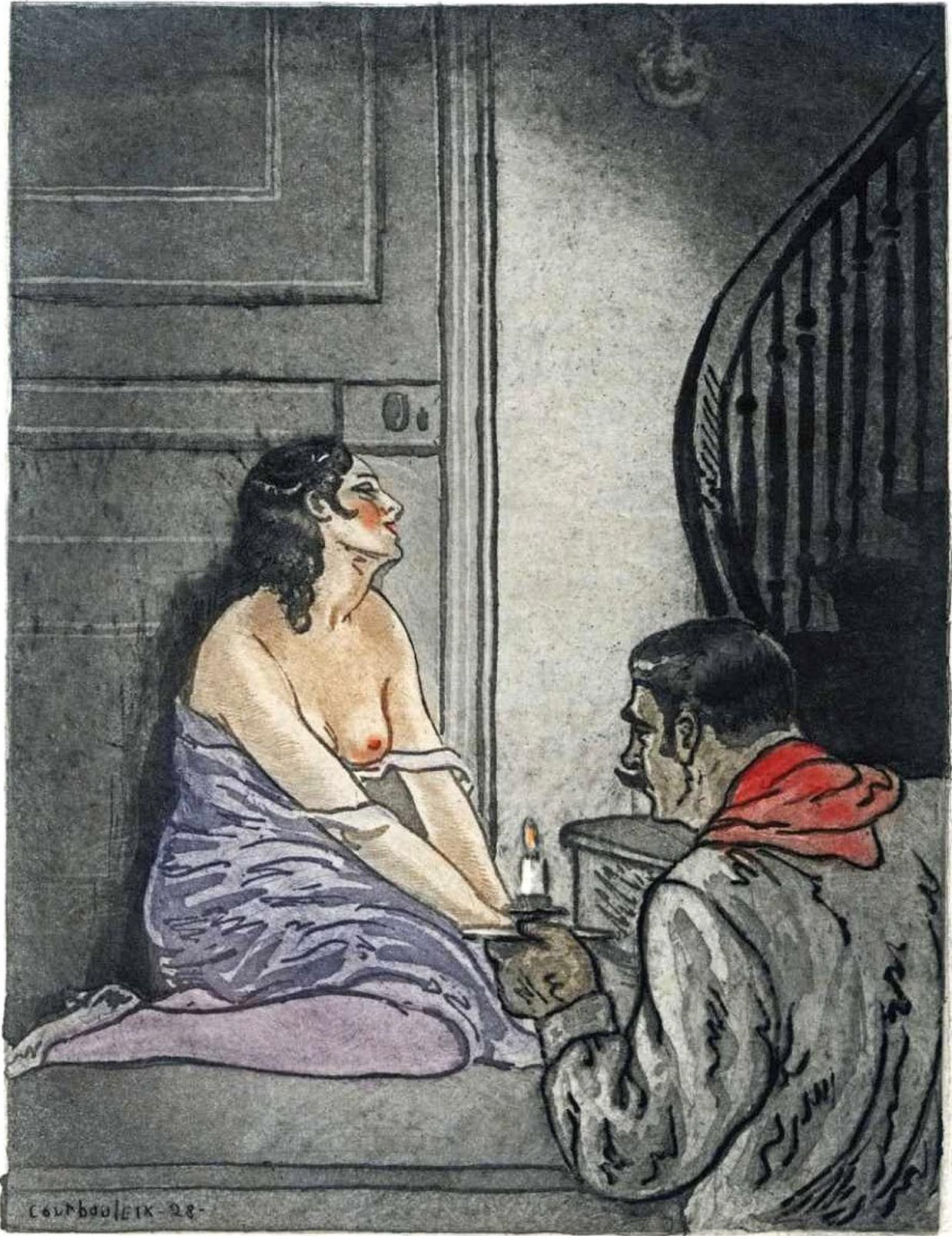
Но что же я вижу на лестнице? Рашель, набросившись на девочку, наставляет ее и угрожает ей.

«Я не хочу, чтобы ты шла туда. Этот гусь мне противен; я запрещаю тебе быть ласковой с ним... если он будет приставать к тебе... пошли его к черту, откажись... Если ты позволишь ему, я расправлюсь с тобой по-своему» и т. д.

Я отвесил звонкую пощечину прекрасной даме и отослал девочку в ее комнату.

Ночью, когда все спали, я спал только наполовину и прислушивался от времени до времени. В пять часов утра я услышал какие-то звуки.

Кто это стонет наверху? Не убивают ли кого? Я беру с собой револьвер, взбегаю по лестнице. Что это такое, на что это я наступил, взбежав на второй этаж? Распластавшись животом на каменном полу, у самой комнаты Лионит, Рашель, в одной сорочке, лежит и всхлипывает:

COUPBOULEIX 28

— Моя маленькая Лионит! О! свиньи, убийцы!..

Она провела всю ночь около этой комнаты, — комнаты главного инспектора.

Я ее поднял, дав ей хорошего пинка... в известное место. Она уехала из нашего города в тот же вечер; та уехала за ней следом... Не думайте, что легко иметь дело с подобными олухами! Что за жулье, что за негодяйки!.. Попробуйте-ка справиться с ними! Надо иметь здоровый кулак со всем этим скотом!..

III

Хозяйский глаз

— О, без сомнения, это дело требует хорошего кулака, — пробормотал Эрнест Бодармон.

— И глаза! — добавил Филибер.

— И притом зоркого глаза! — настаивал Эрнест, — так как адвокатские штуки этих девиц могли бы наполнить целые тома, если б кто-нибудь пожелал описать их.

— Ну, начинай теперь ты свой рассказ, Эрнест, — подбадривал толчком в бок толстяка добродушный Филибер.

Обед близился к концу.

После гигантских раков «Tour l'Argent»* с соусом борделез, в котором было гораздо больше чеснока, всевозможных пряностей и шафрана, чем в обыкновенном борделезе, — подали ягоды. Ледяная и освежающая кислота ягод приятно подействовала на наши раздраженные остротой соуса языки.

Побуждаемый Филибером, Бодармон сначала стал было отказываться, но после стакана *Château du Pape* 1880 года, он начал свой рассказ:

— Да, очень зоркий глаз надо иметь с девицами и их друзьями! Это было в Мо, в 1893 году. Я всегда имел заведения только в провинции и никогда не любил вашего парижского омута. В Париже слишком уж много хлопот и, кроме того, парижские женщины слишком уж порочны. Они вам могут погубить целое дело просто для того, чтобы только позлить вас и посмотреть, какую физиономию соорудите вы в этот момент. Мы уж знаем, что это за особы, так как имели с ними дело. Итак, это было в Мо, в 1893 году. У меня было небольшое, хорошее заведение, — заведение образцовое, второго разряда: доходное и верное, и без малейшего риска. Без роскоши и без блеска, без больших расходов на туалеты для дам, оно приносило мне в среднем около двадцати пяти тысяч франков чистого дохода, а это очень недурной доход. Клиентура была все солидная, — все окружающие деревни; люди тихие, спокойные, немного скупые, правда, — у них была мания торговаться (были даже и такие, которые в

* В стиле «Серебряной башни» (фр.).

дни ярмарки просили сделать уступку на проездном билете в кассе вокзала), — но зато во всем остальном — это были кроткие создания и верные плательщики; с ними не было ни скандалов, ни ссор, ни драк с ножами, — не то, что с этими проклятыми заводскими рабочими. Ох уж эти заводские рабочие! Они и земляные рабочие, которые приходят к нам из Пьемонта во время проведения новых путей. Для наших домов это все равно что холера или град на засеянные поля.

Итак, я жил в Мо, на улице Годриэт, с целой труппой миловидных женщин, больших лакомок, как они все, но зато отнюдь не скандалисток и очень приветливых с клиентами. В это время одна из моих девиц ушла от меня. Ее мать умерла в деревне и отец требовал ее к себе, чтобы вести хозяйство. Это был небогатый земледелец из окрестностей Питивье, постоянно навешавший свою дочь, даже тогда, когда она согрешила. Это был старичок небольшого роста, ласковый, но хитрый, как лисица. Он приходил к дочери два раза в год и отбирал у нее все ее сбережения, взамен чего она получала отеческие ласки, поцелуи и пару уток, которых он приносил ей всегда в большой корзине с приподнятой крышкой. Мать, оскорбленная в своей гордости (Лиза сбежала с коммивояжером), не желала больше видеть свою дочь. Отец, более хитрый, чем мать, оказался сговорчивым; светлые пеньюары и шелковые чулки его дочери трогали его отеческое сердце. Лиза была хорошая девушка, недалекая и слабохарактерная, и ни в чем не могла отказать своему родителю. Когда старик, со скованными своей ношей движениями, в жесткой рубахе, показывался на улице Годриэт, неся корзину с крышкой, приподнятой головами уток, мои дамы встречали его шутками:

«За сколько продашь сегодня дочери твоих болотных куриц?»

И они разражались громким смехом, тормоша старика и крича:

«Лиза, Лиза, твой отец пришел; иди же вниз, дура, пускай его утки поциплют тебя хорошенько. Иди, глупая гусыня, погляди на твоих братцев, ты ведь сродни этим глупым уткам».

И старик, которому было приятно потереться около женщин, вдыхал жадно и шумно аромат их рук, пахнувших духами, между тем как Лиза летела кубарем с лестницы и, вращая бедрами, подходила к отцу, подставляя ему свои толстые щеки для поцелуя.

Мы оставляли старика обедать и, после кофе, чтоб дать им возможность остаться вдвоем, я разрешал Лизе подняться с отцом в ее комнату. Он выходил оттуда к вечеру, когда должна была начинаться работа (это был серьезный человек, понимавший, что дело есть дело), добросовестно прощался со всеми нами, просил иногда разрешения поцеловать всех дам и потихонечку, не спеша, отпраиваясь своей дорогой, легким шагом и с наполненными карманами... И вечером, за ужином, девицы поднимали на смех Лизу.

«За сколько же продал он тебе на этот раз уток?» — набрасывались они на нее все зараз.

Лиза защищала своего отца. Он был так несчастен в семейной жизни, мать была так жадна и так жестока! Больше того: она почти морила его голодом; она только и видела и ласкала одного старшего сына, никуда не годного быв-

-26
Courbouleix

шего зуава, который только таскался по кабакам и все дело которого заключалось в развращении девиц; и чувство глухой мести поднималось в мягком сердце Лизы. Она любила несчастного человека со всею силой ненависти, которую она питала к своей дурной матери и своему негодному брату.

Утки же, с перевязанными розовыми ленточками шеями, составляли все счастье девиц в продолжение недели. Они переходили с рук на руки, все хотели позабавиться с ними, и все это сопровождалось томными жестами и словами любви. Они укачивали их у себя на руках, целовали их клювы, готовы были дать им свою грудь, охваченные нежным чувством кормящих к этим испуганным животным; они показывали их даже клиентам; называли их разными именами, то Шарлем, то Эрнестом, то Анатолем, словом, именами того, кто производил на них наибольшее впечатление за последнюю неделю или же за ночь, и это продолжалось до тех пор, пока одна из птиц не оставляла на их пеньюарах и кофточках жидкость, вызванную их тисканьем и оцупыванием. Тогда грязные животные отсылались на птичий двор и дамы не желали больше возиться с этой дрянью, а две недели спустя, вечером, мы ели Анатоля с зеленым горошком или Эрнеста с репным соусом, и это без малейшего сожаления, даже со стороны Лизы, так как, когда любовь проходит — кончено: утки ли, люди ли — им безразлично.

Славная девушка была Лиза! И это сокровище похитил у меня ее хитрый отец. Мать умерла! Его объятия были для нее открыты; родительское сердце, — она знала это хорошо, — никогда не переставало принадлежать ей, и милая дурочка покинула нас, заливаясь горячими слезами. Она поехала к себе... Старик знал, что делал: Лиза была не без денег.

— Он теряет жену, но зато наследует от своей дочери, — сострила Адель.

— Вот скучать-то будешь там, — фыркнула Берта, — работа в поле для того, кто отвык от нее, не может сравниться с жизнью, которую мы ведем здесь.

— Без сомнения, — плакала толстушка, — я бы хотела остаться здесь, но мой старик совсем один и требует меня к себе!

— Да не плачьте, она вернется к нам еще. Не правда ли, Лиза, ты вернешься? До свидания, Лиза, да не задерживайся очень-то, не жди, пока завянешь.

И пошли прощания с «питивейским гусем»: ее прозвали так в моем заведении в Мо.

Тем не менее, ее отъезд оставил пробел и этот пробел надо было пополнить: потеря даже одной женщины имеет большое значение для заведения. Я написал друзьям и один крупный поставщик прислал мне девицу из Парижа.

Это была брюнетка, с матовым цветом лица, не очень высокая и скорее хорошо сложенная, немного только худая для моих клиентов. Впрочем, очень *comme il faut*^{*}, серьезная, с мягким голосом, но слишком скрытная: что-то было в ее физиономии, что не нравилось мне, что-то слишком сдержанное и слишком корректное, чтобы не внушать сомнений; аккуратная, с выхоленными руками, с прядями волос, напущенными на уши, с видом гувернантки, сбившейся с пути, или горничной хорошего дома. Ее звали Жинет и мы сразу почув-

* Комильфо (фр.).

ствовали себя стесненными с ней: от нее веяло каким-то холодом и с ее появлением общее настроение простоты, свободы и веселья сразу изменилось. Она не подружилась ни с кем. Как только она оставалась одна, то поднималась к себе наверх, где запиралась и писала бесконечное множество писем, и все в Париж; но, так как новая барышня была пунктуальна в работе и ее изящные манеры, пугавшие сначала клиентов, потом стали привлекать их, то я молчал и велел моим девицам быть обходительными с парижанкой.

Прошло уже три недели с тех пор, как она приехала к нам. Как-то вечером зашел к нам один случайный посетитель: нечто вроде коммивояжера; не без шика, довольно красивый парень в своем роде, хотя худой, как жердь. Мы знаем всех коммивояжеров. Это довольно хорошие клиенты, которые приходят скорее для того, чтобы провести время, чем с другими целями. В зимнее время скучно в Мо и лучше уж прийти к нам, чем в кафе.

Все это я говорю вам, м-сье Жак, чтоб вы знали, что все вояжеры, которые бывают в наших краях, знакомы мне в лицо; физиономии же этого субъекта я никогда не видал.

Он приходит, требует себе вина, угощает весь батальон девиц и затем приглашает парижанку.

— Я проведу здесь ночь, — говорит он мне у лестницы. — Сколько это стоит, патрон?

— Сто су. И что пожелаете для дамы.

— Хорошо, вот ваши сто су; в остальном положитесь на меня.

И они поднялись наверх. Это был единственный серьезный клиент в эту ночь.

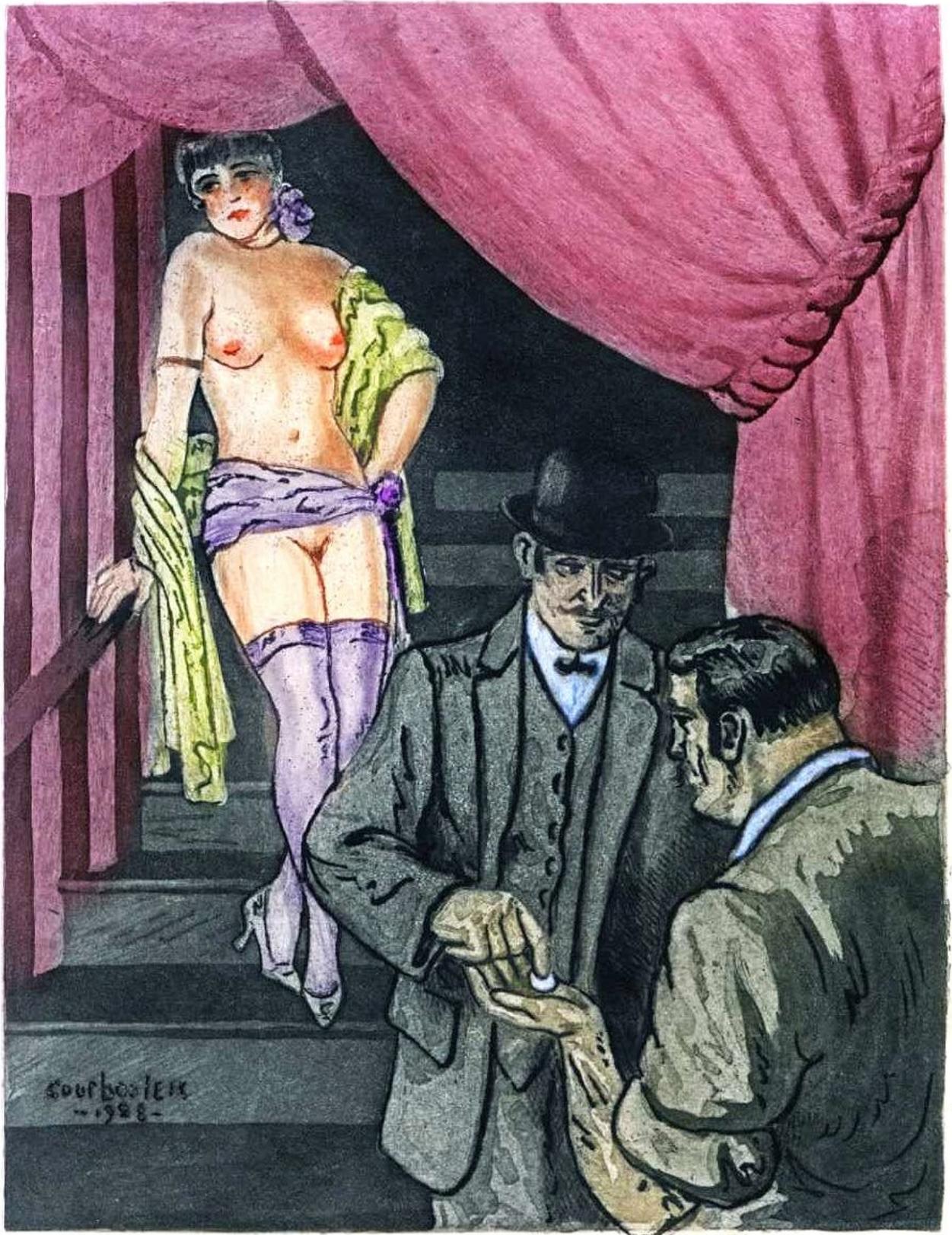
Шел, помню, проливной дождь: погода, в которую не выгонишь монаха на улицу; впрочем, ни единой живой души и не было на дворе, так что около десяти с половиной часов я говорю моим дамам: «Идите, ложитесь спать; никто не придет больше сегодня; разве кто придет после шестимесячного путешествия из Ньюфаундленда, да и тот завязнет в грязи. Пойдемте спать, мои милые кошечки, и можете встать завтра попозже; ничего не действует так хорошо на вас, как позднее вставание».

Я очень ласков с моими барышнями, я — патрон *à la papa** и смотрю на них, как на своих детей; меня хорошо знают в наших местах и бывать у Эрнеста Бодармона все равно, что ездить на морские купанья.

Итак, я погасил газ и мы разошлись по своим комнатам, но я не мог спать, так как что-то беспокоило меня насчет клиента Жинет. Я не знал этого франта, а между тем, где-то видел уже эту физиономию. Он сказал «коммивояжер», но он вовсе не имел вида вояжера, скорей он походил на сутенера. Его цепочка на часах, костюм цвета *marron*, все это за версту пахло бульваром Себасто; и потом, насколько мне помнится, он подмигнул Жинет, войдя в зал.

Надо держать ухо остро, подумал я, и я лег спать, готовый каждую минуту вскочить с постели и лететь на первый подозрительный шум. Я не ошибся. Около четырех часов утра я слышу какой-то шорох в доме, шорох, который

* В отцовском духе (*фр.*).

Courbois
-1988-

стараются заглушить; как будто кто-то прокрадывается и старается улизнуть. Я вскакиваю с постели, натягиваю штаны и подхожу, чтобы прислушаться, к двери; я слышу шаги на лестнице: это клиент Жинет; он хочет удрать à l'anglaise*; что-то неладно, — думаю я, — и я вдруг открываю дверь и зажигаю газ.

Парижанка, которая провожала его, опешила, увидя меня, и уронила подсвечник. Она освещала дорогу и помогала, подлая, ему удрать.

— Куда это вы идете так, — говорю я ему, играя револьвером, — не можете вы разве дождаться семи часов, как все, и тогда исчезнуть? В четыре часа у нас никто не уходит. Постели ведь прекрасные в доме.

— Я должен спешить на четырехчасовой поезд, — пробормотал гость хриплым голосом.

— На станцию «Удираловка», — ответил я ему, — полно, раздевайтесь, что это у вас там такое? Вы что-то прибавились в животе, вы, как я вижу, потолстели! Да! сон с Жинет пошел вам впрок. Ну, что у вас там такое, не уносите же вы с собой, надеюсь, наш дом? — И я подставляю ему под нос мой револьвер, встряхиваю его и расстегиваю платье.

— А ты не пищи, Жинет, и отправляйся к себе, или же тебя арестуют, как воровку.

Сконфуженный кавалер позволил себя обыскать. У него были только две простыни, обернутые вокруг тела под жилетом, вышитая наволочка в кармане брюк и по серебряному подсвечнику в каждом кармане пальто: свадебные подсвечники моей первой умершей жены. Франт этот уносил у меня на шестьдесят франков белья и на тридцать франков подсвечников за одну ночь в пять франков; он бы надул меня на восемьдесят пять франков. Вот как обращаются с хорошими домами!

— Не погубите меня, не погубите меня, — молил он теперь, — я брат Жинет.

— Вы мне противны, зачем вы лжете! Скажите просто, что вы ее любовник.

— Ну да, я ее любовник.

— Вот так-то лучше, это честнее, хотя вы и составляете отвратительную пару. Ну, отправляйтесь, проваливайтесь. Я не желаю портить репутацию моего дома, я не хочу, чтоб знали, что одна из моих девиц оказалась воровкой.

Я даже не сообщил об этом полиции, а на другой день посадил парижанку в поезд. Я не из тех, которые выдают людей. Да и потом, все-таки жаль было Жинет! Это был любовник ее сердца.

О! эти парижанки, эти парижанки! Ни одна провинциальная женщина не устроила бы такой штуки. Все это я рассказал вам, м-сье Жак, чтоб доказать вам, что в этом деле надо иметь зоркий глаз...

* По-английски (фр.).

IV

Счастливым человеком

— Так приезжайте же как-нибудь в Обри-лез-Эпинет, м-сье Жак; вы доставите всем большое удовольствие. А хозяйка уж так будет рада! Кроме того, вы посмотрите, как мы живем, как мы устроились. Между двором и садом у нас почти целый парк...

И Филибер просил меня так настойчиво, почти приказывал, и все это сопровождалось такими крепкими рукопожатиями и такими подмигиваниями, что я пообещал все, что хотел Одижон!

— Приезжайте, вы нас застанете в семейной обстановке!

Как отказаться от такого любезного приглашения?

В одно майское утро я решил исполнить мое обещание. Филибер звал меня приехать в середине весны, так как в это время, говорил он, в деревне гораздо лучше, и потом, я застану у них в саду розы в цвету; а розы — была слава заведения Филибера. У него, мол, было более ста различных сортов; розы росли на свободе в парке и, когда они распускались, то все это вместе производило впечатление какого-то роскошного фейерверка цветов. У него были там всевозможные розы: вьющиеся, махровые, были и дикие, — настоящая феерия роз на декорациях апофеоза в пьесах театра Шатле. И эти розы были уткой для его дам.

Он говорил, что все барышни будут свежее и полнее после Великого Поста и кровоочистительного лечения, которому он подвергает их, как предусмотрительный патрон, в период от 15 февраля по 15 марта: крессовый сок, отвар дымянки и сироп сассапареля — вот чем угощает он свой батальон два раза в год, в определенные периоды. Это и побольше латука и шпината в пище, и цвет лица дам спасен... И потом, окрестности Обри-лез-Эпинет так хороши, когда ивовые рощи блестят, как ртуть, вдоль реки, и когда на орешниках и боярышниках в деревне Гран-Комб начинают появляться новые листочки. И потом, в мае он меня угостит цыплятами *en cocotte*!* И что там масса калинки; что мы пойдем к Трем Мельницам удить линя, что он предоставит мне все удовольствия, которые только можно получить в Обри. Словом, я должен был приехать в мае. День я мог выбирать по своему усмотрению, только не воскресенье, когда масса оборванцев на улицах и слишком много шума от звона колоколов на колокольнях, и не субботу, — день большой торговли на рынке: в дни эти также лучше всего шла торговля в его доме и все его время принадлежало клиентам.

Кроме этих двух дней, которые были кошмаром его существования, я мог застать его во все остальные дни, так как он выходил из дому редко. Впрочем, чтобы наверняка застать его дома, я мог телеграфировать ему накануне, и он

* В кокотнице (*фр.*).

придет встретить меня на вокзал. Дом его был совсем рядом, первая улица направо, потом переулок налево (всякий покажет где), на углу поля, за большой стеной, и вот гвалт-то поднимется, когда я назову себя: там уж будут подготовлены к моему приезду. Но удобнее всего было поступить так: поехать с Орлеанского вокзала, с поездом в восемь часов десять минут, который доставит меня в десять часов двадцать минут в Обри, и там я сяду в гостиничный рыдван и велю везти себя на площадь Гиллемит, за собором, контрфорсы которого упираются в бывшее здание хлебного рынка: там и находится теперь базар.

Филибер всегда ходил туда сам. Он любил хорошо поесть и потому сам всегда покупал провизию; дамы его были очень довольны этим. Он был того мнения, что надо хорошо кормить их.

«Хороший овес в яслях делает у лошади шерсть блестящей, а блестящая шерсть приятна для глаз покупателя». Подобного рода афоризмами Филибер приводил меня в восхищение. Должно быть, именно эти поговорки, созданные его жизненным опытом, и очаровывали меня. Впрочем, на рынке Гиллемит все знали Филибера. Я должен был только назвать его; его знали хорошо все зеленные и рыбные торговки.

«Филибер! Видел ли ты Филибера?» Как только он появлялся, песенка на мотив: «Видел ли ты луну, мой любезный, видел ли ты Филибера?» переходила с прилавка на прилавок. Ах, да! Как хорошо знали его жители Обри-лез-Эпинет, и все поставщики аристократических и демократических кварталов. Дом его считался там первым, у него лучше всего ели, и он пользовался всеобщим уважением в городе; у него было больше расходов, чем у тамошнего супрефекта и даже у бригадного генерала, и все при встрече с ним ему низко кланялись. Впрочем, говорил он, я сам увижу, как относятся к нему в Обри.

Итак, однажды утром я поехал с поездом в восемь часов десять минут с Орлеанского вокзала, чтоб застать Филибера «в семейной обстановке». Верный программе, начертанной им, приехав в Обри, я сел в гостиничный рыдван и, высадившись на площади Гиллемит, спросил Филибера. Я сейчас же увидел, что он не солгал.

— Филибер, видел ли ты Филибера?..

Напев этот пробежал от прилавков зеленого рынка к прилавкам мясных торговцев; веселый и насмешливый, как опереточный мотив, он был встречен дружным смехом, звонко раздавшимся под сводами рынка.

— Филибер, видел ли ты Филибера?..

Весельем вдруг наполнились старые своды и, выросший неизвестно откуда, вызванный, казалось, смехом и криками, Филибер был вытолкнут мне навстречу тысячью невидимых рук; Филибер, ошеломленный, расцветший, с более широкой физиономией и плечами, чем Филибер, виденный мною в Париже; Филибер, — веселый и багровый от сытой жизни, словно вырвавшийся из одного из «юмористических рассказов» Бальзака, предстал передо мной в готической обстановке, при слабом освещении старого рынка, среди пестрого и веселого кишения толпы, — с голубыми глазами, своей губастой улыбкой и видом доброго малого: настоящий внук Пантагрюэля!

Его привели ко мне с сеткой в руках, наполненной всякой всячиной, где копошились два жирных, откормленных зерном цыпленка, три лангуста, одна речная форель, четыре пучка спаржи и латук: эта разнообразная провизия болталась на левом бедре Филибера, и маленькая дорожная шапочка, покрывавшая его голову, дополняла его вид метрдотеля.

— Филибер, вот ваш Филибер!

Все рыбные, мясные и колбасные торговки видимо радовались, предоставив меня объятиям Филибера. Филибер был одной из гордостей и радостей Обри. Малый ничего не прибавил и в это ясное майское утро, на провинциальной площади, окаймленной старыми зданиями бревенчатых домов, из которых некоторые выступали над красными зонтами торговцев. Филибер, встреченный восторгом и приветствуемый всеми торговцами города, казался мне символом, тем самым символом, который мог бы украсить собою портал его заведения в Помпее: Филибер,— начало и производитель мира, который приводил в движение в своей маленькой сфере в Обри все денежные дела. «Когда любовь идет хорошо, все идет хорошо», — поговорка, изобретенная, впрочем, не самим Филибером.

Символический Филибер смотрел на меня и не верил своим глазам.

— М-сье Жак, это вы? Да нет, это вы, м-сье Жак! Вы приехали!

Его изумление было до того сильно, что я испытал минуту огорчения. Не поспешил ли я слишком приехать и не было ли приглашение Филибера просто одной из тех пустых, любезных фраз, которым не следует придавать значения? Но тон, которым было сделано приглашение...

Я ошибся. Филибер потрясал мне руки с очевидной радостью.

— М-сье Жак Менар, парижский журналист, вы его хорошо знаете. Кто его не знает?

И Филибер кричал мое имя повсюду, представлял меня всем фартукам, толпившимся вокруг нас, и как будто старался всем показать меня. Мой друг Филибер тщеславился моим присутствием и провозглашал наши отношения *urbi et orbi*^{*}, мало заботясь, может быть, о том, имел ли и я основание так же гордиться его знакомством.

— А хозяйка-то будет рада!

«Должно быть, не очень», — подумал я, так как его широкая, сияющая физиономия стала нахмуриваться понемногу. В нерешительности, он взял меня под руку и сказал:

— Если вам все равно, м-сье Жак, мы позавтракаем не дома, а в ресторане. Я приглашаю вас. Такие дома, как наши... утром, знаете, это не то! Дамы эти ложатся поздно, дом имеет такой же вид, как физиономия плохо выспавшегося, капризного ребенка: эти лентяйки никак не могут вылезти из постелей и потом, знаете, дом еще не прибран; это стеснило бы хозяйку. А Вероника самолюбива!.. Она бы не простила мне этого и ворчала бы на меня целый день, а так как вы ужинаете сегодня с нами, то я не желаю изображать с ней за столом фаянсовых собачек.

* Городу и миру (*лат.*).

— Я вас стесняю, Филибер, мне очень жаль, но ведь вы сами сказали мне...

— Приехать, чтоб застать нас в семейной обстановке. Вы увидите ее, эту маленькую семью, и в полном составе: сегодня четверг, а по четвергам, вечером, мы всегда устраиваем маленький кутеж. Это вечер шикарных мужчин города... и какое совпадение: сегодня у нас будет ужинать товарищ из Нормандии, Исидор Ледрю, патрон из Сен-Валери-ан-Ко, форменный чудак и весельчак, с которым уж не соскучишься. Вы можете сказать, что вам повезло! И в доказательство того, что я не вру, взгляните на мою сетку, м-сье Жак; это меню сегодняшнего вечера: цыплята, форель, лангуст, спаржа. Цыплята, откормленные зерном! У Филибера любят хорошо поесть и потом, чем я больше думаю, гость в полдень, два гостя вечером — это было бы слишком для моей хозяйки. Она так любит, чтобы все было хорошо. Да! я очень удачно женился, м-сье Жак. Что касается порядка, Вероника очень аккуратна, она хорошая хозяйка и женщина, что называется, с головой. О! в этом отношении я нашел себе прекрасную помощницу. Это хозяйка и настоящая хозяйка, которая умеет заставить всех уважать себя. Я не хочу расстраивать ее. Мы позавтракаем в кабаре; я пошлю предупредить ее. Зайдемте в кафе, хотите?

И после того, как мы уселись в тени кабачка, расположенного под сводами старого рынка, Филибер, заказав два стакана абсента с сахаром, сказал:

— Послушайте, Маглуар! нельзя ли послать вашего мальчика по одному поручению... А! это ты, мой милый Дриен, ты пойдешь к m-me Филибер... ты знаешь, дом Филибера, наверху, в поле, окруженном забором, на углу Зеленой дороги, по ту сторону пути?

— Да, знаю, м-сье Филибер.

И мальчуган, красный, как пион, смотрел исподлобья, упрямо опустив голову.

— Так вот, ты скажешь m-me Филибер, что я встретил одного из друзей, что я позавтракаю с ним в ресторане и что мы придем с ним домой к двум часам. Возьми также мою сетку и передай ее от меня хозяйке. Вот тебе десять су и беги скорее.

— Хорошо, м-сье Филибер.

— А теперь, м-сье Жак, пойдемте, закажем форель у Мартен-Пешер. Это маленький ресторанчик на берегу реки, где пьют искрящееся вино, которое заставляет смеяться барышень.

Филибер ничего не преувеличил.

Ивы блестели на берегу реки, вода струилась мелкой рябью и казалась синей в своем русле, усеянном булыжником. Построенный на сваях, ресторан возвышался над широкими полями, испещренными маргаритками и другими цветами; там паслись стада, скрывавшиеся в траве почти по самую голову, а вдали, у горизонта, где зеленели молодые посевы, стройно возвышались светящиеся тополя; их заостренные верхушки, казалось, искрились в пелене легкой лазури; свежий ветерок колыхал листочки ольх и необъятная тишина полей наполняла далекое пространство.

Car c'était un matin de charité divine

Où dans le bleu du ciel l'eternite chemine*.

Мы кончали завтрак под свежей тенью катальп и Филибер молчал. Его веселость исчезла, что-то мучило его, какое-то признание просилось у него на язык, но он, по-видимому, не решался высказаться. Кровь прилила ему в голову, виски его были влажны; он дожидался, когда остынет его кофе и тем временем неуклюже обрезал сигару.

— С вами как будто что-то случилось, Филибер?

— Ну да, конечно, м-сье Жак, и лучше уж я скажу вам это. Я ведь говорил вам, что я женат, что я женился на племяннице одного патрона, которая принесла мне в приданое дом. Я говорил вам также, что я отец четверых детей, но одного только я не сказал вам: я не сказал вам что... что... ну да, словом, что моя жена... горбата. Я женился на безобразной женщине. Вероника мне едва по бедро; но она хорошая женщина. В этом отношении я не мог сделать лучшего выбора, но, конечно, мы женились не по любви; у нас ее называют горбунией. М-сье Жак, — и голос толстяка сделался умоляющим, — скажите, что вы меня не очень презираете за подобный брак, и потом, когда вы увидите мою жену, не поражайтесь слишком откровенно, постарайтесь сдержаться, не разглядывайте ее слишком явно, как какой-нибудь феномен. Я умоляю вас: сдержитесь! Ей доставит такое удовольствие, что на нее смотрят так же, как и на всех людей. Подумайте, люди ведь так жестоки и грубы! Были случаи, когда ее хватили за горб, так как существует поверье, что это приносит счастье. Люди делают это без всякой злобы, но бедную жену это так унижает. Вы же, вы — джентльмен, м-сье Жак, будьте добры к моей Веронике... Ух, как мне жарко!..

V

В семейном кругу

— А теперь, пойдете посмотрим на дам!

Филибер расплатился по счету и, тяжело дыша, пыхтя как тюлень, он давал мне понять, что пора идти.

Мы пошли пастбищами. Путь наш лежал вдоль узких протоптанных тропинок, канав и заборов, которые встречались и пересекались между собой; в воздухе пахло боярышником, земля, мягкая, как губка, тихо похлопывала у нас под ногами, и наше появление заставило выпорхнуть из травы целый рой маленьких голубых бабочек и зеленых кузнечиков, рассыпавшихся в воздухе, как лепестки оборванного цветка. На горизонте смутно обрисовывались деревенские колокольни.

* То было утро божественной благодати / Когда вечность растекалась по голубому небу (*фр.*).

— Недаром я говорил вам, что это блаженный край! — заметил Филибер, не зная того, что он высказывает мою тайную мысль. — Только и можно жить в провинции, м-сье Жак! Сравните сами мою жизнь с жизнью парижского па-трона. Когда я думаю о домах около Военной школы или на Тронной площа-ди, о больших аллеях, накаленных солнцем летом и сквозящих ветром зимой, о мощеных мостовых, на которых уже с семи часов вечера бродяги избивают и убивают прохожих парижан, я каждый день благословляю судьбу, давшую мне, десять лет тому назад, эту рожу сердцеда, которая вскружила голову моей Веронике и делает меня теперь чем-то вроде рантье, как какого-нибудь буржуа...

Мы оставили сзади поля и, следуя на протяжении нескольких сот метров вдоль железнодорожного барьера, попали в лабиринт маленьких и совершен-но новых улиц; некоторые из них кончались тупиками. Утопающие в тени и изобилующие крапивой, они живо напоминали о скучной провинциальной жизни, а за высокими стенами чувствовалось таинственное дыхание густых, те-нистых садов...

Там, где кончалась стена, Филибер остановился. Он вынул связку ключей из кармана; замок заскрипел.

— Здесь, — сказал он, — мы дома.

Маленькая, изъеденная червями калитка, которую открыл Филибер, встрях-нула целый дождь роз и, с высоты трех ступеней, мы могли видеть на огороде грядки с салатом, с капустой и фасолью, поддерживаемой палочками, и бобы в полном цвету.

Филибер снова запер калитку.

— Можно кормить зеленью мой батальон! У нас нет недостатка в салате.

Сад тянулся очень далеко, разделенный прямыми аллеями. Аллеи были за-сажены фруктовыми деревьями. В саду были также дыни в рамках с бордюра-ми из петрушки и шнитлука. Для соединения полезного с приятным была тут же посажена гвоздика, привязанная к палочкам; кое-где выглядывали сине-зеленые стебельки мака и длинные сабли ирисов; маленькая теплушка при-мыкала к стене, из которой тянулись к солнцу шпалерные персиковые деревья, а посреди дорожек стояли забытые лейки.

— Черт возьми! Вы не отказываете себе ни в чем, Филибер; сколько у вас садовников?

— Два круглый год, но один из них мне служит и половым в доме.

Огород сменился фруктовым садом. Розовые хлопья цветов на перепле-тающихся серых ветвях, испещренные узорами ветвей дорожки, весь этот ма-ленький нормандский уголок напоминал собою один из очаровательных япон-ских пейзажей. Мощные, словно покрытые белым инеем яблони стибались и переплетались друг с другом стволами.

Филибер обратил мое внимание на кору яблонь, изборожденную трещи-нами.

— Это старики, они живут долго...

Целая стена брумеля заканчивала фруктовый сад. Дальше тянулась по-ляна, окруженная толщей красных буков и серебристых лип. Садовник-пей-зажист когда-то смешал породы деревьев, заботясь, по-видимому, и о гармо-

нии общей картины. Это был почти настоящий парк. Белый двухэтажный дом изнемогал под тяжестью крыши; дом имел двадцать окон только со стороны фасада и напоминал казарму, которая как будто чувствовала себя не на месте в этом прекрасном саду, усаженном лиственницами и катальпами. Точно фонтан, гинериум, со своими серебряными султанами, распускался перед домом.

Я был ошеломлен.

— Да это целая феерия! Это ваш огород, ваш дом?

— Когда-то здесь была община дам благородного происхождения. Семья моей жены приобрела землю за бесценок во времена революции. Дамы эти были чем-то вроде монахинь; теперь же я поместил сюда моих весталок. Назначение дома изменилось только наполовину; но послушайте, как воркуют мои голубки. Когда птичка поет, значит, гнездо недалеко.

L'aube naît et ta porte est close.
Méchante, pourquoi sommeiller?
A l'heure où s'éveille la rose
Ne vas-tu pas te réveiller?*

До нас доносился чей-то приторный голос, который задерживал фиоритуры и растягивал слова «Viens, Poupoule, viens!»

Послышался другой, резкий голос. Раздался громкий смех из-за группы берез.

— Вторая, — Анжелина, — сказал Филибер и остановился, — она всегда портит весь эффект Жульетте.

Нас заметили. Белые пятна пеньюаров мелькали среди зелени, слышны были перешептыванья, потом сдержанный смех. Филибер повел меня прямо через поляну, по траве, и мы появились неожиданно в маленькой зеленой беседке из сирени и орешника.

— Ну, милые барышни, так-то вы встречаете своего патрона? Вы ведете себя, как маленькие девочки. Я привез вам господина, который приехал из Парижа, — журналиста! Но я вижу, вас ничем не удивишь! Что напишет он о вас в газетах?

Пятеро женщин встали, подталкивая друг друга локтем и трясясь со смеху. Напрасно старались они сохранить серьезный вид: это им не удавалось.

— По местам, тише, дрянные девчонки, — крикнул Филибер и, похлопав в ладоши, как учитель в классе, он продолжал: — Не стесняйтесь, можете делать, что хотите, но держите себя прилично. Я за вами слежу...

И он представил мне барышень. Среди них была Жульетта, та, у которой был сентиментальный голос и которая заботилась об эффекте, когда пела романс «L'aube naît et ta porte est close».

Это была высокая брюнетка с правильным профилем и с увядшими, благодаря злоупотреблению косметикой, щеками. В двадцать лет она, вероятно,

* «Наступает рассвет, а твоя дверь закрыта...» Романс на стихи В. Гюго.

была красива. Ей было не больше тридцати лет, но темно-бурый цвет ее век, ее обрюзгший, опустившийся рот выдавали ужасную изношенность ее служившего для удовольствия тела. Орлиный нос с вздрагивающими ноздрями и красивые дугообразные брови делали ее похожей на роковых, но вышедших из моды героинь 1830 года. Розовый фланелевый пеньюар, надетый на желтую сатинетовую юбку, едва сдерживал ее мягкие груди. Фальшивая камея, приколотая к волосам, обвязанным ленточками, сразу изобличала в ней дешевый вкус девки. Жульетта старалась походить на греческие статуи. Она, вероятно, быстро надоедала мужчинам.

— Жульеттка — выдра! — фыркнула, подпрыгнув сзади Жульеты, отчаянная Анжелина.

Анжелина была маленькая кругляшка с влажным телом и всегда потными руками. Ее поблекшая грудь была обтянута лиловым шелковым жерсе; на шее у нее был надет воротничок *à la Pierrot**. У Анжелины был красивый свежий рот и почти полное отсутствие носа; она была похожа на какую-то смешную куклу; Анжелина никогда не сидела спокойно на месте; ей вечно хотелось смеяться и выкидывать всевозможные штуки.

Она выделявала какие-то комические гримасы, показывала Жульетте язык и вертелась на своих коротких ногах, которые у нее были везде одинаково толсты: как около пяток, так и в икрах. Анжелина нагло носила носки вместо чулок.

— Анжелина — «Бестия» или «Девчонка на Бревнах», — шептал Филибер. — Клиенты с ней не скучают, она способна расшевелить мертвого. У этой — ртуть в жилах и она вовсе не злая, — добавил патрон.

Затем Филибер представил мне Жеральдину.

Жеральдина была высокая блондинка с кротким и сдержанным лицом. Темные синяки вокруг глаз и какая-то мягкая слабость талии выдавали ее бесконечную усталость, но она старалась бороться с этим и на вид ей можно было дать не больше двадцати шести лет. Жеральдину можно было бы назвать красивой, если б вокруг ее рта не было какой-то подозрительной красноты; розовый слой велютина, которым она намазала себе лицо, еще более подчеркивал эту скверную красноту. Она была вся в белом, как в день конфирмации, и носила на шее черный бархатный бантик. Она встала небрежно со скамейки, спрятав какую-то книгу в складках своего пеньюара.

— Жеральдина, или «Светская Дама», — посмеивался Филибер. — Подпоручики 16-го Егерского полка преподносят ей акrostихи. Эта дама имеет любовника. У нее всего только три возлюбленных сердца и все трое из армии; она питает слабость к военной форме. Что ты там читаешь, Жеральдина?

Филибер взял книгу.

— *Клодин уходит*** . Я не очень-то люблю эту литературу. А они здесь все бредят ею. Вилли — это злой гений! Он развратит мне весь дом!

Остальные две красавицы не заслуживали никакого внимания; Филибер

* Как у Пьерро (*фр.*).

** Роман (1903) франц. писательницы Колетт (1873-1954), опубликованный под псевдонимом ее мужа А. Готье-Виллара «Вилли».

представил их мне только для очистки совести. Тотот, — нескладеха с широким задом и короткими ногами. Ее курносовая физиономия, как у бульдога, должна была приводить в экстаз каменщиков. В короткой юбке и ночной кофте, она прозаически штопала чулки; шершавая, пупырчатая кожа, как у индейского петуха, выглядывала из-под ее рубашки; у Тотот были красные руки, здоровые зубы и грубая шея прачки; от ее прилизанных волос несло жасмином. У Эжени, которую прозвали «Камбалой», была длинная, худая физиономия и землистый цвет лица. Наглухо застегнутое платье из сине-зеленого сукна и маленький белый воротничок делали ее похожей на классную даму или на учительницу. Эжени нашивала фестоны на ночную сорочку и, не произнося ни одного слова, слегка поклонилась нам с покровительственным видом.

— С материнскими замашками, — шепнул мне Филибер на ухо, — незаменима для обучения неопытной деревенщины: таких, которые «хотят, да не смеют». Прекрасно также справляется с пьяницами, — неказиста, но очень добра; она всегда заботливо укладывает клиентов в постель. Ей бы быть сестрой милосердия. Она ухаживает за нами во время болезни.

Как ни различны были все эти красавицы, тем не менее, на фоне берез, они представляли красивую и живую группу; яркими пятнами выделялись их пеньюары на нежном лиловатом фоне зелени; молодые побеги сирени, пушистая зелень орешников прекрасно гармонировали с их шаловливыми или томными позами; три из них сидели на круглой каменной скамейке, как три Грации. Газон полянок прихватил и дорожки и продолжал расти и на них, а на колонне расползшихся кирпичей старинные солнечные часы отмечали своими тенями течение времени. Эжени и Тотот снова принялись за работу, сидя в некотором отдалении на складных стульчиках. От этой картины веяло меланхолическим очарованием фривольных групп «Декамерона» Боккаччо в немного только буржуазной обстановке старого парка; это напоминало скорее Поттера, чем Ватто, несмотря на присутствие лиственниц и на такое множество пеньюаров.

— Не правда ли, они милы, а? Что я вам говорил? Образцовый пансион! Но где же Мириль и Ревекка?.. Ах да! ведь сегодня день податного инспектора. Она, вероятно, прихорашивается. Мириль все кашляет, бедняжка! Как долго тянется этот бронхит! Но вот и они! Легки на помине!..

Две дамы переходили поляну, направляясь к группе. Их свободные костюмы говорили о том, что они были в боевом наряде. Очень высокая, в платье из либерти, усеянном желтыми пионами, с гордым видом и шеей, украшенной ожерельем из медных монет, — была Ревеккой.

У Ревекки был ярко выраженный тип восточной еврейки. У нее был надменный классический профиль Фатъм лубочных картин и Рахилей у фонтана библейских эстампов; впрочем, она была бы очень красива, если б на ее левом глазу не было бельма; ее синевато-молочный глаз поворачивался между ее намазанными углем ресницами; гнилой зуб портил также ее красивую улыбку и рот, сильно намазанный краской. Без этих двух недостатков Ревекка была бы блестящим предметом роскоши; глаз же ее и зуб низводили ее до публичного торга.

Мириль, рыжая, с молочно-белой и усеянной веснушками кожей, слишком тарасила свои большие лихорадочные глаза. Мириль была самая младшая из всех. В пеньюаре из зеленого сюра, она пылала всем блеском своего ослепительно-белого тела и красно-рыжего руна, но у нее была узкая грудь и немного сутулая спина. Она смеялась, словно чем-то возбужденная, от нее пахло мускусом и креозотом.

— Вот мы и все! — торжествовал Филибер. — Семь овец в овчарне, семь грехов м-сье де Сизенкура, как говорит кюре с церковной кафедры. Де Сизенкур — это родовитый старик, составивший себе хорошую репутацию в нашей местности. Ревекка его хорошо знала, ей всегда везло на высшее общество. Ты все-таки что-то уж слишком намалевалась, моя милая; а ты, Мириль, надела, по крайней мере, фланелевую юбку?

И по-отечески Филибер поднял пеньюар Мириль, чтоб посмотреть, что у нее снизу.

— Надо наблюдать за всем. Эта девочка слабого здоровья. Я как настоящий отец семейства; а где же мамаша? Предупредили ли вы хозяйку?

— Хозяйка идет, вот она, хозяйка! — закричали девицы хором.

Прихрамывая на пятку и на бедро, нечто вроде карлицы катилось по поляне. Она именно катилась, придерживая у груди завернутый кухонный фартук с синими и белыми квадратиками. Это была м-ме Филибер и совсем не некрасивая, несмотря на ее крохотный рост и горб, который обвисал между лопатками; у нее были прекрасные каштановые шелковистые волосы и маленькое больное лицо с страдальческими глазами. Лицо ее было обезображено огромным лбом, который нарушал всю гармонию его линий. Она остановилась, пораженная присутствием постороннего лица.

— А я несла вам чистить горошек, — сказала бедная женщина. — Ах! Филибер, как нехорошо, что ты не предупредил меня! Я была так поражена! М-сье здесь, среди нас, а я в таком виде! Что м-сье Жак теперь подумает обо мне?

— Он подумает, что ты хорошая, образцовая хозяйка, что ты обо всем заботишься и все делаешь вовремя... М-сье Жак Менар, мой приятель, м-ме Филибер, моя жена... М-сье приехал к нам запросто, чтобы застать нас в семейном кругу.

VI

Хорошие люди

— Это очень мило с вашей стороны, м-ме Филибер, что вы вспомнили о нас и принесли нам чистить горошек. Мы сделаем это в один миг, не правда ли, Жеральдина?

И Анжелина, маленькая пышка в лиловом жерсе, засуетилась на каменной скамейке, чтоб дать место хозяйке.

Все дамы усердно принялись за работу. Хозяйка уселась среди своих пансионеров и, сидя, она казалась выше, так как у нее были короткие ноги и длинная талия. Приветствуемая и обласканная всеми этими женщинами, она просияла и ее бедное страдальческое лицо изуродованного человека озарилось улыбкой.

— Я очень люблю чистить горох и картошку! Страсть как люблю чистить картошку и всякие овощи, — ликовала наивно Тотот, выдавая своим откровенным порывом вкусы кухарки.

— А я любила стряпать пирожное дома. Вот пироги-то пекла я, особенно когда был сезон вишен! Руки делаются такие белые от муки, и тесто засыхает под ногтями; а когда облизываешь потом пальцы, то даже спустя два дня, во рту остается такой приятный вкус, — вздохнула Жеральдина.

— Всем известно, что ты прекрасно воспитана, — насмехалась бесенок-Анжелина. — О, ты получила прекрасное воспитание!.. А клиенты, душечка, не кажутся тебе такими же сладкими, а?

— Mesdames, держите себя прилично, — остановила их госпожа Филибер.

— Послушай, Анжелина, мы не в зале, мы в семейном кругу, — вмешался Филибер по-отечески. — Береги свои выходки для клиентов.

— Ну будет, патрон, не сердитесь, не браните ее.

И, вся белая, в зеленом пеньюаре из сюра, Мириль прижалась, бессознательно ласкаясь, к широкому плечу хозяина.

Это было трогательное и патриархальное зрелище. Женщины, служившие предметом сластолюбия и прошедшие огонь и воду, вносили в это занятие, — чистку горошка, — радость и увлечение маленьких пансионеров. Для бедных пленниц, прикованных к дому в продолжение целого дня несправедливостью и жестокостью закона, это было настоящее *partie de plaisir**. Они наслаждались от всей души, сидя на свежем воздухе в майский солнечный день, под легким дуновением ветерка, и счищая ногтями зеленую шелуху горошка.

При этих далеких воспоминаниях они как бы преобразились и возвратились мыслями, сами того не замечая, к занятиям их молодости; они оживились, и даже самые вялые и неповоротливые среди них стали похожи на школьниц; их намазанные лица, покрашенные губы, подведенные глаза, — все эти клейма их профессии — как-то смягчились в инстинктивной веселости всего их существа, охваченного воспоминаниями о прошлом.

Центр трудолюбивой группы, *m-me* Филибер, имела вид провинциальной тетушки среди своих племянниц, и разговор, который вели чистильщицы горошка, нисколько не осквернил бы уст какой-нибудь Клары Эллебес или какой другой героини Франсиса Жамма, любителя старомодных молодых девушек, гуляющих в старинных парках**.

— Я, — возобновила разговор Жеральдина, — я с таким же удовольствием чищу горошек, как в прошлом году чистила ягоды для варенья.

— О да, варенье! вот весело-то было! — кудахтала кругляшка Анжелина,

* Увеселительная прогулка, пикник (*фр.*).

** Имеется в виду сентиментальная повесть французского поэта-символиста, прозаика и драматурга Ф. Жамма (1868-1938) «Клара д'Эллебес или История девушки былого времени» (1899).

хлопая в ладоши.

— Да будь же осторожнее, хамово отродье! — вспыхнула Жеральдина, увидев, что все время вертящаяся Анжелина раздавила на ее белом пеньюаре два стручка.

— Хамово отродье! Красиво звучит это в устах тонной дамы; надо попросить Эжени сделать тебе глухой шов на языке. Эй, Эжени! идите сюда, зашейте язык Жеральдине.

— Мой язык незачем зашивать, это твою вылизывалку надо зашить.

На это Анжелина ответила такой циничной шуткой, что вызвала вмешательство хозяйки.

— *Mesdames, mesdames...* — вмешалась *m-me* Филибер.

В воздухе пахло грозой. Я сделал слишком поспешное заключение о скромном поведении пансиона Филибера. Хозяйка, вся красная, напрасно старалась водворить порядок. Жеральдина и Анжелина готовы были вцепиться друг другу в глаза; Жеральдина вдруг сразу подурнела благодаря красноте у рта, которая теперь стала лиловой.

— Послушайте, дети, перестаньте, не то берегитесь штрафа! — вмешался энергично патрон.

Ревекка, гордая и безучастная, молча стояла в отдалении; в высокомерном безразличии идола, она повернулась в своем длинном шлейфе, распущенном, как павлиний хвост и, наконец, удостоила заметить, что и другие были здесь. Она смерила группу взглядом и, встав, с презрением королевы сказала:

— Уши вянут от подобных разговоров!

И она направилась к дому.

Жульетта, которую Анжелина называла «выдрой», а любивший почитать секретарь мэрии — «Коринной» или «Италией»*, при этих словах закрыла книгу, которую она подняла на траве. Она положила ее на скамейку и, пожав плечами, также ушла отсюда. Ее розовый фланелевый пеньюар следовал в нескольких метрах за платьем с цветами Ревекки.

— «Клодина уходит», — сказала невинно Тотот, читая по складам название книги и не подозревая того, как кстати сказаны были эти слова.

— Тонные дамы уходят, — заключил находчиво Филибер, конфискуя в свою пользу книгу, которая, по его мнению, могла погубить целый дом; он повторил: — Тонные дамы уходят, а хорошие девочки остаются.

И, как опытный человек, он поцеловал свою жену в обе щеки и всех оставшихся барышень — по очереди в лоб.

Этот коллективный поцелуй сразу прояснил все лица. Умный Филибер спас положение; Анжелина, бедовая, как чертенок, но вовсе не злопамятная, сама поцеловала Жеральдину. Это примирение рассеяло дурное настроение духа. Все дамы вдруг почувствовали прилив нежности: Тотот — по отношению к Эжени, Эжени к Мириль, Мириль к Жеральдине, несмотря на ее красный и шершавый рот, а Жеральдина к Анжелине.

— Все это потому, что мы хорошие люди! — торжествовал Филибер. — У нас

* «Коринна или Италия» — роман мадам де Сталь (1766-1817).

не помнят зла, не правда ли, жена? Все мы славные люди!

И, притянув к себе гибкую Мириль, он прижал ее, может быть, сильнее, чем это следовало.

— А в наказание, — сказал он, — я вам изображу... Я — Шантеклер и, когда у меня весело на душе, мне всегда хочется петь...

И он запел приторным голосом, претенциозным и вибрирующим, как тенора мастерских:

Mes amis, le travail est un champ de bataille
Où le pauvre ouvrier est toujours le vaincu.
Blessé dans le turbin, où voulez vous qu'il aille?
A l'hôpital. Il meurt et n'aura pas vécu*.

Их плебейская чувствительность была разбужена этой жалобой Бодлера рабочих кварталов и все они подхватили дрожащими голосами:

Blessé dans le turbin, où voulez vous qu'il aille?
A l'hôpital. Il meurt et n'aura pas vécu.

Песня была прервана появлением нового лица.

Из дома, прихрамывая, бежал человек. На нем была рубаша с засученными рукавами, бархатные полосатые панталоны и красный фартук вокруг бедер. Это был Анатоль, половой и второй садовник в доме Филибера; рыжая всклокоченная грива на широком калмыцком лице дополняла портрет хромого. Одна нога была короче другой у Анатоля еще от рождения, а не от случайности, как я подумал сначала, приняв его приплясыванья за лакейскую угодливость по отношению к хозяевам.

— Что случилось, Анатоль? — спросил Филибер с важным видом. — Не задыхайтесь так...

Онемевший Анатоль надел свою фуражку, которую перед тем он машинально снял из почтения к нам; затем, сконфуженный своей рассеянностью, он снова снял злополучную фуражку и принялся тереть ее в своих грубых и крепких руках.

— Дело вот в чем, — начал было он, но, так как заинтригованные женщины вытаращили на него глаза, он запнулся.

— Дело в том... виноват... дело в том, что аббат Сент-Моникского прихода ходит взад и вперед мимо нашего дома. Он, бедный, не смеет войти, да оно и понятно. Вы изволили ему назначить придти сегодня насчет железного острова маленькой оранжереи.

— Какой оранжереи? — спросила хозяйка.

— Будь покойна! Это то старье, остов маленькой теплушки, которая примыкает к стене шпалеров; он только занимает место и едва держится. Аббат

* «Друзья мои, труд — это поле сражения / И бедный рабочий всегда бывает побежден. Раненый у турбины, куда же он пойдет? В госпиталь, где умрет и не вернется к жизни» (фр.).

хочет купить его.

— Хорошую цену он дает, по крайней мере?— справилась хозяйка.

— Предоставь уж это мне, я знаю свое дело.

— Так иди скорее, нельзя заставлять ждать священника.

— Тем более, что он стар и давно ходит около дома, — заметил Анатолий. — Не место здесь аббату. Хоть улица довольно пустынная, но все-таки кто-нибудь может увидеть, и тогда пойдут толки.

— Да и потом, если увидят рясу у нашего дома, подумают, пожалуй, что одна из дам заболела, а это вовсе не годится для дома. Иди скорее, голубчик, проси аббата войти.

— Вы настоящие дети! — обратился Филибер к дамам, затем, потрепав фамильярно хозяйку по горбу, он сказал: — Анатолий, поди за аббатом и проводи его калиткой, с задней стороны. Там его никто не увидит. Я сейчас иду, ключ у меня, ты ведь знаешь, как провести, да?

— Маленьким переулочком? Еще бы мне не знать переулочка.

И, когда Анатолий помчался за аббатом, Филибер сказал:

— А вы, мои кошечки, ступайте домой. Было бы неудобно, если б аббат увидал хоть кончик вашего носа, и даже рубец ваших пеньюаров! Ну, марш домой! Довольно вы сидели на воздухе; да и пора: уже половина пятого, теперь могут придти клиенты.

— О! позвольте нам, патрон, посмотреть сквозь бужмель. Мы будем умницами. Мне бы так хотелось видеть, какой он из себя.

— Мириль, вы маленькая шельма.

— И дура же ты, Мириль, — насмехалась Анжелина, — у аббата ведь такая же физиономия, как и у всякого другого мужчины!

— Нет, патрон, позвольте нам посмотреть! За деревьями он нас не заметит. Как только мы на него посмотрим, мы сейчас же уйдем.

И женщины, сгорая от любопытства, настаивали, умоляли и ластились к Филиберу, любопытные, как маленькие девочки, и ласковые, как кошечки.

— Да вы знаете, mesdames, аббаты приносят ведь несчастье.

— Надо только дотронуться до железа, тогда ничего, — возразила Тотот.

— А у тебя есть с собой железо? — добродушно шутил толстяк.

— Да у вас ведь есть ключ в кармане, — нашлась Анжелина.

— Мадам Филибер, — вдруг строго сказал хозяин, — отправьте наконец этих дам домой, они что-то забрали себе слишком много воли. Простите, м-сье Жак, дело — есть дело; я должен идти; жена моя составит вам компанию.

Хозяйка встала. Она высыпала вычищенный горох в юбку Тотот и, похлопав в ладоши, как классная дама, сказала:

— Довольно, mesdames, нельзя так вести себя. Ступайте домой. Вы знаете, что у нас сегодня будут гости за обедом.

— Не прикажете ли выстроиться попарно, как в пансионе? — дурачилась неисправимая Анжелина.

За ней осталось последнее слово: она ушла и остальные четыре девицы последовали за ней.

— Я доверяю их вам, Эжени, — сказала хозяйка, и девица с видом классной

дамы кивнула головой в знак согласия.

— На эту я могу вполне положиться, это настоящая сторожевая собака. Таких немного на свете. — И Вероника села возле меня. Как образцовая хозяйка, она поминутно вытягивала свою худощавую шею и старалась разглядеть сквозь листья орешников все перипетии торговли Сент-Моникского аббата и Филибера.

Ряса шагала взад и вперед по аллеям огорода, сопровождаемая патроном. Любопытство хозяйки заразило меня и я стал также наблюдать за ними; белые ветви яблонь мешали нам видеть. Сквозь какую-то розовую дымку следили мы, как прогуливались аббат и Филибер; развинченный силуэт Анатоля следовал за ними. Сент-Моникского аббата провели задней калиткой и теперь Филибер расхваливал ему свой товар, стараясь навязать святому человеку ни к чему не пригодный остов своей железной теплушки.

Все трое остановились перед ней, вблизи стены шпалеров.

Филибер, жестикулируя, поднимал и опускал руки, стараясь убедить аббата в выгоде сделки. Анатолий кивал одобрительно головой и видно было, что он поддерживает хозяина. Длинный и худой, как палка, в своей выцветшей рясе, аббат тискал подбородок костлявой рукой и не говорил ни слова.

— Он такой жадный, — думала вслух госпожа Филибер, — но зато он делает так много добра! О! здешние бедные его хорошо знают! Он отказывает себе во всем, чтоб только помочь им. Это почти святой. У него нет никакой прислуги. Мать его ведет все его хозяйство.

Мне казалось, что святой человек изредка бросал в нашу сторону короткие и беспокойные взгляды.

Госпожа Филибер продолжала растроганным голосом:

— Да! муж навяжет ему теплушку, я не беспокоюсь на этот счет. Он так умен, и потом, это такой хороший человек! Вы ведь видели, как он обращается с девочками! Это настоящий отец. А посмотрите на других, они хуже торговцев неграми. Надо видеть, как они обращаются с женщинами! Как с собаками! Положим, и зверинец... Впрочем, в настоящее время в этом отношении у нас уж не так плохо; прежние девицы были хуже, но Филибер не распускает их. Кроме Ревекки и этой индюшки Жульетты... Анжелина вовсе не дурная, она только шумлива, но вполне безвредна... Филибер умеет ладить с ними. Заметили вы это, м-сье Жак? Но есть у нас такая, которой не до шалостей, она, бедняжка, умирает от чахотки; это Мириль. Так вот, Филибер только и занимается ею; он оказывает ей всевозможное внимание, разные услуги... он весь тут... этим-то он и взял меня...

Уже прошло десять лет... с тех пор, как я была в пансионе «Синих дам», в Орлеане; на каникулы я приезжала сюда к моему дяде. Я была сирота; все дни я проводила с этими дамами, как вот сегодня, в саду... и я могу сказать, что они уважали меня. Никогда ни одного слова в моем присутствии... До моей свадьбы я могла предполагать, что дядя мой держит отель... Никто не имеет понятия о том уважении, которое эти создания питают к детям, так как ведь это тоже создания — между нами говоря, они занимаются нехорошим ремеслом, но это все же Божьи создания — несчастные вьючные животные... и часто они

гораздо лучше, чем о них думают...

Итак, я сказала вам, м-сье Жак, что я проводила свои вакации здесь, в этом саду...

— Эй! мадам Филибер! где вы там прячетесь? Вас нигде не найти!

— А, м-сье Ледрю! Это наш сегодняшний гость, простите, м-сье Жак! Сюда, милый Ледрю, сюда, в самый конец сада... Чудак!.. вы сейчас увидите его, м-сье Жак...

Приход Ледрю прекратил нашу беседу.

VII

Раки

— Нет, да это прямо наслаждение сидеть за столом в такой приятной компании! И все такие милые рожицы и такие аппетитные фигурки; пять хорошеньких барышень и каждая хороша в своем роде (надо иметь на все вкусы); и хозяйка — красное солнышко!.. Достаточно потрогать ее спину, чтоб оттуда посыпалось золото. И божолезское винцо, от которого запляшут и козы... налей-ка мне еще этого вина, Филибер.

Ах ты, старик Филибер!.. однако, мы знакомы уже около восьми лет; да, нельзя сказать, чтоб мы помолодели!

Бурная радость Исидора Ледрю, патрона из Сен-Валери-ан-Ко в департаменте Нижней Сены и старого друга дома, выражалась в звонком, раскатистом шлепке по коленке сидевшей навытяжку Ревекки и фамильярном потрепывании горба слегка сконфуженной хозяйки. Эжени, пансионерка с замашками классной дамы, только что подала откормленных зерном цыплят; на столе были уже раскупорены пять бутылок вина.

Окруженный с левой стороны Жульеттой, а с правой Мириль, Филибер сиял. Я имел честь быть соседом хозяйки, с правой же стороны моей соседкой была Анжелина. Она надела к обеду розовый перкалевый пеньюар с зелеными цветами, который сидел на ней, как старая занавеска, и придавал ей вид ученой собачки; к ее прическе были приколоты бумажные цветы, и все это вместе было похоже на торт. Анжелина старательно облупливала лапку лангуста и без дальнейших рассуждений складывала всю шелуху прямо на скатерть; напрасно я старался отодвинуться поближе к м-ме Филибер; мне стоило больших усилий уберечь от нее мои рукава.

— Будь осторожна, Анжелина, — останавливала ее Эжени. — Ты ешь, как свинья.

Услышав это, Исидор Ледрю встал в позу и, держа в одной руке вилку острием кверху, а в другой ножик, сказал:

— Неаккуратная за столом, зато игривая в деле, я... я люблю эту девчонку. С ее собачьей рожей она имеет вид жирной шавки. Ты знаешь, если тебя бу-

дуг обижать здесь, для тебя всегда найдется место в Сен-Валери у старика Исидора в «Красной крапиве», на улице Перрет; запомни хорошенько адрес.

— Послушай, ты там, ты зачем это переманиваешь моих дам? — смеялся Филибер. — Если так, то ты с успехом можешь оставаться дома!

— Эх ты, старый ревнивец! — возразил нормандец, едва ворочавшийся в своей накрахмаленной блузе лошадиного барышника. — Я ведь шучу по-товарищески с барышней, чего ты взбудоражился из-за пустяков? Подожди-ка, дай-ка я еще попробую позанять у тебя счастья...

И, протянув руку, он стал опять тереть горб хозяйки, которая видимо страдала от этого.

Сдержанный смех послышался вокруг стола.

— Послушай, оставь мою хозяйку в покое, — сказал Филибер, думая, что он должен вступиться. — Если ты все время будешь трогать мое красное солнышко, то мне самому ничего не останется от моего счастья.

И, видя, что бедная горбунья глубоко обижена, он добавил:

— Послушай, Вероника, ты видишь ведь, что это шутка, ты знаешь, что тебя здесь все любят! Разве все мы не хорошо относимся к тебе? *Messieurs, mesdames*, я предлагаю выпить за здоровье хозяйки. Эй! Эжени, принеси-ка сюда Сен-Марсо, то, знаешь, в четыре пятьдесят. Я выписал его из Реймса, я тебе дам адрес.

Пробка выпрыгнула к великой радости дам.

— Пенится, оно пенится...

— И даже в бокалах, ты видишь, Исидор? Здесь ни в чем себе не отказывают.

— Черт возьми, ты имеешь у себя в доме красное солнышко. — И неисправимый нормандский патрон встал, подняв бокал: — За здоровье хозяйки красное солнышко. Ура! первый тост, второй тост за *m-me* Филибер!

Поднялся гром рукоплесканий.

— Эй! Вы там, оставьте мне хоть бокал, не проглотите все вино без меня. Внизу с ума сойдешь со скуки!

Это было грубое лицо Тотот, которая выглянула в то время, как открылась дверь.

Из-за клиентуры, которая начинает появляться около половины девятого, за стол сели довольно рано — в пять часов. Тем не менее, начиная с шести часов, внизу, в зале, всегда дежурили две дамы в ожидании гостей. Случается, что заходят рабочие; прежде чем идти домой и вдыхать аромат своей семейной конуры, они приходят сюда выпить стаканчик вина и обогреться. Дешевые духи и светлые пеньюары дам вносят в их жизнь некоторую поэзию; выгоду же от этого имеют их законные жены. В этот торжественный вечер в доме Обри-лез-Эпинет, внизу в зале должны были сидеть от пяти до семи Тотот и Жеральдина; и обжорливая Тотот, просидевшая у одних скупых фермеров двадцать лет на диете, пронюхала, что наверху кутят и, желая попробовать шампанского, поднялась на шум.

— Посмотрите на эту мышиную рожицу, — прыснул со смеху Филибер, — она унюхала *Saint Marceau*. Ну на, выпей бокальчик!

— Мерси, патрон, за здоровье гостей!

— Так скука внизу?

— Ужас! из-за двух несчастных пьяниц, которые заказали бутылку лимонада, я должна изнывать от скуки на сорок франков в час; а вы пируете здесь, как министры. Подлое ремесло!..

— А что делает Жеральдина?

— То же самое, что и я. Она зевает, пишет письма, она отказалась пить с этими нищими. И я сижу с ними и веселюсь!..

— Черт побери! — вдруг рассердился Филибер. — Из-за бутылки лимонада! Я сейчас выставлю этих бичей дома. Подождите, я схожу вниз.

— Филибер, — тихо попросила хозяйка, — не надо, чтоб это исходило от тебя; пускай это сделает Анатолий.

— Я пойду, скажу ему.

И Тотот закрыла с шумом дверь. Слышно было, как она катилась кубарем с лестницы.

— Вот хитрая то, — подшучивал Исидор Ледрю. — Сразу видно, что она деревенская. Нет никого хитрее деревенских девок.

— Пожалуйста, не обижайте городских, — заметила претенциозная Жульетта.

— А вы, прекрасное дитя, несмотря на то, что вы похожи на актрису большого Руанского театра, у меня вы не заработали бы ни сантима. Когда-то, наверное, вы были женой супрефекта.

Жульетта, обиженная, хотела возразить.

— Вот и раки, — заорала, подталкивая меня, Анжелина.

Она вскочила, радуясь, как ребенок.

Кухарка, которая до этих пор не показывалась, торжественно вошла в столовую. Она несла на громадном глиняном блюде больших раков, плававших в легком прозрачном соку; раки были ярко-красного цвета, как паприка, и очень хорошо пахли, возбуждая аппетит своим запахом пряностей и лаврового листа.

— Раки, раки! — кричали дамы в восторге.

Это был сюрприз Исидора. Он купил их утром на рынке, в Орлеане, и положил их потихоньку в кухню, не предупредив об этом хозяйку. При содействии кухарки ему удалось устроить сюрприз. Раки появились совсем неожиданно среди компании, уже сытой лангустами и игристым вином. Женщины вытаращили глаза от пьяного оцепенения.

— Раки, раки!

Кутеж был в полном разгаре. М-ме Филибер была совсем растрогана.

— Раки после лангуста! но, м-сье Ледрю, поймите, ведь это неблагоприятно.

— Этот Исидор всегда делает какую-нибудь глупость! — хохотал Филибер.

— Я попробую раков, — объявила Анжелина, и с жадными глазами она пристала, чтоб дожидаться блюда.

Филибер предупредил ее и поспешным движением руки придвинул раков к себе.

— Советую тебе оставить это, мало еще ты поглотила лангустов?.. Ты хочешь,

что ли, околеть ночью?.. Ты с ума сошла!.. Ты желаешь, чтоб и у тебя был такой рот, как у Жеральдины?..

— Что это здесь едят? Так хорошо пахнет чем-то на лестнице, я тоже хочу поесть этого.

И, открыв с шумом дверь, вошла сама Жеральдина. Она окинула стол быстрым взглядом.

— Однако! Вы не скучаете. Боже! Сколько раков! А мы околеваем с голоду внизу. Ну!.. Чья теперь очередь? Меня всю подвело от голода, я никуда не уйду отсюда. Эй! Анжелина, иди, теперь твоя очередь дежурить внизу.

— Я чувствую себя прекрасно здесь, я остаюсь, — ответила Анжелина.

— Сейчас будет скандал, — и оживившийся Исидор от удовольствия потирал руки.

— Разве уже семь часов? — спросил Филибер, посмотрев на часы. — Да, правда! Кто заменяет Жеральдину и Тотот?

— Жульетта и Анжелина! — закричали все хором.

— Итак, пожалуйста, *mesdames!*

Торжествующая Жеральдина уселась, потом встала и подбежала к двери.

— Тотот! — закричала она с лестницы. — Здесь раки, иди скорее наверх, теперь наша очередь есть...

— Раки, раки! — кричали дамы под звон ножей, задевавших за стаканы.

— Раки!.. Прежде всего, я их конфискую. Никто не будет есть их сегодня, — вмешался Филибер, — мой дом не больница.

— Как? Мне не дадут раков? Я ведь не ела лангустов.

— Тебе-то именно и не дадут раков! Ишь ведь: захотела как раз того, чего тебе совсем нельзя с твоими персиковыми цветами у рта. Целый месяц сидишь на сассапареле; ты что же, хочешь все дело испортить теперь? Годовалый ребенок и тот благоразумнее тебя. Элоиза!

И патрон крикнул кухарку.

— Унесите этих проклятых животных.

Затем он обратился к Исидору Ледрю, который старался заглушить свой смех салфеткой.

— А ты!.. ты поступаешь прекрасно, надо тебе было притащить сюда этих раков. Теперь ты поднял целую революцию у меня в доме! Слышите, Элоиза, унесите этих пехотинцев и чтоб я не видел их до завтрашнего вечера. Подождите-ка, я возьму двух для Мириль.

И он вытащил двух раков в то время, как кухарка проходила с блюдом мимо него.

— Мириль во всем исключение, она ведь любимица, — заметила колко Жульетта.

— Все только ей, — подбавила Ревекка, — и мы знаем, почему...

— Знаете, почему? Что ты хочешь этим сказать, сволочь?

И Филибер задышался от гнева.

— Я знаю, что хочу сказать, и не я одна это знаю. Этого для меня достаточно.

— Филибер, друг мой, успокойся, — умоляла хозяйка, которая видела, что

щеки мужа из красных превратились в лиловые.

— Марш! все вниз, довольно я нагляделся на вас, стервы, — приказал толстяк, стараясь вернуть свое хладнокровие.

— Но мы ведь не обедали, — жаловались Тотот и Жеральдина.

— Прекрасно, усаживайтесь здесь, вам сейчас подадут цыпленка и спаржу. Но, черт побери! — и Филибер выругался, как тамплиер, — кто же, наконец, дежурит сегодня вечером? Чего вы тут все торчите? Отправляйтесь вниз, Жюльетта, Анжелина!

— Идем, идем, — откликнулись обе женщины. Они вышли, шаркая на ходу ногами. Ревекка решила, что и ей также следует встать и устроить сенсационный выход.

— Счастливого пути! — пробормотал Филибер. — Не могу я видеть эту девку.

— Не пойти ли и мне вниз, *monsieur*, и посмотреть, что там делается? — спросила девица с видом классной дамы.

— Нет, Эжени, останьтесь с нами; вы — хорошая девушка. Теперь, когда племя святой позы удалилось, мы остались среди милой, хорошей компании, забудем это и займемся спаржей. Не правда ли, Мириль?

Кухарка подала громадную гору мягкой спаржи на круглом блюде с прорезанными дырочками.

— Не обращайтесь внимания, м-сье Жак; это обратная сторона нашего ремесла. Нелегко управлять стадом самок, гораздо лучше командовать на воде экипажем торгового судна.

Видели вы, какие это язвы! и какие сплетни насчет бедной, больной Мириль; она такая тихая и никогда не возражает им. Они ей все завидуют, так как она самая молодая. Печальная молодость, которая к тому же прекратится слишком скоро: ей всего двадцать три года! Полно, Вероника, не делай такого постного лица; улыбнись-ка своему мужу! — и он старался ободрить улыбкой и взглядом бедную опечаленную горбунью. — Что, какова моя спаржа? А кто ходил на базар сегодня утром и выбирал ее? Все я. Послушайте, Эжени, раскупорьте-ка еще одну бутылочку *Saint-Marceau*! И выпьем за здоровье м-сье Жака!

И? видя, что лица вокруг него прояснились, Филибер сказал:

— Ну! приятель!..

И он бросил шутя салфетку в лицо Ледрю:

— У тебя удивительные идеи! Ты чуть не уложил в гроб моих дам своими раками!..

VIII

Суеверие Исидора Ледрю

— Да ну тебя с твоими раками! Если у тебя в доме все вверх дном, так это

вовсе не из-за этих несчастных раков, которых я принес твоим овечкам. У тебя не дом, а какая-то больница. Послушать тебя — все дамы твои лечатся йодом.

И, усиливая шутку, Исидор Ледрю закричал во все горло с овернийским акцентом:

— Вот лудильщик, вот лудильщик, несите ему ваши кастрюли!

— Послушай, ты! когда, наконец, перестанешь ты нападать на мое заведение? Если мои дамы тебе не по вкусу, то не отбивай у других охоту! Тебя могут услышать внизу.

М-me Филибер сделала обиженную мину.

— Полно, милая m-me Филибер, — сказал нормандец, поняв, что он зашел дальше, чем следовало, — не надо придавать серьезного значения моим шуткам. У нас в Ко шутки довольно-таки тяжеловесны...

И вслед за этим синяя блуза обняла одной рукой нескладную талию хозяйки и притянула ее к своему жирному от соуса и вина рту.

— Да ну тебя к черту! Перестанешь ли ты дурачиться? Оставь хозяйку в покое, — грозил Филибер. — Слышишь ты, Исидор, прими свои лапы и вытри рожу. Не видишь ты, что ты ей противен!

— Я ей противен? Я сам-то, может быть, еще поразборчивее тебя, знаешь ты это?

— М-сье Исидор! Филибер! — вмешалась горбунья, съезжившись всем своим маленьким существом.

Испуганная Мириль вскочила, схватила патрона за плечо и всеми своими силами повисла на нем. Ссора и даже драка была неизбежна; оба приятеля, с прилитой к лицу кровью, измеряли друг друга глазами и вызывали кулаками на драку.

Внезапный приход Анатоля прекратил их военные действия.

— Письмо от аббата Громара, — сказал он, подавая запечатанный конверт Филиберу. — Это, вероятно, по поводу оранжереи.

Филибер поспешно распечатал его; большая радость расправила его широкое разгневанное лицо.

— Он берет ее, — бросил он жене через стол. — Только он дает всего сто экю. Я хотел за нее сто тридцать; да и триста франков недурные деньги. Хорошо, Анатоля. Есть кто-нибудь внизу?

— Да, есть; там сидят податной инспектор и сборщик податей, секретарь городской думы и капитан, заведующий экипировкой 29-го полка. Эти господа сидят в красной гостиной, они угощают дам шампанским.

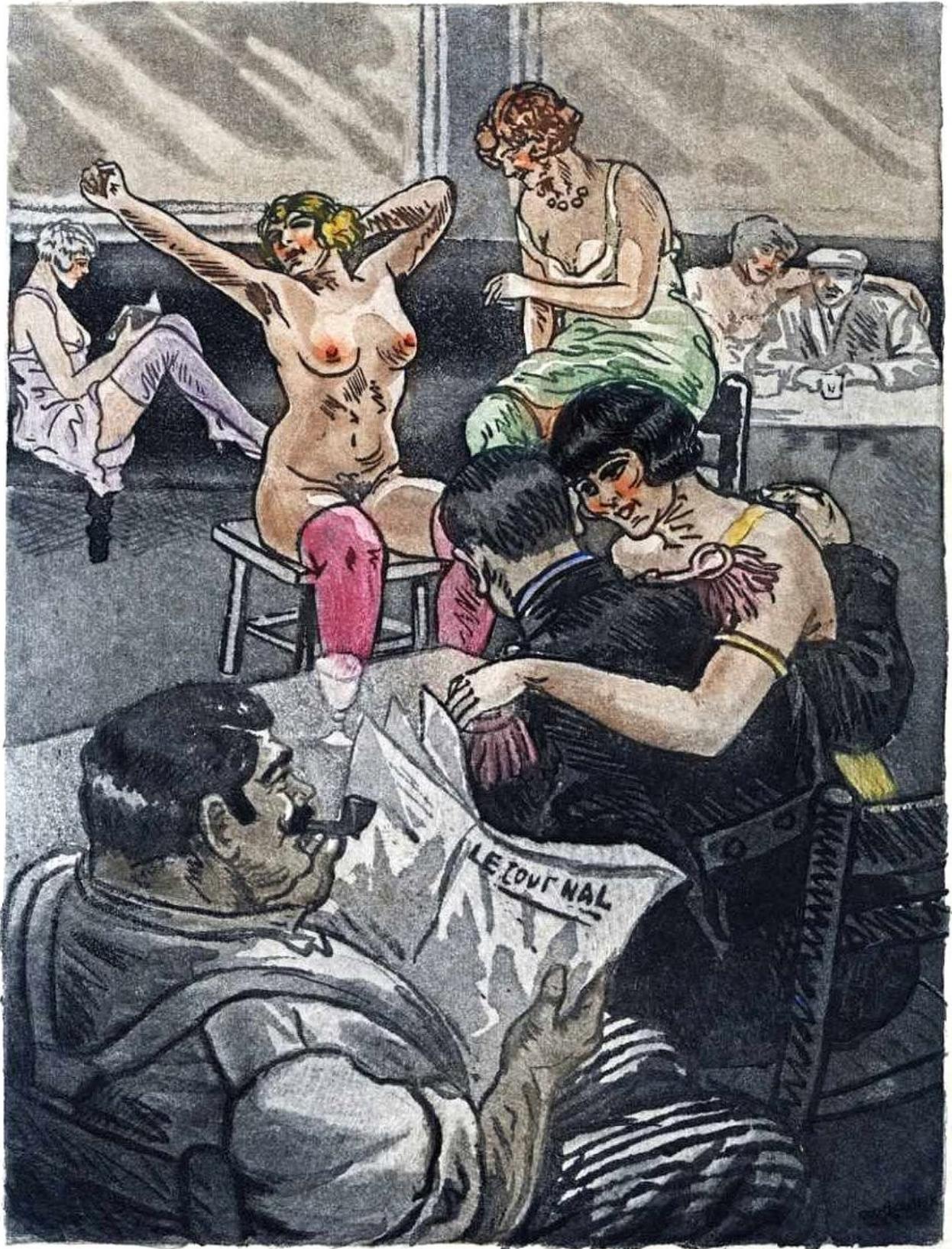
— А кто занят в общей зале?

— Там я, — ответил парень с довольной физиономией. — Ко мне пришли мои друзья. Они пришли не за дичью, а ко мне в гости, и я учу их играть шарами. Это колесник, столяр Пико и каменотес Бенто.

— Хорошо, хорошо. Спросили они, по крайней мере, чего-нибудь?

— Конечно, но это ведь не принцы, они угощают меня кофе и водкой.

— Прекрасно. Мириль, — сказал Филибер, повернувшись к своей соседке, — надо бы пойти туда, голубушка.

— Хорошо, патрон, — ответила рыженькая, послушно встав, — я иду.

— А вы там, когда кончите вы, наконец, жрать! — рассердился Филибер, обратившись отдельно к Жеральдине и Тотот. — Вот уже целый час, как вы сидите здесь. Вы обожретесь этой спаржей! Ну и желудки же у вас! И не противно вам поглощать такую массу?

— Ха, ха, ха, — покатила Тотот, осененная вдруг забавной мыслью, — если бы спаржа была нам противна, что стали бы мы делать у вас, патрон?

— Вот это здорово, — заметил Исидор Ледрю и бурный смех потрясал его от пят до плеч, между тем как хозяйка приняла строгий вид.

— Тотот, я налагаю на вас штраф, — объявил Филибер. И, полный гордости своим решительным поступком, он обратился к остальным:

— Идите, mesdames, уже половина девятого, ваше место внизу. Я пошлю десерт в ваши комнаты. Жеральдина, ты бы хорошо сделала, если б пошла к себе наверх и напудрилась. Что у тебя сегодня за рожа? Похожа на дохлую кошку.

— Рожа как рожа, чем рожа кошки хуже рожи кота?..

И, счастливая своим удачным ответом патрону, Жеральдина расправила складки своего пеньюара и удалилась, сделав придворный реверанс по адресу всей компании.

— Ну и девицы же у тебя, — фыркнул содержатель дома в Ко. — Все-таки у них нет того апломба в Сен-Валери-ан-Ко. Поздравляю тебя, Филибер, ты хорошо дрессируешь свой батальон. Что касается воспитания, у тебя прекрасно воспитанный пансион.

Пораженный Филибер не сказал ни слова. Аккорды механического рояля долетали отрывками до комнаты, где находились мы. Вальсы, наигранные на валике, наполняли зал воспоминаниями Штрауса и Метра; в дом Филибера смутно закралась изящная старомодная атмосфера Второй Империи; внизу танцевали.

В столовой царило тяжелое молчание.

— Полно, не будешь ты в самом деле расстраиваться из-за двух-трех глупых выходок твоих макак? — заключил философски толстый Исидор. — Ты знаешь ведь, что за народ эти женщины! Когда начинает одна, сейчас же надо обезьянничать всем. Не скажешь ли ты, что опять мои раки вбили им в голову дурь? Несомненно, сегодня у тебя в доме что-то неладно, но я-то хорошо знаю, почему все это происходит! У тебя так и пойдут неудачи до завтрашнего утра, — и нормандец принял таинственный вид, — и все это из-за визита аббата.

— Какого аббата?

— Послушай, не старайся перехитрить меня, Филибер; а черная ряса, которая была сейчас в твоём парке? Я ведь не во сне видел ее! Ты же был с рясой там, в том конце огорода; не знаю, что ты ему там показывал, но я, кажется, еще не помешался. Высокий, худой, весь в черном и сухой, как палка, с видом старого ворона, превращенного в чучело.

— Аббат Громар? Да он приходил купить у меня оранжерею!

— Зачем он приходил, это меня не касается. Если б даже он пришел из-за

дам...

— О! м-сье Ледрю! — возмутилась Вероника, которая была религиозна. — Можно ли так говорить?..

— Вот тебе раз! Как будто он первый! Вы разве думаете, что они обходятся без этого, если имеют кропило?

— М-сье Ледрю!

— Исидор, — вмешался Филибер, — я прошу тебя выразаться сдержаннее. Моя жена воспитывалась у Синих дам в Орлеане, а две мои дочери учатся в монастыре. Ты нас оскорбляешь.

— Хорошо, я буду следить за своими словами, чтоб угодить вам, m-me Филибер, но позвольте дать вам хороший совет. Как бы ни было сильно благоговение, с которым вы относитесь к аббатам, святым сестрам, четкам, напличникам и всевозможной подобной чепухе, не принимайте у себя никогда рясы, это влияет пагубным образом на такие дома, как наши. Бесспорно, есть между ними хорошие аббаты, но, независимо от себя, они всегда носят с собой несчастье. От их рясы не надо ждать ничего хорошего... Церковь недалеко от кладбища.

— Что ты нам городишь? — прервал его Филибер, который был впечатлителен и труслив.

— Я говорю то, что говорю, и заведомо знаю, что говорю, — ответил Исидор. — Несмотря на то, что я шутник и болтаю много глупостей, — в данный момент я не шучу. Я должен был переменить заведение, больше того, переменить даже место жительства из-за того, что как-то раз я привел в свой дом аббата.

— Да неужели?

Горбунья всплеснула руками.

— Да! Но я ничего не имею против них и я был сам виноват во всем. Он пришел ко мне не по своей воле, я сам привел его к себе: простая рождественская шутка, за которую я здорово поплатился. Мой бюджет также сильно пострадал при этом. Хотя в городе и очень смеялись, тем не менее, история эта подняла целую бурю негодования. О! у клерикалов длинные руки. Я сразу потерял всю клиентуру окружающих деревень; аббаты соседних деревень наложили на мой дом карантин, я заметил это во время ярмарки. Они здорово отомстили за своего коллегу! На меня указали всем парням. Все благонамеренные люди того города также забыли дорогу ко мне, у меня стала бывать одна только шваль: социалисты с заводов и все те, которые только разглагольствуют и ничего не платят. Одна из моих пансионеров заболела оспой и умерла в больнице, и это нанесло последний удар. Распустили слух, что мои дамы все заразились. Хоть это была простая оспа... но в нашей профессии публика склонна всегда подозревать другое, и все клиенты перестали ходить ко мне. Словом, это повлекло за собой полное расстройство в моих делах и я был очень счастлив продать хоть за полцены мой дом. И все это произошло только из-за того, что я затащил этого проклятого аббата Бараскю в мое заведение.

— Отсюда мораль: не надо никогда вести знакомство с аббатами.

— Отсюда мораль: не надо никогда шутить с религией.

За m-me Филибер осталось в этот вечер последнее слово.

IX

Клиенты ушли

Сборщик податей только что ушел.

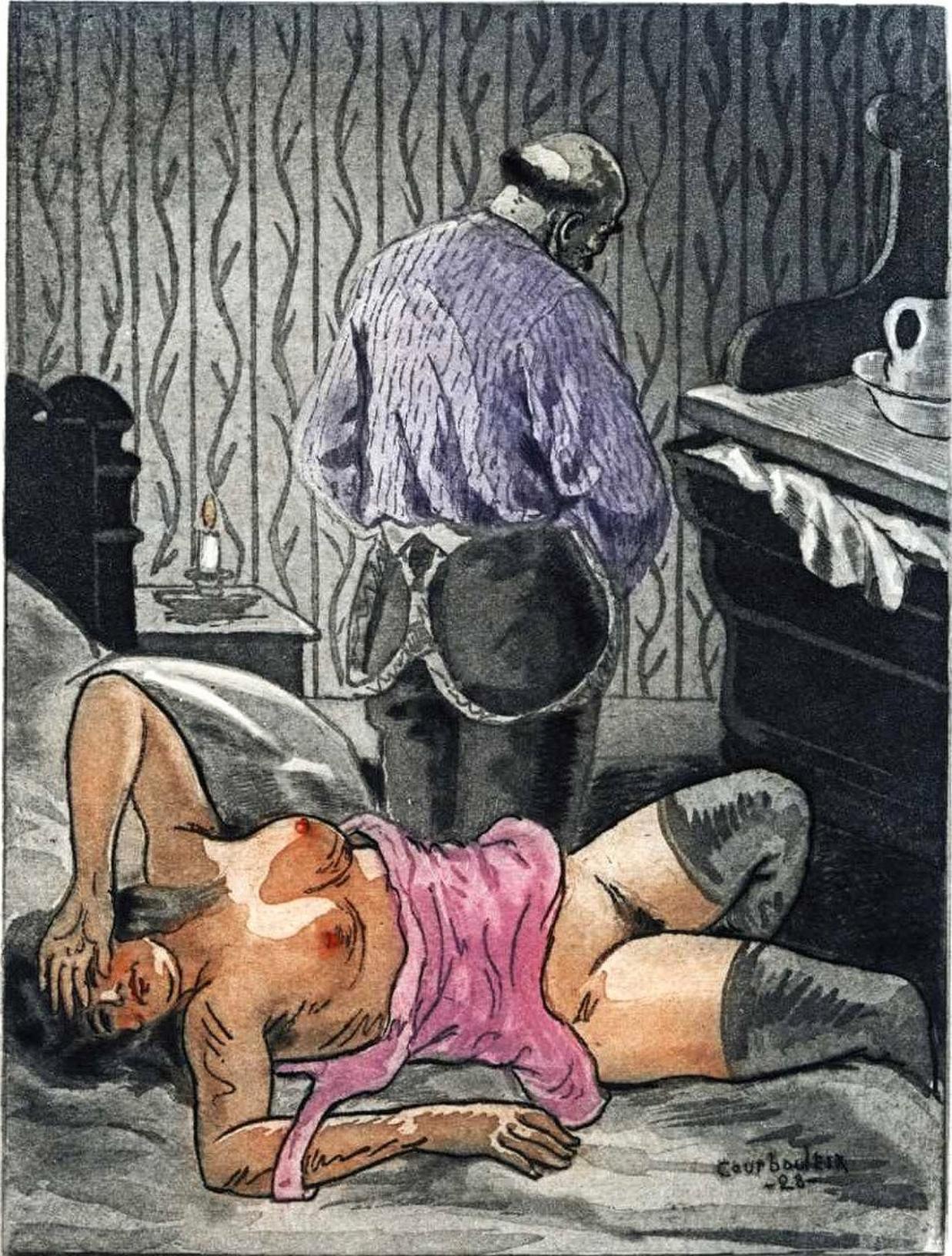
Облокотившись о перила и держа в высоко поднятой голой руке подсвечник, Ревекка, в сползшем с плеч пеньюаре, провожала его до самых сеней и освещала ему дорогу. Сборщик податей послал снизу последнюю улыбку своей возлюбленной, затем Анатоль закрыл за ним дверь железным засовом, и в уснувшем доме часы с гирями пробили половину второго. Глубокая тишина во дворилаась кругом: та жужжащая тишина монастыря, которая ясно отражает ночью каждое едва уловимое дыхание за дверью или смутный шепот молитвы.

Ревекка вернулась в свою комнату. Машинально привела она сначала в порядок свою растрепанную и опустевшую постель и, положив на место подушки, опустилась на стул и сидела, безумно усталая. Этот негодяй изнурил ее вконец. Какая скарденность и какая ненасытная страсть! Из экономии, главным же образом для равновесия в бюджете, сборщик податей делал промежутки между своими визитами: он приходил каждые семь дней; приливы его страсти были еженедельные. Он приносил с собой пылкость раздраженных желаний за всю истекшую неделю и огневой темперамент тулузца, поддерживаемый в нем его режимом: он питался сухой рыбой, рыбными салатами и анчоусами, до которых он был большой охотник. Выносить его любовные излияния было одной из самых тяжелых обязанностей Ревекки в ее жизни уже зрелой и опытной девицы, привыкшей даже к проституции Марселя и Тулона.

Ревекка родилась в Алжире, но, холодная, как многие еврейки Востока, она возбуждалась только при прикосновении к ней мужчин ее расы и питала к гяурам атавистическое презрение; она оставалась невозмутимой даже среди самых безумных ласк, и это предохраняло ее от нервной усталости, а лицо ее от морщин и порчи. Своему холодному темпераменту она была также обязана удивительной чистотой профиля и своим неподвижным лицом идола, от которого сходила с ума провинциальная интеллигенция, эллинисты супрефектуры и бюрократы, — большие любители романов Пьера Лоти и Анатоля Франса; они воображали, что нашли в этой еврейке зафиксированный тип Азиады одного и Таис другого, и всех очаровательных далеких героинь с манящими и неясными очертаниями.

Этими качествами и прельстила Ревекка господина Данглебера, сборщика податей в Обри-лез-Эпинет, сорокалетнего холостяка, автора небольшого сочинения о Таис Коринфской и открытого любовника m-me Вантринье, жены первого городского нотариуса.

Уже шесть месяцев Данглебер был верен Ревекке: это была почти супружеская пара. Сборщик податей был горяч и пунктуален, мятежен, экономен и

методичен. Ревекка жаловалась на него. Хотя она и чувствовала физическое отвращение к своему любовнику, но Данглебер вносил в свои отношения с ней столько пылкого жара, что девушка иной раз зажигалась сама и эти минуты ее забвения влекли за собой ужасную усталость; а певец Таис оплачивал эти минуты увлечения суммой в десять франков. Исключительное внимание Данглебера приносило Ревекке ежемесячный доход в сорок-пятьдесят франков.

— Этот скряга не разоряется!

И пасмурным взглядом Ревекка рассматривала маленькую золотую монету, которую она зажала в руке. Затем, так как в конце концов надо было все-таки ложиться спать, она встала, зевнула во весь рот, вытянув руки, и расстегнула, не спеша, свой пеньюар; ее плечи и руки, желтые и словно муаровые от жира, составляли резкий контраст с яркой косметикой ее лица, — лица куклы, накрашенной эмалью.

Алжирка, стоя у туалета, сняла сначала осторожно крепоны, благодаря которым ее черные волосы казались пышными. Блестящие волосы упали гладкими прядями вдоль ее щек. Она мылась теперь губкой в тазу, который наполнился странной смесью красок. Вылив таз в ведро и наполнив его свежей водой, алжирка, вычищенная и вымытая, подняла свое выразительное лицо цвета старой слоновой кости.

Вся злоба боевого и с давних пор гонимого племени отразилась в ее чертах в эти минуты покоя. Еврейка сняла с себя маску. Она с вниманием разглядывала свой левый глаз, тот самый, на котором было синеватое бельмо; чтоб лучше видеть его, она приблизила свечу к зеркалу.

Мутный, с круглым пятнышком глаз был как мертвый. Еврейка сознавала этот свой недостаток и оценивала его по настоящей цене. Сколько еще времени будет она привлекать мужчин?

Теперь она приблизила к зеркалу свои зубы, и в маленьком влажном кружочке, который образовался на нем от дыхания, она стала рассматривать синее пятно зуба, запломбированного золотом, который сильно портил ее и был ее вторым недостатком. Несчастливая, она могла бы быть предметом роскоши без этих двух дефектов!

Легкий стук в дверь оторвал ее от этих занятий.

— Кто там?

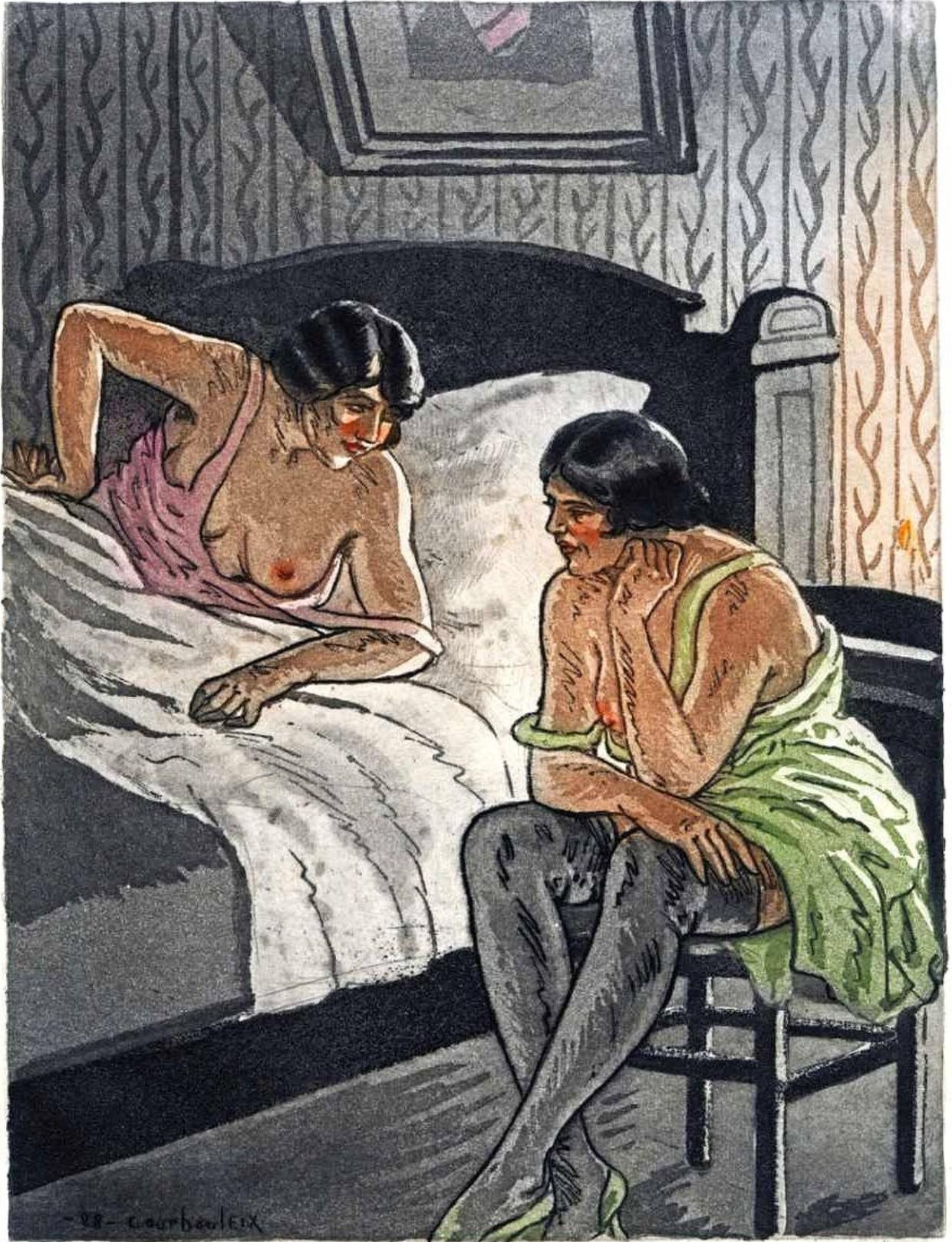
— Это я, Жульетта, открой дверь. Ты не больна? Ты до сих пор еще не легла?

Ревекка встала и открыла задвижку. Жульетта проскользнула в ее комнату.

— Я увидела у тебя свет и подумала, не случилось ли чего с тобой. Мой последний клиент только сейчас ушел; три гостя с десяти часов! Да! нелегко достается кусок хлеба! Подлое ремесло! А у тебя, милая, страшно истомленный вид.

— Ох уж, и не говори! У меня так еще хуже; сегодня был один из моих четвергов.

— Твой крючок, этот сборщик податей?

-28- Coorbooleix

— О! не говори мне о нем! Я предпочла бы ночь в Тулоне, когда возвращается целая эскадра! Он какой-то бешеный! Он старается взять как можно больше за свои гроши! Даром он ничего не дает, он уж вернет свои деньги! Поганая все-таки эта яма!

— Что и говорить! Ложись, милочка; ложись спать, ты едва держишься на ногах. Я не буду смотреть, не обращай на меня внимания.

И когда Ревекка, сбросив пеньюар, скользнула под одеяло, Жульетта спросила:

— Ну, что скажешь ты про нашу помойную яму?

— Да знаешь ли, хозяйева ведь повсюду одни и те же.

Еврейка подперла затылок ладонями своих рук, и в глубине подушек ее восковое лицо производило впечатление желтоватого пятна, которое оттенялось еще сильнее бледно-голубыми лентами сорочки; ее закинутае за голову голые руки позволяли видеть густые, блестящие волосы ее подмышек; сильный запах брюнетки наполнял всю комнату.

Жульетта, слегка сконфуженная, встала и открыла окно.

— Здесь несет самцом.

— Еще бы!

Жульетта вернулась и села у изголовья Ревекки.

— Ну так как же, что думаешь ты обо всем этом?

— О чем, Жулио?

— Да о поведении патрона. Не проглатывать же, как конфету, эту манеру лишать нас десерта и урезать наши порции. Как вам это нравится: «Вы будете есть то-то, вам нельзя есть того-то»... А его выходка с этими раками! Кажется, мы уж больше не в пансионе. Пускай такие гуси с птичьего двора, как Тотот, позволяют обращаться с собой так... но ты, Ревекка, у тебя ведь есть дядя, который торгует на улице Лиры, и кузены, известные коммерсанты в Тунисе (ты ведь сама сказала мне это), и ты будешь выносить подобное обращение?.. Это выше моего разумения!

— Дело в том...

— И я... Я получила воспитание. Я дочь жандармского капитана и, если я пошла по дурному пути из-за одного мерзавца-коммивояжера, то я все же умею держать себя и кое-что читала, и ни в каком случае не желаю выносить грубые шутки господина Филибера.

— Тем более, что он обращается так не со всеми, — и мертвый глаз еврейки метнул черную искру.

— А! и ты также заметила?

— Надо быть слепой, чтоб не заметить! Ведь всем бросается в глаза, что он питает слабость к Мириль.

— А горбунья-то его ничего не видит!

— О! Он ловко обманывает свою Веронику.

— Красное солнышко, как они называют ее все между собой. Она держит публичный дом и в то же время набожна; она воспитывает своих детей в монастыре, причащается, и при всем этом на нашей шкуре зарабатывает таким гнусным способом свой хлеб.

— А знаешь, что я тебе скажу?.. Патрон мне противен! Взять хоть то, что он так ленив, что женился на таком живом уроде, как наша мадам; меня уж тошнит от этого одного.

— Уж конечно, он взял эту фею не из-за ее прекрасных глаз.

— Чтоб мужчина продавался!.. Фи! не могу я этого выносить. Вот почему я никогда не могла выносить любовников сердца, людей настолько низких, что они способны жить на средства женщин, добытые таким путем. Как это скверно!

— А патрон имеет от нас не только кусок хлеба, но побольше! И потому я не посоветовала бы ему лезть ко мне, я бы ему показала... Я бы влепила ему такую пощечину по его свиному рылу! Только Мириль и может терпеть его, так как она еще новенькая. Она только начинает, она еще не знакома с пороком.

— Она никогда и не узнает его. Я ей не даю даже и шести месяцев. Она, пожалуй, умрет раньше: у нее чахотка. Хорошо бы, если б она передала ее этому толстому Филиберу!

Жульетта уселась на кровать к Ревекке; затем она прилегла около нее на одеяле и стала говорить ей почти в самую шею, положив голову на подушку.

— Во-первых, вот что я тебе скажу, — заявила алжирка, — довольно с меня этого дома, всех этих патронов и всех здешних людей; мне надоело это обращение Филибера *à la rара... À la rара!*.. Хитрость, шитая белыми нитками. С вами будто бы обращаются, как с членом семьи, а на самом деле заставляют работать, как негров — здесь хуже, чем в колониях. Стол, правда, хороший и обильный, но это оттого, что хозяин сам любит хорошо поесть; он заботится о своем желудке больше, чем о нашем, и доказательство этому — когда есть что-нибудь вкусное, то это проходит мимо нашего носа. Как, например, сегодняшние раки за обедом... И потом, надоел он всем... со своей гигиеной. Чего он пичкает нас всякой дрянью, как каких-то кобыл? Довольно с меня его сиропов и его отваров; ведь не даром дает он их нам. Все это аккуратно отмечается на нашем счету, и ты думаешь, он не накидывает цену? Если я заболею, я лучше пойду в больницу; я не желаю платить за лекарства и пластыри Мириль. Только о ней и заботятся в доме, все для нее.

— Можно подумать, что она им дочь...

— Все, и даже горбунья нянчится с ней!.. Не могу я видеть такую глупую женщину! Я изо всех сил удерживаюсь, чтоб не открыть ей глаза на всю эту историю.

— О! рано или поздно это должно случиться.

— И это будет хороший поступок. Нехорошо так нахально смеяться над женщиной. И Эжени, эта неудавшаяся сестра милосердия, играет на руку патрону и Мириль. По-моему, у нее скрытая страсть к Филиберу.

— Они все тут с ума сходят по нему. На десять лье кругом прокричали, что это образцовый патрон.

— Отец семейства! Довольно с нас!..

— Я, знаешь, Жульетта, я люблю больше грубых патронов, где все идет как по струнке, око за око, зуб за зуб. Штрафы сыплются на вас, но это вас подзадоривает, это вас натравливает на клиентов, это все равно, что запах пороха

для кровной лошади. А здесь, в этой молочной, опошливаешься, опускаешься. Это не публичный дом, а какой-то коровий хлев. Я превращаюсь в какую-то телку, честное слово...

— Ты знаешь, что надо бы было сделать? — заметила Жульетта. — Надо бы было предупредить горбунью, подготовить ее потихоньку, открыть ей исподволь глаза и, когда она будет настороже, дать ей возможность самой поймать их на месте преступления, так как он, вероятно, бывает у Мириль чаще, чем у жены, под предлогом ночных обходов. Что ты на это скажешь, а?

— Ты думаешь? А горбунья-то ведь зарычит, как львица. Она без ума от своего толстяка. О! В тот день, когда m-me Филибер увидит себя с рогами, вот шум-то поднимется на палубе.

— И суматоха в трюме.

— О! Тулон! — воскликнули с сожалением обе девицы, взволнованные морскими терминами.

— Если ты хочешь, я могу подготовить немного хозяйку, — сказала с улыбкой Жульетта.

— Не вмешивайся в это. Я знаю кой-кого, кто устроит это дело гораздо лучше нас. По крайней мере, это будет со стороны и попадет прямо в цель. Это сделает та длинная Рашель, которая ушла отсюда из-за его жены. Ты знаешь, она жила с маленькой Идой; Филибер отколотил ее, когда раз застал ее плачущей и рыдающей у двери ее девочки: словом, история с главным инспектором.

Главный инспектор... Ты думаешь, этот подлый Филибер не поджал тогда хвост? Ведь это же полицейский чин, и он отдал бы ему свою горбунью, если бы только это понадобилось.

Рашель уехала на другой же день и увезла с собой девочку, но она зла на Филибера. Она напишет все, что мы пожелаем, и притом не анонимным письмом; у нее характер мужчины. Я не сочувствую этим гадостям между женщинами, но Рашель хорошая девушка, и я осталась с ней в переписке. Она делает все, что я захочу.

— Ах, да! Это история Рашель и Лионит. Я еще не была здесь, когда разыгрался этот скандал, но мне рассказывали об этом. По-видимому, патрон не выносит подобных браков и, кажется, приходит в ужас от них.

— Да полно! просто потому, что это не приносит ему никакого дохода, потому что в провинции нет светских дам, а если и есть, то они устраивают свои шашни в других местах. Он этого не любит! Скажите пожалуйста! Если бы он был патроном у Жубера или же на Лондонской улице, куда приходят герцогини и актрисы «Французской комедии», он и не подумал бы ломаться. За это ведь перепадают золотые монеты и тысячефранковые бумажки, когда у подобных дам является фантазия устроить оргию; а я видела немало дам высшего света, когда была в Тулоне! Я видела, как они приезжали из Монте-Карло, да какие богачки, в нижних юбках за пятьдесят луи; они приезжали устраивать кутежи в Шапо-Руж. Приезжали даже из Канн и, как я слышала, между ними были особы и царского происхождения, которые любили не только покутить!.. Шампанское лилось рекой, банковские билеты нагромождались на столах, муж-

чины платили, не считая. Вот веселились-то; говорят, особенно знатные... Я была тогда в «Flamboyant», у меня был морской офицерик, который сказал мне, что среди них была дочь одного адмирала.

— Не может быть!

— О! Я видела многое. Поверь мне, Филибер не отказался бы от таких шальных денег. Добродетельный и добросовестный Филибер!!! Нет, ты меня просто сметишь! Когда он принимает у себя господина Грюмо, церковного старосту, который приходит сюда всегда с молодыми солдатами и поднимается с ними и с женщинами наверх, как ты думаешь, чем они занимаются там? И Филибер выбирает всегда добродушных вроде Анжелины и Тотот, и никогда не назначил бы нас, так как мы похитрее их. Ты думаешь. Филибер не знает, что происходит там? Будь уверена, он набавляет дену и заставляет старосту платить вдвое.

— Эй! Послушайте-ка, что вы там делаете так поздно? — загремел за дверью голос Филибера. — Уж не спите ли вы там вместе?

Обе женщины притихли от страха.

Жульетта взялась отворить дверь.

— Моя свечка погасла и у меня не было больше спичек. Я пошла зажечь к Ревекке.

— Ты уж тут давно зажигаешь! Я слышу уже целый час, как вы тут болтаете.

— Уверю вас, патрон...

— Ну ладно, я великолепно знаю ваши хитрости. Отправляйся к себе и чтоб я не видал вас больше вместе в ваших комнатах. Я старый воробей и меня вы не проведете.

Жульетта притихла от страха и погрузилась в темноту коридора. Филибер зажег ей свечу.

В коридоре были слышны его тяжелые удалявшиеся шаги.

Х

У Филибера неприятности

Вот каким образом провел я этот день и вечер в Обри-лез-Эпинет в доме Филибера.

Мое любопытство было удовлетворено. Я вернулся в Париж и почти забыл там о приятеле, которого встретил при таких оригинальных обстоятельствах; но такова уж жизнь.

В Париже вся она состоит из встреч. Бушующая и страстная, она лишает вас возможности самому устраивать их. Кроме деловых свиданий и светских обязательств, которые теперь также превратились в деловые свидания, все предоставлено случаю. Благодаря чрезвычайному изобилию так называемых уве-

селительных мест, в редком из них бывает действительно весело; там живешь в постоянном чаду и никогда не знаешь покоя, того семейного и тихого покоя, которого я с наслаждением вкусил, в продолжение целых суток, у этого добродушного Филибера, в его большом провинциальном саду, среди его домоседствующего и quasi-монастырского персонала. Впрочем, такое впечатление я получил, может быть, оттого, что оставался там недолго.

Разыскать содержателя дома в Париже? Нечего было об этом и думать. Он приезжал сюда только для «ремонта», как он выражался на своем образном языке, и я, признаюсь, совершенно не знал, в каких таких местах Филибер и ему подобные господа имели шансы запастись «тюками».

Поехать опять в Обри было бы, может быть, нескромно. Нельзя злоупотреблять любезностью, и, как ни хотелось мне вновь увидеть задорную рожицу молоденькой Мириль и волнистые пряди Ревекки, я не осмеливался поехать, в особенности без приглашения, и побеспокоить m-me Филибер.

Итак, я покорился и решил выжидать случая, — нашего всеобщего господина и повелителя, — который послал бы мне на моем пути великолепного Филибера.

Случай оказался хорошим господином.

Месяц спустя, день в день после моего визита в Обри, то есть двадцатого июня, я столкнулся носом к носу с бывшим слесарем на улице Гранд-Арме. Это было напротив театра «Ла Скала» на Страсбургском бульваре, около одиннадцати часов вечера. Я выходил из-за кулис, куда пошел навестить одну из самых красивых актрис этого учреждения, наиболее, может быть, очаровательное существо из женщин легкого поведения всего мира; несмотря на явный неуспех всех своих дебютов, она продолжает вот уже восемь лет упорно выставляться на сцене всех кафешантанов; и это трепание по кабакам нисколько не влияет на ее хрупкую и нежную красоту и нисколько не вредит ее репутации самой красивой женщины в Париже. А это очень редкое явление, так как всякая другая на ее месте, в подобных условиях, потеряла бы очень скоро и бесповоротно эту репутацию. Исчезновение жемчужного ожерелья ценою в пятьсот тысяч франков, украденного два дня тому назад из уборной молодой артистки, делало Иллин Ильс львицей текущей недели. Вся пресса была полна деталями об этой краже; вся полиция была поставлена на ноги; начальник сыскной полиции не выходил из особняка артистки; Иллин Ильс лишняя раз побила рекорд в искусстве рекламы.

Молодой женщине не везло с ее колье. Это было уже третье по счету из тех, которые у нее пропадали в течение пяти лет. Решительно, Иллин Ильс была окружена подозрительным обществом. Первое украденное колье было оценено в пятьдесят тысяч франков, второе в сто двадцать, потерянное же на этой неделе равнялось целому состоянию: его оценивали в целых полмиллиона франков. Подруга или друг, укравшие это колье, действовали смело: кража осложнялась quasi-комическими обстоятельствами.

Дело произошло во время обеда, который давала артистка в своем особняке на улице Бассано; тут у нее и стащили колье, а к этому обеду были приглашены только дамы из общества, восемь титулованных особ, притом из самого

аристократического квартала; среди них находился также один из первоклассных портных с улицы Мира. Во время десерта, правда, пришло несколько человек более интимных друзей: сын одного художника, бывшего тогда в моде, музыкант, имевший большой успех в салонах, трагик, к которому нельзя было относиться равнодушно — то он был великолепен, а то невыносим, — и господин, имевший магазин дамских шляп на бульваре Капуцинов; последний был свой человек в доме.

И все эти мужчины, так же как и все эти дамы, были вне подозрений. Обычно в комнатах прислуги не привели ни к чему. Вся эта история осложнялась еще тем небольшим обстоятельством, что у молодой женщины было еще другое такое же кольцо, но только поддельное. Она заказала его для своих турне по провинции; и оба кольца, как настоящее, так и поддельное, находились в одной и той же вазе, на камине Иллин; и вор ведь не ошибся. Он стибрил как раз настоящие жемчуга, а поддельные оставил — к отчаянию артистки.

— Пятьсот тысяч франков! все приданое моего сына; я берегла это кольцо, чтобы купить ему нотариальную контору. С повышением цен на жемчуга, которое господствует теперь повсюду и которое использовали спекулянты, это составило бы по крайней мере семьсот тысяч франков к совершеннолетию Андре. Я теряю с пропажей кольца больше полумиллиона!

Этот крик сердца матери, рассказанный одним интервьюером-юмористом, насмешил весь Париж.

Чтоб утешить хорошенькую женщину в ее отчаянии и в ее материнском горе, я и ходил за кулисы «Ла Скала». Я нашел Иллин в ее уборной, заставленной цветами. Такому множеству белых азалий молодая женщина, может быть, предпочла бы жемчуга, но ведь друзья делают то, что могут. Сын модного художника, музыкант, оцененный в салонах, и трагик, к которому нельзя было относиться равнодушно, находились там. Они не покидали больше артистку с тех пор, как она сделалась жертвой этой возмутительной кражи; они считали своим долгом поддержать ее своим присутствием и своими советами. Очень тронутая, Иллин была также и энервирована этим, их усердие раздражало ее, и я нашел ее уничтожающей с настоящим египетским жаром жемчуга другого, поддельного кольца, которые, без сомнения, не стала бы пить Клеопатра.

О! этот убийственный запах кулис!.. Этот разряженный и насыщенный вредоносными испарениями воздух маленькой уборной с запачканными мыльной водой и красками стенами! Подумать только, что Иллин Ильс, эта дорогостоящая игрушка княжеских альковов, соглашалась просиживать там по два часа каждый вечер из-за какого-то ничтожного удовлетворения видеть свое имя напечатанным жирным шрифтом на афише кафешантана! А Иллин Ильс была тонкая и умная женщина, высшее, — что я говорю! — исключительное существо во всей стае ей подобных.

О, суета сует! Я вышел из «Ла Скала» с отвращением в сердце, а главное, опечаленный.

В ярко освещенных сенях театра, освещенных *à giorno**, стояли с выта-

* Как днем (*ut.*).

ращенными глазами перед большой рамой, уставленной фотографическими карточками Иллин, местные зеваки-подмастерья и мелкие приказчики в своих рабочих костюмах; это были лондонские и берлинские фотографии, на которых была прекрасно схвачена волнообразная гибкость этой женщины; длинные мягкие муслиновые и батистовые платья, заимствованные с картин английской школы, придавали ей еще больше изящества; ее юношеская гибкость подчеркивалась еще сильнее громадными шляпами с перьями и лентами, которые Иллин умела носить и выбирать с необычайным вкусом.

Девушки с непокрытыми головами шныряли на тротуарах, разносчики газет выкрикивали «La Presse» и под снисходительным оком полиции, камло*, торгующие запрещенным товаром, смешивались с девушками и продавцами газет.

Табачная лавка выходила дверь в дверь с кафешантаном; лавка, где продавались также и напитки, была переполнена в этот час сомнительной публикой, фланирующей по бульварам, и куртками машинистов; столики выходили и на тротуар. За одним из этих столиков выделялась своими широкими четырехугольными плечами знакомая фигура, разговаривавшая с какой-то синей полотняной курткой, лоснившейся от пятен; фигуру эту я узнал сейчас же: это был Филибер!

Я дотронулся до его руки:

— Здравствуйте! Что вы тут делаете? Как поживают у вас там, в Обри-лез-Эпинет?

Толстяк повернул ко мне расстроенное лицо.

— О! плохо, м-сье Жак. Простите, я занят сейчас, я через десять минут освобожусь. Согласны вы подождать меня напротив, в кафе «Эльдорадо»? Это место для вас более подходящее... Вы ведь извините меня, не правда ли? Я к вашим услугам через четверть часа.

— Хорошо, Филибер, я буду ждать вас напротив, в кафе.

Содержатель дома заставил меня ждать только пять минут лишних. Он шел ко мне, подволакивая одну ногу, с легким покачиванием корпуса, свойственным сытым людям его профессии; и, несмотря на его старательно завитые и расчесанные усы, я сразу же заметил, что у Филибера неприятности. Нет, должно быть, дела его шли не так, как он хотел; и, протянув мне свою широкую руку с лопатообразными пальцами, униженными кольцами, он сказал:

— Я прозевал опять одно дело, мне не везет в этих поездках, а раз уж начинает не везти... Вы знаете, это как лихорадка, она уж вас не выпустит... А вы? Вы хорошо живете, м-сье Жак? Вы видели меня с этим злополучным машинистом; вот уже третий вечер, как он меня заставляет приходить в «Ла Скала»... а из-за чего? Все зря. Ничего не выходит. Он хотел продать мне свою даму, статистку, с которой он живет уже шесть месяцев: ведь все эти бездельники, между нами говоря, только прикрываются каким-нибудь ремеслом, исключительно для того, чтоб как-нибудь назвать себя полицейскому комиссару, или же для того, чтоб выпутаться у судебного следователя. Если их потребуют

* Мелкие уличные торговцы, от фр. camelot.

в префектуру, У них есть занятие — они машинисты, они работают, но на самом деле работает их дама; а работа этих людей — не на репетиции, не на спектакле. Их настоящая работа начинается с половины первого ночи, после окончания представления. У! проклятая сволочь! А как вредят они нашему делу, если б вы знали! Чтоб занять теперь женщину, надо непременно пройти через них; они присвоили себе все; они назначают теперь цену. Знаете ли, сколько просил у меня этот машинист за его девицу? Триста франков ему, двести ей — пятьсот франков до поступления дамы в заведение, затем путевые издержки и туалеты на мой счет. Я должен был еще одеть это прелестное создание! После этого ничего не оставалось делать, как разрезать меня ножом на куски, как грушу! Но я стоял на своем, я предложил триста франков, и ни сантима больше. Он мог взять себе из этих денег сколько хотел, а со своей девочкой мог устраиваться, как угодно. Мне было все равно, как они там поделают деньги: триста же кружочков за один тюк — очень хорошая цена. За эту цену можно было получить четырех женщин во времена маршала Мак-Магона. О! проклятое, жалкое правительство, с тех пор, как оно стало выселять монастыри, честное слово! нет возможности что-нибудь найти... Человек, еще полбока!.. И это меня страшно раздражает, тем более, что третий вечер я торчу здесь, а дело мое не подвинулось ни на один шаг.

Надо вам сказать, что я выставил Ревекку и Жульетту.

Сколько скандалов было у меня из-за них, если б вы только знали! О! это такие мерзавки! Поискать, так не найдешь двух других таких гадин. Они мне перевернули все вверх дном в доме. Я расскажу вам в другой раз об этом, м-сье Жак, сегодня я слишком расстроен!

— Успокойтесь, Филибер. Хотите еще бок пива?

— Пожалуйста, вы очень любезны. Человек, еще полбока! Я все-таки жалею об этой девчонке, — продолжал Филибер, обтерев свой мокрый лоб. — Блондиночка, жирненькая, как раз жанр нашего дома, и потом, подумайте! двадцать лет, маленький, откормленный зерном цыпленочек, как есть лакомый кусочек! В продолжение целого месяца я мог бы иметь все лучшее общество города. Я не посадил бы ее, конечно, в общий зал. У нас, как у торговцев гастрономическими товарами, — только лучшие покупатели получают первые ягодки.

Затем он стал утешать себя:

— В конце концов, она, может быть, и не оправдала бы в пеньюаре тех обещаний, которые сулила в costume; я ведь был за кулисами и видел ее; ее сожитель провел меня туда вчера...

В трико, с подтянутым животом, накрашенная и с кивером на парике, девчурка выглядела очень мило, но все эти театральные дамы, освещенные электричеством... это ведь все один обман... Но кто мне нисколько не понравился, так это их звезда. Вот уж нисколько-то! А они все сходят с ума по ней! Вы знаете ее, m-лле Ильс? Да это не женщина, это какая-то удочка, у нее нет ни груди, ни зада. Вот уж кто не заработал бы у нас ни одного су, а она ведь спит в постелях принцев!

О! можно подумать, что у людей высшего общества истощены желудки! У

них, должно быть, плохой аппетит, коли они любят такую тощую женщину. Там нечего и любить-то; будь она была у меня, я поставил бы ее на этажерку, да и то боялся бы стирать с нее пыль. О! нет, не нравится мне ваша *demoiselle Plumeau* *.

— Почему *Plumeau*?

— Да это ведь женщина, годная на метелку из перьев... И вместе с тем, м-сье Жак, не верьте мне, если хотите. Вот уж пять дней, как я в Париже, чтобы заменить этих двух девиц, и я пропустил уже больше пяти двадцатифранков из-за прекрасных глаз «мадагаскарской королевы», и если б я не встретил вас сегодня, то потерял бы еще целый вечер. Нет больше возможности заниматься ремонтом самостоятельно, надо теперь иметь дело с маклерами. Они заламывают невероятные цены, они избалованы иностранцами, спроса теперь гораздо больше, чем предложения: надо видеть письма, которые они получают из Лондона и Нью-Йорка! Француженка ценится выше всех в этих странах, а ведь известно, что в Англии и в Америке есть красивые женщины, но дело все в том, что те чересчур добродетельны и все пьют. Все пьяницы!

У этих англичан и американцев мозг преступников. Во француженках, а особенно в парижанках их возбуждает то, что все они воображают, что имеют дело с Габриэлями Бомпар** и с «Золотой каскеткой»***. О! вот кто бросается с закрытыми глазами и окунается с головой в развратную жизнь апашей. Все искатели комет сделались теперь гидами Куков и больших отелей по кафешан-танам Центральных рынков или площади Мобер. Я знаю некоторых из них, которые еще шесть месяцев тому назад спали под мостами и которые теперь живут в меблированных комнатах за тридцать франков в месяц и обедают в «*Pied de Mouton*», как вы и я, м-сье Жак, и все это только из-за того, что они во-дили двух-трех дураков с деньгами в «*Belle de Nuit*» и в «*L'Ange Gabriel*».

А их «Погребок Центральных рынков», что это за трущоба! Сборище всех буржуев! Вот дураки-то есть на белом свете!..

А пока — женщины выskalывают у нас из рук, все они попадают в сети этих господ, как угри.

Прежде патроны и сутенеры ладили между собой, прежде это были товарищи, а теперь — это война на ножах. Они все забрали себе, каналы, они дают советы девицам и обирают их. Они назначают цены — и хоть бы женщины-то были счастливы! Они ничего не имеют от этого, глупые животные! Приятели с ними обращаются грубо, держат их в вечном страхе и даже убивают, если нужно. Вы только почитайте ежедневные известия; они платятся своей же шкурой. Друзья прикалывают их довольно-таки часто; и хуже всех — мальчишки, подростки лет восемнадцати, которые обращаются с женщинами, как звери; они не верят ни в Бога, ни в черта; что же в таком случае может удержать их? Нет больше религии, они готовы продать родную мать! Да, поневоле вспом-

* Перо (*фр.*).

** Соучастница нашумевшего преступления Эро, убившего присяжного стряпчего Гуффе (*Прим. пер.*).

*** Прославилась несколько лет тому назад своими кровавыми приключениями среди парижских апашей (*Прим. пер.*).

нишь поколение семидесятых годов, м-сье Жак!

И не подозревая того, что он повторяет знаменитое выражение, содержащее дома в Обри-лез-Эпинет продолжал жаловаться:

— Дети, зачатые в год войны, честное слово, все истеричны и преступны!.. Они принимают парижских буржуев за пруссаков...

И с круглыми глазами, в которых выражался неподдельный ужас, Филибер добавил:

— Ведь это анархия! Наше ремесло и то не верное; стало даже опасно вербовать женщин. О! Париж больше не Париж, м-сье Жак. Не говоря уже о всех грязных историях, в которые вас впутывают, когда приходится иметь дело с этими людьми. Например, знаете, где я провел вчерашний день, я, Филибер Одижон, владелец патентованного учреждения? В суде, у судебного следователя! И все это из-за какой-то скверной девчонки, которую я и видел-то всего раз; труп ее плавает, вероятно, в настоящую минуту между Пуасси и Меланом, если только сети Сен-Клу не захватили его на пути. Да... я, Филибер Одижон, провел четыре часа, как простой подсудимый, у господина де Молленке, и все из-за одного только проклятого письма, которое я написал этой девчонке. Его нашли у нее в номере, когда делали обыск.

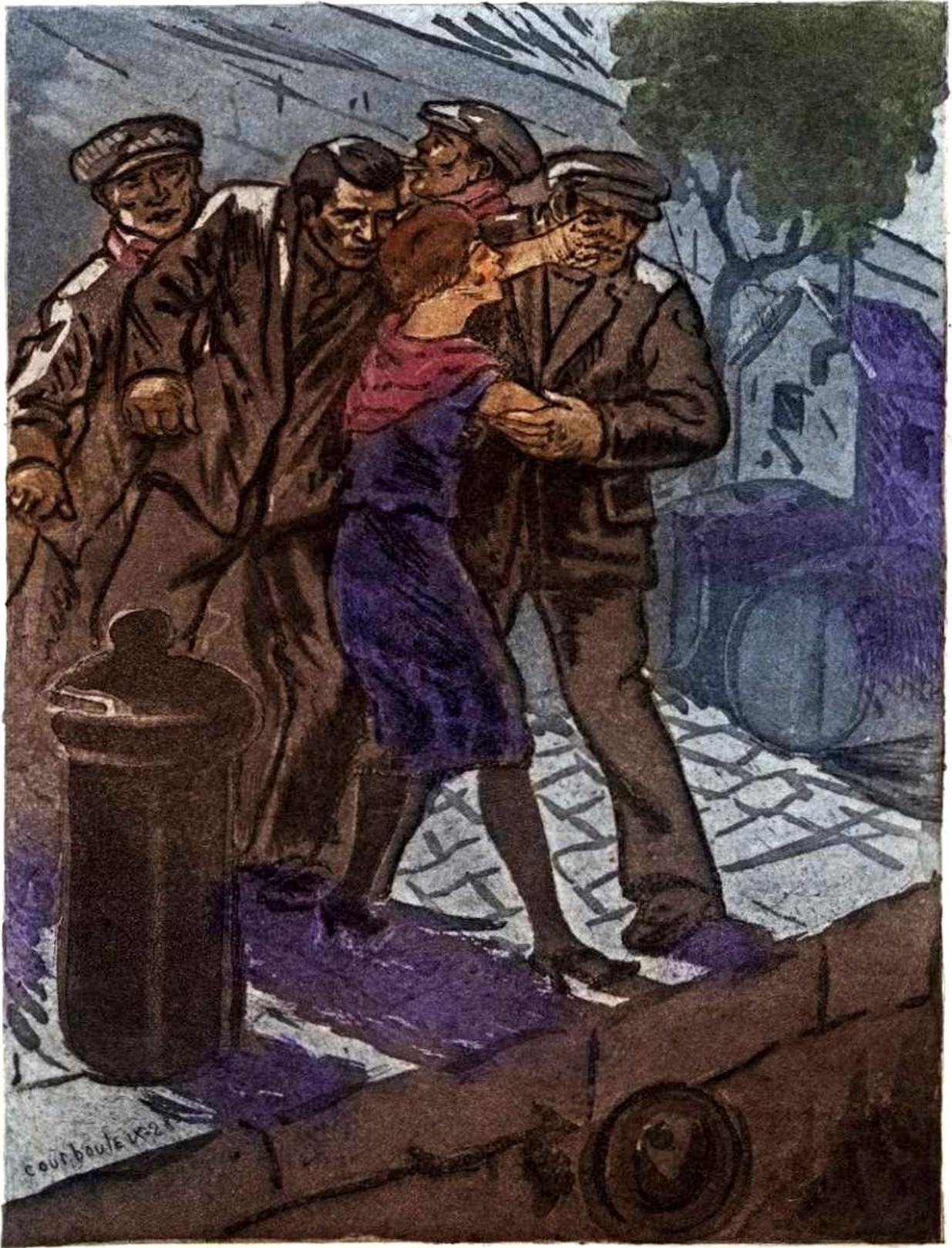
XI

Марселец

— В газетах только и пишут об этом. Девочка, которую бросили в воду на Альмском мосту; прехорошенькая была штучка, честное слово!.. Знаете? Сент-Уэнское дело!.. Рабочий-электротехник случайно встретился с ней в четверг вечером на бульваре de la Chapelle. Они понравились друг другу, пообедали вместе в винном погребе; вечером пошли в цирк Фернандо и, как полагается, он повел девочку к себе домой. Ночью они болтали в постели; девчонка прикинулась честной женщиной и добросовестной работницей, а парень-то и поверил ей сдуру, и втюрился: она была такая аппетитная; словом, он предложил ей переехать к нему и жить вместе...

О! У простого народа это быстро делается: «Ты мне нравишься, и ты мне также, ну, так давай жить вместе». И они сходятся и живут, пока не разойдутся; любовь их исчезает от первого дождя или от первого луча солнца.

Девочка приняла предложение. Она сказала, что должна только расплатиться дома и тогда переедет с пожитками к своему милому. Встретились они в субботу вечером, а переезд отложили до понедельника, чтоб дать возможность каждому устроить кой-какие дела; в понедельник они решили поехать вместе в одном из кабачков у Порт-Маню, а оттуда пойти погулять на праздник Ненейль (вы понимаете, праздник Нельи); а что было дальше, — вы читали все сами в газетах.

Courboulay 1952

На празднике Нельи влюбленные встречаются ватагу друзей... то есть, парень встречает среди них одного из своих старых знакомых, товарища по дисциплинарному батальону, с которым он служил в Африке. Он представляет им свою курочку, они братаются, шутят, катаются на каруселях на деревянных конях, пьют вино, угощают друг друга... Как вдруг он замечает, что один из друзей его знакомого пристально смотрит на девицу и что девочка как-то замялась. Что-то было подозрительное между ними; механик насторожился и вдруг между девочкой и подозрительным субъектом вспыхивает ссора.

Это был один из ее «прежних», но не из давних; она ушла от него всего месяц тому назад. Франт этот заявляет претензии к своей бывшей любовнице, механик вступается за нее, товарищ из африканского батальона поддерживает механика. «Да черт с ней! — говорит он. — Очень нужно убивать друг друга из-за бабы. Одну потеряешь, других двух найдешь». Словом, мир заключен; механик предлагает еще один тур; снова катаются на свиньях, на коровах, вообще проделывают все, что нужно, и все опять идет по-хорошему. В полночь прежний возлюбленный Мели предлагает пойти посмеяться в какое-нибудь кабаре Центральных рынков... Соглашаются; доходят до Триумфальной арки и вновь спускаются к Сене по Альмской улице.

Остальное вы знаете, м-сье Жак. Когда они приближались к мосту, механику показалось, что его курочка манит к себе своего прежнего. Он, конечно, упрекает ее; вдруг девица выхватывает нож из кармана, настоящий нож убийцы, и хочет всадить ему в спину.

Остальные парни набрасываются на девицу, схватывают ее, ведут на берег и сбрасывают в воду. И вот «мадам в соку», — это собственное выражение механика в участке у пристава, к которому он пошел заявить о преступлении. Вы читали, конечно, об этом в газетах так же, как и я? Бедный парень был страшно огорчен и поражен; он ведь хотел сойтись с ней, а она, которая казалась кроткой, как ягненок, которой было не больше двадцати лет, с длинными миндалевидными глазами, — я ведь видел ее, — она оказалась шлюхой, которая из-за какого-то пустяка выхватывает нож и хочет его зарезать.

Он выдал и трех других, это нехорошо, не по-товарищески, но полиция еще не отыскала их и никогда не отыщет; они ловкие парни, и взяли, значит, одного его, дурака... Что же касается красавицы, она, вероятно, плывет, как я вам сказал, между Меланом и Триелем, а от всего этого пострадал я.

Судебный следователь продержал меня вчера целый день в своем кабинете, и все из-за моего несчастного письма, которое нашли у нее в номере на Фабричной улице, в Сент-Уэне; имя ее Эмили Трабюк, она жила в номерах «Два света». Я находился с ней в переговорах; она должна была поступить к нам вместо Ревекки. Один из парней с Сент-Аполлинской улицы познакомил меня с ней; мы разошлись из-за ста франков. Она просила триста, а я не хотел давать больше двухсот пятидесяти: пятьдесят полагалось парню за комиссию. Я не жалею о ней — не дай Бог иметь убийцу у себя в Обри-лез-Эпинет! Вы только подумайте! Девка с ножом в моем собственном доме; дерзкая буянка, способная убить кого-нибудь из клиентов! Вы можете себе представить, какой

переполох поднялся бы у нас в провинции!.. Теперь нельзя никому доверять.

Если б вы видели ее, м-сье Жак, вы не поверили бы тому, что я говорю. На вид она воды не замутит, совсем святоша. Глаза голубого цвета, да такого цвета, что могут перевернуть вам всю душу; совсем как вода в колодце, когда в нем отражается небо. О! я сочувствую механику! Я понимаю, что он был счастлив познакомиться с ней. И эта хитрость: рассказывать парню, что она будет жить с ним, между тем как на другой же день она должна была поступить ко мне в заведение. Ну, не преступны ли женщины после того, м-сье Жак! Чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что ложь — это сама сущность женщины... Еще пришлось мне давать отчет следователю в том, как я провел вечер в понедельник. К счастью, я его провел в театре с Бодармоном, вы знаете... патрон, с которым мы обедали в «Серебряной башне» в первый день нашей встречи. Мы пошли посмотреть еще раз «Орленка» Ростана. Я люблю пьесы из военной жизни, а особенно драмы, где говорят про Наполеона; это меня приводит в восторг, я ведь шовинист, м-сье Жак. К счастью, я был на «Орленке»!.. Но мог же я быть в этот вечер и на гулянье в Нельи! Вот вляпался бы: следователь забрал бы меня, меня впутали бы в это дело и мне, Филиберу Одижону, пришлось бы отбыть предварительное заключение... От чего, подумаешь, зависит иной раз репутация человека! О, наше ремесло не из легких, особенно в теперешние времена!

Толстяк посмотрел на свои часы. Толпа, повалившая из театров, указывала на то, что представления окончились; зрители выходили плотными массами из «Ла Скала» и «Эльдорадо»; столики всех кафе быстро занимались публикой; ночная жизнь закипела.

Филибер встал:

— Я должен вас покинуть, м-сье Жак! У меня деловое свидание на Себасто, совсем близко отсюда, на одном из балов Центральных рынков. Вы теперь видите, что мне вовсе нелегко живется! В нашем деле работают во всякое время. Вы платите по счету? Вы очень любезны!

Я пожал широкую руку, которую мне протянули; толстяк спохватился:

— Впрочем, если у вас не предвидится ничего лучшего, проводите меня туда, м-сье Жак, вы увидите, как нанимают женщин в дом. А сколько пишут об этой «торговле белыми»! О! эти чернильные писаки не стесняются нести всякий вздор! Я был бы очень доволен, если б вы увидели сами, кто кого эксплуатирует. Вы ведь пишете в газетах. Вы можете написать об этом и открыть, наконец, всю истину.

— Итак, идем открывать истину! — воскликнул я, хлопнув Филибера по его широкой спине, и мы двинулись.

Мы шли вниз по Севастопольскому бульвару. По быстрым поклонам глазами, которыми приветствовали моего спутника, я сразу определял общественное положение этих таинственных друзей Филибера: это были патроны, жулики, сутенеры; последние стояли на углах тротуаров и следили за операциями своих любовниц.

Филибер подхватывал на лету сочувственные взгляды-поклоны лакуртильского Карлика, Тентена-Осла и лашапельского Красавца-Блондина; они при-

шли каждый из своего квартала, чтобы следить за поведением своих дам. Филибера ожидали в Гравилье, на балу сутенеров и разных фланеров, который устраивали каждый день эти господа в задней половине винного погребка на улице того же названия. Вся накипь рынков, мясники без работы, разгрузчики овощей и «искатели комет», весь сомнительный паразитизм четырех павильонов рынка стекается в стены этого бального зала. Женщины из пустынных ночных ресторанов площади *des Innocents* и улицы Франсуа Мирон, командидуемые для приискания клиентов, приходят сюда протанцевать танец и выбрать себе любовника, с которым они встретятся в «*L'Ange Gabriel*» в четыре часа утра, после ночного труда.

На этом балу и было назначено свидание Филиберу. Ему должны были представить здесь одну девочку.

Разговаривая, мы дошли до угла улицы Тюрбиго.

Подумав, Филибер решил лучше не ходить на бал. Это было неподходящее место для меня, ничего хорошего нельзя было ожидать от этого бала, можно было натолкнуться на ссору, даже на драку и потом, была ли еще там эта девчонка, из-за которой он приходил уже два раза зря. К тому же становилось поздно. Словом, Филибер предпочел послать человека из бара, чтобы позвать Марселеца. Это был маклер, который предложил ему устроить дело.

Итак, мы вошли в бар «Велосипед», который находился на углу улицы Тюрбиго и Севастопольского бульвара. Там было почти пусто. Филибер заказал два стакана мяты и послал одного из служащих в Гравилье.

— Это в двух шагах, — сказал он мне. — Если Марселец на балу, он приведет его с собой. Я не хотел бы также, чтоб нас видели там, меня там слишком хорошо знают.

Он приготовил монету в двадцать су, которая, по-видимому, предназначалась за заслугу посыльному. Филибер задумался, большая складка образовалась на его низком лбу. По-видимому, содержатель дома совсем и не думал идти в Гравилье.

Посыльный возвратился назад. Он вел с собой высокого человека, одетого в один из тех туго облегających коричневых костюмов, которые так любят на юге. Красный галстук и светлые кожаные башмаки на перламутровых пуговицах дополняли туалет этого франта с улицы Каннебьер; но у него были грязные ногти и подозрительной чистоты белье. Впрочем, он был довольно забавный, с живыми глазами и маленькой выразительной головой, которую я наблюдал у них у всех в долине Роны, особенно начиная с Авиньона.

— Ну, что, Марселец? — обратился к нему Филибер. — Девочка там?

— Да, там, но она не желает идти сюда. Она говорит, что вы можете сами прийти.

— Хорошо, я иду, — сказал толстяк, вставая. — Что ты будешь пить, Марселец?

— М-сье Филибер, — возразил франт, — я не советую вам идти туда. Там Мом со своей шайкой.

— Мом!.. — воскликнул Филибер, вдруг страшно побледнев.

— Да, он там и вам лучше не ходить туда. Мом пришел около одиннад-

цати часов и как будто догадывается о чем-то. Девчонка, наверно, разболтала.

— Значит, теперь нельзя сделать ни шагу, чтобы не натолкнуться на Мома?

— О! Мом все знает; по-видимому, все девчонки в его власти и обо всем извещают его.

— Между тем, он ведь урод?

— О! что касается этого, он совсем не красив. Но это не мешает ему нравиться, и потом, он ведь беспощаден. Вот уж кто не простит, если ему чем-нибудь не угодишь. Нет никого настойчивее его, он настоящий корсиканец... а корсиканцев мы хорошо знаем в Марселе. Нож выскакивает у них из кармана, как лягушка на лугу. Они просто шутят ножом на этом Рыжем острове. Я их хорошо знаю и могу многое порассказать о них. Я ведь бывал в плавании.

И вдруг, прервав свои воспоминания, он сказал:

— А вы, м-сье Филибер, вы — такой славный, очень жаль, что у вас были неприятности с Момом! Из-за него вам предстоит много хлопот с вашим делом.

— А, да пошел ты к черту! Ты, наконец, раздражаешь меня подобными разговорами; я хочу покончить с этим раз навсегда. Довольно, я иду в Гравилье.

Голос содержателя дома изменился, лицо его потемнело и приняло злое выражение.

— Не делайте этого, м-сье Филибер, — и Марселец положил ему руку на плечо. — Вы — владелец целого заведения, человек женатый, вам неудобно связываться с каким-то сопляком, который даже не призывался еще к воинской повинности. Подумайте только! Торговец человеческим мясом, продавец живого товара! Если что-нибудь случится, за вас никто не заступится; да кроме того, девчонки теперь уж нет на балу, и Мома также со всей его шайкой. Они что-то там говорили насчет ужина в «L'Ange Gabriel»; надеюсь, вы не пойдете в это рандеву апашей. Там, знаете, прямо играют ножами, а револьверные выстрелы так и гремят. На моих глазах там зарезали Бико с Монпарнаса, и зарезали-то его из-за сущего пустяка, из-за какого-то там стакана... Вам нельзя идти туда, м-сье Филибер, вы ведь не возлюбленный какой-нибудь «Золотой каскетки». Вы живете ведь доходами вашего заведения.

Содержатель дома слушал его с мрачным лицом.

— А девочка? Когда же, наконец, я ее увижу? Я не хочу ехать с пустыми руками в Обри.

— Не беспокойтесь. Я все устрою; я приведу вам ее завтра в пять часов в «Лунный бар», рядом с бриошами.

— Ты не обманешь меня, Марселец? Я уезжаю завтра домой с девятичасовым поездом.

— Клянусь Пресвятой Девой, я приведу вам ее, м-сье Филибер, совсем уж готовой и обработанной. Она только и мечтает уехать из Парижа, она боится здесь оставаться. Она жила с этим длинным Жюло де Шароном и бросила его, а он поклялся убить ее. Она только потому и ходит с Момом и его шайкой, что дрожит со страху. В вашем доме она будет в безопасности. Вы ее непременно получите, да притом еще вовсе не дорого. Это вам обойдется примерно в двести франков.

— Итак, до завтра, Марселец! Вот тебе за твои хлопоты.

И Филибер сунул пятифранковую монету в руку Марсельца.

— Вы могли бы дать и другую такую же монету, патрон, я не жалел для вас хороших советов.

— Ах, какой ты ненасытный, Марселец! Ты никогда не доволен тем, что тебе дают.

— Послушайте, патрон! Для чего я предупредил вас, что Мом там? Как вы думаете: для вас это или для меня?

— Ну ладно, получай, — и Филибер сунул попрошайке драную серебряную монету. — Но знаешь, ты способен вывести из терпения самого Бога, — рассердился он.

— Ну, не сердитесь, патрон. Надо будет, однако, примирить вас с Момом, я уж берусь за это. И советую вам не ходить сейчас Рынками, а также площадью Шатле, — опасно после часа ночи.

И, отвесив широкий поклон, Марселец исчез в темноте ночи.

— Ну! Что вы на это скажете? — спросил меня мой спутник. — Видели вы, каково нам живется? Будь я агентом сыскной полиции, мне не нужно бы было опасаться больше, чем теперь. Мы старики в этом деле, их учителя и их старшие, а эти молокососы, эта сволочь обращается с нами, как с буржуями... Мальчишки, но мальчишки-преступники, настоящее семя эшафота! Они способны зарезать нас, как цыплят, и убить, ни на минуту не задумываясь, нас, стариков, старшин ремесла... Вот эти-то паршивые коты и вытесняют нас! Только из-за полиции и терпишь. Ведь невозможно же, чтоб меня забрали в какой-нибудь свалке, меня, Филибера Одижона, содержателя дома первого разряда в Обри; да и потом, моя Вероника, пожалуй, еще заболит, если со мной что-нибудь случится в этом проклятом городе. Она больше не пустит меня в Париж.

Так вот в каком положении наше дело, м-сье Жак! Это погибшее ремесло, я говорил вам. В теперешнее время немисливо делать дела. Сколько нужно предосторожностей, сколько свиданий и таинственности, чтоб увезти какой-нибудь несчастный тюк, и все-таки, до сих пор я еще остаюсь ни с чем. Вы видели, на что употребил я вечер! Одни только слова да обещания... Да, многое придется еще вынести, чтоб заменить эту проклятую Ревекку!

Прямо несчастье! Да! Я ведь вам еще не сказал, что устроила мне эта африканская телка. Она чуть не поссорила меня с женой. Этого еще недоставало! Еще бы немного, и Вероника бросила бы меня. Ну и досталось же ей на орехи! Расправа была коротка, я живо вытолкал ее за дверь! Знаете, м-сье Жак, это настоящая натура преступницы, какие только встречаются в романах Бренвилье или ла Ваузена. Героиня грошовых книжонок, которыми торгуют газетчики на улице. Но я вам все-таки не сказал, что она сделала. Стоит послушать, можно сочинить целую комедию. Постойте, я сейчас найму извозчика и провожу вас домой. Мне полезно подышать свежим воздухом. Я расскажу вам все по дороге.

ХИ

Расправа

Извозчик вез нас рысцой по Большим бульварам. Благодаря позднему часу, прохожих было мало. Мы ехали, наслаждаясь свежим ночным воздухом, который ласкал нам виски. Почти все кафе уже закрывались, официанты суетились около окон, с шумом спуская ставни.

— Да, м-сье Жак, эти две дряни, — начал снова Филибер, — имели подлость сказать моей бедной жене, что я любовник Мириль! Вы ведь знаете ту жалкую худышку, которой и жить-то осталось недолго, бедняжке... Я был, правда, внимателен к ней, но подумайте: заниматься таким ремеслом, когда человеку место в больнице!.. Надо сознаться, что нелегко и что судьба не ко всем одинакова; минутами чувствуешь себя прямо анархистом. Право! мне было очень жаль ее! Я оставлял для нее лучшие куски, избавлял ее от многих неприятных обязанностей, словом, относился к ней, как относятся к больному ребенку; что же касается всего остального, м-сье Жак — кто видел тазы чахоточной, тот уж не влюбится никогда в «даму с камелиями». Видеть то, что выплевывают чахоточные по утрам, вовсе не аппетитно, и только в театрах с красивыми декорациями, музыкой и роскошными кружевными пеньюарами можно составить себе некоторую иллюзию об этих болезнях.

Филибер вдался в философию.

— Всегда бываешь наказан за свою доброту, м-сье Жак, и доказательство тому — что эта дрянная Жульетта и эта скверная Ревекка и тут нашли что-то дурное и чуть не поссорили меня с женой... Да, бедная моя Вероника, эта лучшая из женщин... Впрочем, я, кажется, уже достаточно расхвалил вам ее! Не будем, значит, возвращаться к этому. Они ее так расстроили; из-за них она чуть не сошла с ума; они наговорили ей таких скверных вещей обо мне, что даже теперь, когда все уже уладилось, хотя и с большим трудом, все-таки чувствуется, что прежнего уже не вернуть. У нее нет больше доверия ко мне и, хотя она по-прежнему кротка, тем не менее, как будто что-то порвалось в наших отношениях. Моя жизнь отравлена, а особенно жизнь Вероники. Я вижу это теперь по ней, когда уезжаю в Париж для ремонта. Недавно она заговорила о продаже дома, и все это из-за тех двух мерзавок!

О! эти алжирки, эти марсельские шлюхи! Остерегайтесь их, м-сье Жак, и, если когда-нибудь вы откроете такое заведение, не вздумайте держать у себя подобных тварей. Это хуже чумы, это верная погибель для дома.

И в порыве излияния, Филибер обнял меня за шею, присоединяя, в своем воображении, и меня к своему горю. Я не прерывал его; малейшее возражение с моей стороны было бы для него почти обидой. Толстяк продолжал:

— Эти две язвы подготавливали все постепенно; надо было время, чтобы обработать мою Веронику. Я замечал, что что-то такое происходит: она почти не говорила и не смеялась; когда я хотел приласкать ее, она отстранялась... «Луч-

шие женщины подвержены всевозможным капризам, — думал я, — это пройдет». Жульетта и Ревекка хихикали в углах, подталкивая друг друга локтем, когда я говорил с Мириль, но я решил, что это просто выходки пансионеров. В таких заведениях, как наши, все эти маленькие интриги вносят некоторое разнообразие в жизнь девиц. Они выходят из дома только раз в две недели, и в провинции жизнь их совсем не сладкая. Они ведь только и видят одних клиентов.

Однажды утром, когда я не спал всю ночь из-за бедной Мириль, которая так сильно кашляла, что не давала никому спать, я хотел пойти к ней, чтобы отнести ей новое средство, о котором я вычитал на четвертой странице газет и купил в мое последнее путешествие в Париж. Я шел кварталом Сен-Дени. Вдруг, вижу на витрине в аптеке название, название которого я вычитал в газетах. По возвращении в Обри, я спрятал лекарство, подумав, что при первом же приступе кашля дам Мириль его принять. В это же утро она так сильно кашляла, что я и решил дать ей его. Я поднялся к Мириль.

На лестнице сталкиваюсь с хозяйкой. У нее было такое странное лицо.

— Куда это ты идешь? — спрашивает она.

— Да к Мириль. Разве ты не слыхала, как она кашляла всю ночь?

— А что же ты хочешь с ней делать?

— Да отнести ей лекарство. Вот видишь, флакон.

— Да, вижу. Дай его мне. Я отнесу ей сама.

— Да что с тобой, Вероника?!

— Со мной то, что довольно с меня этой Мириль, довольно всех этих лекарств и всех этих фокусов.

— Чего? — спросил я, чувствуя, как меня охватывает гнев.

— Чего!.. Незачем делать такие злые глаза. Я не боюсь тебя, Филибер!

И каким-то свистящим голосом, со стиснутыми зубами и упрямым лицом, которого я еще никогда не видал у нее, она выпалила залпом:

— Дело в том, что я хочу, чтоб в моем доме меня уважали, и что в порядочном заведении патрон не должен сидеть целые дни в комнатах своих пансионеров. Ты не выходишь из комнаты Мириль. Ты ведь не доктор, насколько мне известно...

— Что ты говоришь, Вероника?

Я чувствовал, что гнев душил меня.

— Я говорю, что это тянется слишком долго, что я не желаю служить предметом насмешек в моем же доме.

— Предметом насмешек! Что ты там такое поешь?

— Я не пою, мой друг! я плачу и, если я решаюсь причинять тебе горе, значит, мне слишком уж больно; больше я не могу молчать и вот у меня вырвалось...

Вероника села на ступеньку и, поставив локти на колени, закрыла лицо руками и зарыдала; но зарыдала так, что своими слезами чуть не вывернула все мои внутренности.

— Бедная моя Вероника! Милая ты моя женушка! Да что же такое случилось?

— Случилось то, Филибер, что больше я не могу страдать, это давно уже мучит меня. Что ты обманывал меня и развлекался на стороне, этого я должна была ожидать... Ты красивый парень, здоровый, а я уродица. Ты взял меня почти из жалости, а также, конечно, чтобы и устроиться; и больше всего покорила меня твои доброта, когда я приезжала к дяде провести праздник. Ты был такой стройный тогда, такой веселый, на тебя поглядывали все эти дамы, и ты говорил со мной так мягко, как со всеми другими, мягче даже, чем с другими, ты был так внимателен ко мне... У моего дяди никто не обращал на меня внимания. Какой интерес могла представить какая-то уродица для торговцев женщинами? Я не существовала для них. Тогда я поняла, что ты человек добрый. И только за твою доброту я полюбила тебя, я дала понять тебе это и ты взял меня замуж. У тебя не было ничего, я принесла тебе дом в приданое, но, как ни беден был ты, — ты был богаче меня... Каждый раз, когда ты приходил сюда, все эти женщины смотрели на тебя нежными глазами. Я это хорошо видела, между тем как на меня ни один мужчина не смотрел раньше тебя. Филибер, ты видишь, у меня гнев прошел, послушай... Ты меня сделал счастливой. Благодаря тебе, я мать четверых детей, которые все похожи на тебя: всемилостивый Бог послал мне это счастье... Что ты обманываешь меня от времени до времени, когда едешь в Париж или в другие места для ремонта, — я это знаю, это почти неизбежно при твоём деле и с этой мыслью я примирилась. Я думала про себя: «Он так красив, а я так уродлива, вполне, значит, справедливо, если он развлекается...» И ты ведь никогда не слышал, чтобы я жаловалась на это, не правда ли, мой милый? — за все шестнадцать лет, что мы живем вместе. Но что ты взял любовницу под нашей же крышей, что ты посадил ее с нами за стол, что она ест и спит тут же, рядом с нами, что ты сделал меня посмешищем всего заведения, этого, Филибер, я не ожидала от тебя, это слишком тяжелое горе для моего сердца горбуни...

Я слушал ее с вытаращенными глазами, ни слова не понимая из того, что она говорит; видя ее плачущей так тихо и так упорно, я чувствовал себя до глубины души потрясенным и холодный пот выступил у меня на спине.

— Любовница, здесь! Но ты с ума сошла, Вероника, о ком говоришь ты?

— Да о Мириль! Не старайся перехитрить меня. Это бросается в глаза. Все дамы говорят об этом, да и в городе немало болтают на этот счет!

— Мириль! Эта девочка? Да ты не разглядела ее, Вероника. Она ведь умирает от чахотки и ты думаешь, я настолько глуп, что буду жить с чахоточной? Да ведь я могу заразиться, болезнь эта ведь передается! Целовать Мириль, спать с Мириль, ведь это все равно, что проглотить флакон карболовой кислоты!

— Не рассказывай мне историй! Все равно не поверю. Ты думаешь, если бы ты был чахоточный, со всеми скверными заразами во рту, это помешало бы мне целовать тебя в губы? Ведь ничто не противно, когда любишь, Филибер, страсть ведь не рассуждает.

— А твоя страсть перерассуждает, Вероника. Нет, честное слово, кто-нибудь вбил тебе это в голову, ты не сама это придумала...

Двери на лестницу открылись; я понял, что нас подслушивают. Я сел око-

ло Вероники и обнял ее; она не противилась и, лаская ее, я выпытал у нее все. Я вспомнил разговор между Жюльеттой и Ревеккой в ночь вашего визита ко мне, м-сье Жак.

— Я уверен, что эти две дряни внушили тебе весь этот вздор.

Вероника стала было защищаться, но довольно слабо. Сначала я шутил с ней, потом стал настаивать и, наконец, добился истины. Они изводили мою бедную жену целый месяц разными двусмысленными намеками, всевозможными выражениями сочувствия, негодования и минами оскорбленных за нее женщин! Они будто бы сказали об этом, так как это был их долг, так как мое поведение их возмущало; кроме того, они подучили и всех остальных. Все девицы примкнули к этому заговору по слабости характера, а главное, из желания насолить мне. Кроме бедной Мириль и длинной худой Эжени, этой ньюфаундлендской собаки, олицетворяющей преданность, все в моем доме были в заговоре против меня; и моя бедная Вероника перенесла все это, не жалуясь до тех пор, пока не пришло анонимное письмо, перевернувшее все вверх дном.

— Письмо! покажи-ка мне его.

Я пошел за Вероникой в ее комнату. Она порылась в комодке и подала мне письмо. И не успел я прочесть двух строк, как узнал почерк. Впрочем, одни ругательства, которыми оно было полно, уже говорили о том, откуда оно исходило. Это было письмо Рашель, другой еврейки, этой язвы, способной развратить целое заведение, если б я вовремя не прогнал ее. Истеричка, порочная, как кривая лошадь, та самая Рашель, которая разыграла целую комедию в тот вечер, когда у меня был главный инспектор, из-за своей девочки, кроткой маленькой блондиночки, которую она развратила у меня в доме; я их обеих выгнал тогда и сделал все это очень быстро. И эта-то гадина позволила себе теперь вмешаться в мою семейную жизнь и писать в анонимных письмах всякие мерзости обо мне и о Мириль! Терпение мое истощилось.

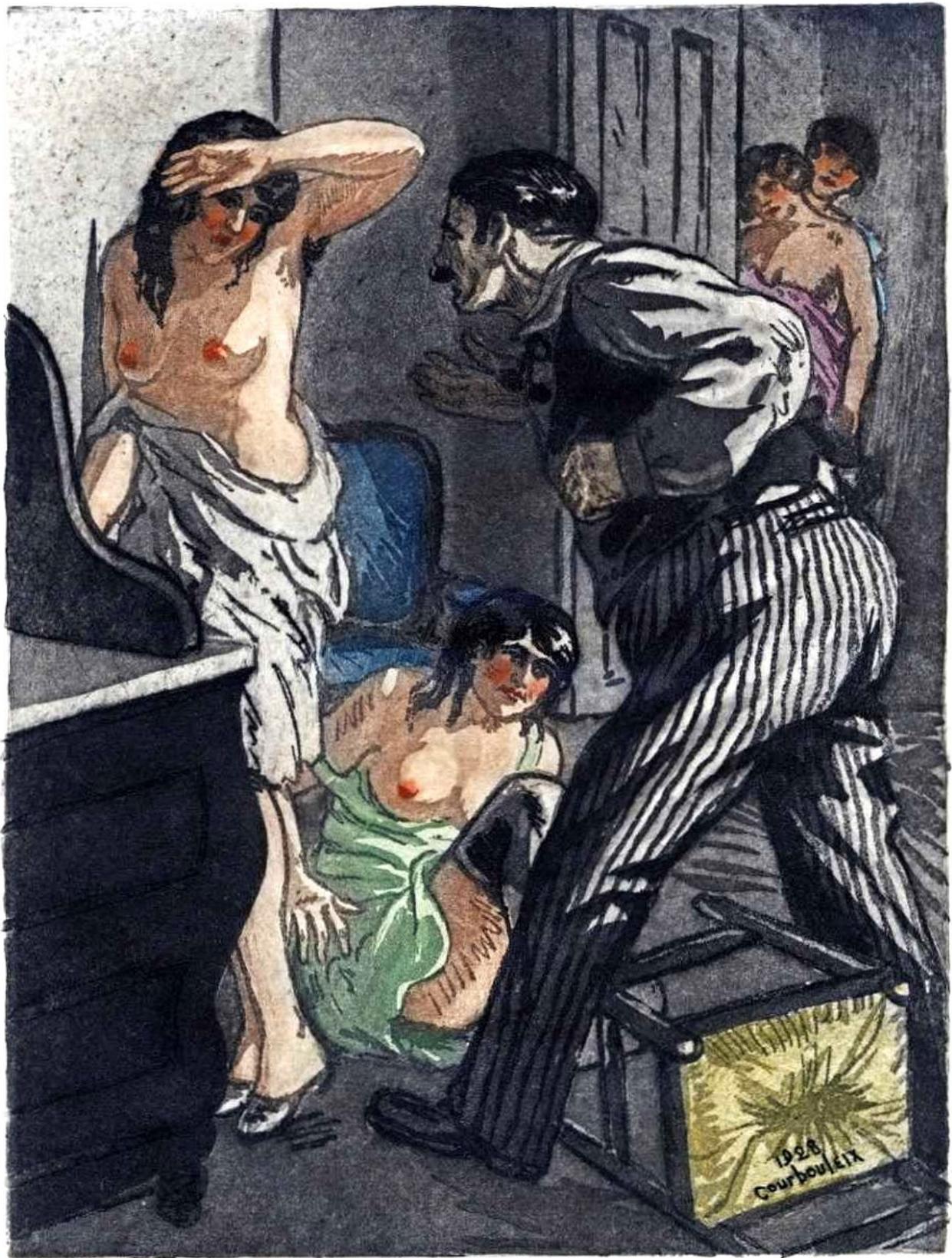
— И не сумасшедшая ты после этого? — сказал я Веронике, сунув ей под нос бумагу. — Можно ли расстраиваться так из-за этого лоскутка? Ты разве не узнаешь почерк? Подумать, что ты так взволновалась из-за этакой-то дряни!

Но каким образом могла знать Рашель?.. Кто-нибудь да рассказал ей обо всем, что делается в доме. Черт возьми! Наверняка эта фальшивая арабка Ревекка. Я знал, что они переписывались. Знаете, м-сье Жак, вся кровь прилила мне в голову. Одним прыжком я очутился в комнате этой чернавки и, если когда-нибудь в жизни я давал хорошего пинка ногами женщине в зад, так это было, в это самое утро; и я бил ее не только ногами; если хотите знать, я бил ее также кулаком по роже.

— Ах ты, гадина! Ты заставляешь писать анонимные письма и хочешь расстроить мою семейную жизнь! Ты беспокоишь м-ме Филибер! Ты говоришь, что я путаюсь с Мириль! Вот тебе за письмо! Вот за м-ме Филибер! А вот за тебя!

Я не помнил себя, м-сье Жак.

Девка орала, как будто ее резали, а я все продолжал ее бить. Пришла Жюльетта. Ударом в щеку я посадил ее в кресло; она, без всяких разговоров, убежала из комнаты, горлая на весь дом:

— Сюда! Караул! Караул! Здесь убивают!

В мгновение ока все женщины очутились на лестнице, около комнаты Ревекки. Вскочив с постелей (это было около десяти часов утра) и наскоро надев свои пеньюары поверх сорочек, при каждом движении показывая то голое плечо, то ляжку, они стояли молча, испуганные и остолбеневшие от восторга, так как, когда бьют одну из них, — вы не знаете еще женщин, м-сье Жак, — все они сбегаются, чтобы полюбоваться на зрелище.

Ревекка затихла. Упав, она лежала животом на полу и прикинулась мертвой.

— Довольно с тебя! — сказал я, наклоняясь над ней. — Да и с меня также. Вон отсюда, достаточно я нагляделся на тебя. Освободи мне пол. Постой, я помогу тебе.

И, схватив ее чемодан, я вытащил его из комнаты и швырнул через мое стадо индюшек.

— Берегите ваши ноги!

И, не обращая внимания на общую суматоху батальона, я вернулся к моей еврейке и, мигом опустошив ока все ее ящички, сняв с вешалок пеньюары и платья, шляпы и все ее тряпье, я выбросил все это вниз через лестницу. Инстинкт собственности привел Ревекку к жизни.

— Если вы будете так неосторожно обращаться с моими вещами... — сказала она, поднимаясь с пола, — да впрочем, мы объяснимся у пристава. Не думайте, что это сойдет вам так!

— Великолепно, у пристава. Я буду ждать тебя там, голубушка. У меня есть одно анонимное письмо, из-за которого тебе не поздоровится. Ты знаешь, за это можно отсидеть пять-шесть месяцев. Я ухажу. Чтобы через час все твои вещи были уложены.

— Мы еще увидимся, патрон.

— И посмеемся.

И я прошел в комнату Жульетты. Она чувствовала себя виноватой. Она дрожала вся, от головы до пят.

— Не бойся, — обратился я к ней. — Я уже отделал твою подругу. Вся злоба вылилась на нее. Она поплатилась за тебя; но забирай свои саквояжи и все свои вещи и чтобы через час все было готово. Я не желаю фискалок у меня в доме. Надеюсь, ты поняла?

И я прошел к жене.

Эжени и Анжелина только что уложили ее в постель, так как она вся тряслась от нервной лихорадки. Сцена эта совсем убила ее. Затем, мне надо было пойти к бедной Мириль, которая чувствовала себя не лучше жены. Я застал ее нагнувшейся над тазом: кровь хлынула у нее из горла. Эжени поддерживала ее голову. Весь дом превратился в больницу, и все из-за этих двух гадин. Час спустя, Жульетта и ее подруга Ревекка спустились в красную гостиную, чтоб сосчитаться со мной за последний месяц; наше свидание было коротким. Они не спорили, не возражали. Я честно расплатился с ними, не стараясь утянуть ничего из того, что им полагалось. У Ревекки был синяк под глазом, одна щека оранжевого цвета и целая радуга через всю рожу: везде остались

следы от моих кулаков. В густой белой вуали, она была похожа на какую-нибудь Фатьму. Получив по своему счету, Ревекка сказала мне каким-то свистящим голосом:

— До свидания, патрон! У судебного следователя, вероятно.

— Сударыня! — ответил я ей. — Так как вы собираетесь подавать на меня жалобу, то я думаю, что должен сначала познакомить вас с одной небольшой статьей Свода законов, с которой вы, конечно, не знакомы.

И, открыв наудачу «Свод гражданских законов», я стал читать:

«Статья 6517, о клевете. Всякий, написавший или же подговоривший другое лицо написать анонимное письмо, содержащее в себе ложные, а также и верные сообщения, могущие внести раздор в семью и разлучить супругов, подвергается преследованию исправительного суда по требованию одного из пострадавших, и присуждается к штрафу в размере от 2000 до 10000 франков и к заключению в тюрьму от 6 дней до 6 месяцев».

— Сударыня, — закончил я, указывая ей на дверь, — прежде, чем отпустить вас в суд, я нашел нужным предупредить вас, что вы можете очутиться там в качестве обвиняемой и что я имею в своих руках все, что для этого требуется.

Ревекка не произнесла ни слова. Она ушла и увела с собой Жульетту.

Я никогда больше не слыхал о них.

Незачем объяснять вам, м-сье Жак, что такой статьи не существует в Своде законов. Она была выдумана мной вся целиком. Я только делал вид, что читаю для того, чтоб охладить ее, а так как все женщины боятся суда и невежественны, как гуси, то Ревекка и попалась на удочку.

— Вы дома, принц!

Извозчик остановился у «Гранд-Отеля».

ХIII

Мом-Ужасный

Некоторое время я не видал Филибера. Его «ремонт» увлекал его в такие кварталы, в которых мне не приходится бывать, а жизнь в Париже заставляет забывать людей скорее, чем где бы то ни было. Но через месяц после этой встречи, я столкнулся на бульваре Бон-Нувелль с Эрнестом Бодармоном, тем самым веселым патроном, которого я встретил с Филибером на улице Монмартра, в день нашего вторичного знакомства, и которого я повел обедать в «Серебряную башню» вместе с бывшим слесарем.

Одно из привлекательных свойств этого своеобразного мира людей — удивительная простота в обращении и необыкновенное добродушие, которые там господствуют повсюду от высших до низших ступеней. Бодармон шел мне навстречу и, действительно сердечный, полный откровенной экспансивности, на которую, может быть, обиделся бы иной глупец, он похлопал меня попро-

сту по животу и закричал голосом стентора:

— А! Это вы, м-сье Жак! Мы давно не видались. Да с того самого знаменитого обеда, когда вы нас угощали уткой с кровью! А какое вино-то мы пили тогда! А эти раки *Tour d'Argent*, до сих пор у меня еще остался их вкус во рту! О! Это был шикарный обед! А вам, видно, хорошо живется, у вас прекрасный вид!

— Да и у вас, Бодармон.

— Вы даже помните мое имя, это очень мило с вашей стороны. О! Я-то чувствую себя великолепно, у меня, кажется, скоро лопнут щеки от здоровья. Мы все такие в нашем деле.

— Да, вы все молодцы. Кстати, как поживает Филибер?

Добродушно-веселая физиономия содержателя дома вдруг омрачилась.

— Филибер! Да разве вы не были недавно в Обри?

— Да, в конце мая, а теперь у нас июль, значит, два месяца.

— И вы его не видали с тех пор?

— Как же, видел месяц тому назад. Он был очень расстроен, у него были неприятности.

— А! Так вы знаете, вы также в курсе дела?.. А не выпить ли нам стаканчик, так будет удобнее поговорить?

И мы уселись в кафе.

— Видите ли, м-сье Жак, в Обри дела идут неважно; словно каким-то несчастьем повеяло в доме. Так, было, все шло хорошо, да и Филибер такой славный, открытый парень и такой приветливый со всеми... Это несправедливо! Дом совсем гибнет!

— Что вы такое говорите, Бодармон?

— Между нами говоря, Филибер слишком горяч и слишком добр в одно время. У него такая открытая, хорошая натура, но он уж чересчур вспыльчив; и его расправа с этими двумя дамами, которых он выгнал из своего дома, сильно повредила ему среди девиц публичных домов. Они теперь не желают идти в заведение, где их избивают. Ревекка уехала из Обри в очень печальном виде, она должна была лечь в больницу; я думаю, она и теперь там. А кто платит за все? Конечно, Филибер! Он, кажется, потратил уже тысячу франков, и этим еще не кончится. Я, м-сье Жак, очень боюсь, что Ревекка потащит его в исправительный суд и ему придется сильно поплатиться, так как в общем он все-таки здорово поколотил ее. Она может заявить, что больше неспособна к работе, не говоря уже о том, что тварь эта может сослаться и на свой испорченный глаз и сказать, что это ей сделал Филибер. А если она возьмет ловкого адвоката, она может содрать с него хорошую сумму за глаз. Я-то хорошо знаю, что он у нее и раньше был такой, но кто докажет это?.. Показания других женщин не будут иметь никакого значения для суда, так как они на службе у Филибера, они его пансионерки; все равно, как и мое показание, и ваше, если Филибер вызовет нас — мое, как товарища по ремеслу; ваше, как друга дома: за свидетелей адвокат нас не признает. Да! Скверное дело накачал он себе на шею!

— «Не надо никогда бить женщину, даже цветком», сказал Магомет, м-сье

Бодармон.

— Это одни фантазии. Женщины только и слушаются, когда их бьют, но не надо, чтобы оставались следы от побоев. В этом все. Удары, не оставляющие синяков, все равно что слова; они не считаются; но удары, которые оставляют следы, все равно что написанные слова. Тогда уж баста. И потом, человек, знающий свое ремесло, не должен «отмечать» девку. Женщина все равно что кобыла. Она исправляется под ударами кнута, но нельзя вышибать глаз ни животному, ни женщине. Это вредит работе. Он вел себя, как неопытный патрон, как дебютант. В Париже более двухсот котов производят каждый вечер взбучку своим дамам — иначе с ними бы не справиться, — но знаете ли вы, как отличают хорошего, опытного кота от неопытного? По роже девицы. Только одни неотесанные бьют так, что остаются следы. После расправы настоящего сутенера мадам может выходить на работу, умывши только холодной водой свою рожу и припудрив слегка щеки; и только очень опытный клиент заметит что-нибудь на ее лице. Нет, право! Я думал, что Филибер не так прост!

— Послушайте, Бодармон, — сказал я моему обворожительному собеседнику, — Филибер рассказывал мне всю эту историю. На его месте всякий бы рассвирепел, даже и из-за менее серьезной причины. Эта Ревекка чуть не посорила его с женой.

— О! Я все знаю! Женские сплетни... Разве настоящий мужчина будет придавать им значение? И потом, между нами, он уж слишком подчиняется своей жене. Я знаю: она принесла ему дом в приданое, зато он принес ей свое умение, свою сметливость, свое крепкое мужское сложение. Кроме того, между нами, она уж слишком скучна, эта Вероника. Никогда-то она не пошутит, на все-то обижается, настоящая ханжа. Она создана для того, чтоб держать какой-нибудь *family-house** для старых английских мисс, и она вовсе не имеет вид хозяйки заведения. Женщины умирают с тоски у Филибера. Что бы он там ни говорил, все-таки у него уж чересчур по-домашнему, да по-семейному, и если бы даже он был любовником этой Мириль, стоило разве из-за этого поднимать такую историю и взбудораживать целый дом?.. Хотя, между нами, брать любовницу из среды своих служащих, по-моему, это компрометировать авторитет патрона. Можно их испытать сначала, это другое дело. Надо ведь знать, на что они способны; это даже простая порядочность по отношению к клиентам. Но заниматься амурами после того, как девица поступила к вам в заведение, это уж не годится. Это все равно, как если бы торговец колониальным товаром сам бы съел свой товар.

— А вы, как вы думаете, м-сье Бодармон, было что-нибудь между Мириль и Филибером?

— О! Что касается этого, я ровно ничего не знаю; девочка недурна, а Филибер вовсе не ненавидит этих маленьких худышек. Это еще зеленое яблочко. Но она ведь сгнила до самых костей, у нее туберкулез, а это вовсе не соблазнительно, не говоря уже о том, что Филибер любит жизнь. Он даже слишком любит жизнь.

* Семейный пансион (англ.).

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, я просто так выразился. Этот человек был слишком счастлив. Все удавалось ему до сих пор. Он зажирел и сделался настоящим буржуем. Хуже буржуя.

— Буржуем, который избивает своих женщин? К счастью, таких мало.

— Кстати, м-сье Жак! Вы говорите, что последний раз вы его видели в июне?

— Да.

— Так вы не в курсе дела. Там еще кое-что было; была целая драма, и все из-за Мириль. Одна из них там отравилась из-за Филибера.

— Отравилась?

— Да, жавелевой водой. Хотя ее и удалось спасти, тем не менее, это наделало шума в городе, а также повредило заведению. В провинции клиентура не любит скандалов, да кроме того, когда патрон внушает такую страсть своим пансионерам, это охлаждает клиентов.

Я был ошеломлен.

— Но кто же, наконец, отравился? М-ме Филибер, Мириль?

— О, нет! Вы не угадали и никогда не догадаетесь. Это Эжени. Вы, может быть, и не заметили ее? Высокая, худая, приветливая, как тюремная дверь, с прилизанными черными волосами и ни груди, ни зада; она была скорей на положении экономки у него в доме.

— А! Теперь вспоминаю! Филибер называл ее своей ньюфаундлендской собакой, он еще вполне доверял ей...

— Еще бы. Она была влюблена в него. Она старалась заглушить это чувство, как это бывает в романах. Так что, когда разразился скандал с Ревеккой и пришли первые повестки из суда, Эжени, которая их принимала, потеряла совсем голову. Она видела, как Филибера арестовали, как его потащили в суд и посадили в тюрьму. Она поднялась в свою комнату, написала ему письмо, как это описывается в драмах, легла на постель и выдула целый флакон: сначала флакон с квасцами, а затем целый стакан жавелевой воды. Оба яда взаимно обезвредили друг друга, что и дало возможность спасти ее, но зато какой скандал для заведения!

— Здравствуйте, м-сье Бодармон, как поживаете?

Содержатель поднял голову. Приветствие исходило из открытого экипажа, ехавшего крупной рысью по направлению к площади Бастилии.

Голос продолжал:

— Мы едем в Ножан, к Конверу. Не хотите ли ехать с нами?

— Нет больше места, — крикнул женский голос.

— Пустяки! Можно потесниться.

Но извозчик был уже далеко. Нагруженный, как это бывает только после Grand-Prix — две женщины и один мужчина сидели на задней скамейке, двое мужчин на лавочке визави и одна женщина на козлах, рядом с извозчиком — это был экипаж с веселой компанией из простонародья. Мужчины в шляпах канотье, растерзанные, с открытыми пиджаками на развевающихся рубашках, в синих полотняных панталонах, желтых башмаках, и все трое без бороды:

три подмастерья, по-видимому, загулявшие с девицами легкого поведения; девицы же без шляп, в светлых сатинетовых кофточках и подпоясанные кожаными поясами.

— Путешествие на Цитеру, — заметил я с улыбкой.

— А также и в тюрьму Сен-Лазар и Фрэн, — проворчал мой товарищ по столу. — Видели вы этих мальчишек! Этой швали нет и двадцати лет, а если и есть, то можно легко ошибиться: они выглядят гораздо моложе. Ни малейшего намека на усы, какие-то кукольные глаза и волосы женщин: так они мягки и светлы. Так вот! Это — три «Ужаса»; да, вот эти самые молокососы! Один же из них больше чем «ужас»' своего квартала, он держит в страхе весь Париж — Париж преступников, сутенеров и публичных женщин. Это самый ужасный, которого я когда-либо знал в их корпорации. Ему нет еще двадцати четырех лет, а он уже имеет опыт; он уж ужокошил больше двадцати буржуев и отправил на тот свет несколько таких же «Ужасов», как и он сам; но всегда он ускользал из рук полиции. Она никогда не могла изловить его! Больше того! Весь мускулы и кости (этот мальчишка сделан из железа), он нашел средство избежать воинской повинности. Он сумел отделаться от трех лет дисциплинарного батальона в Африке, каземата и всего остального, чего уж, кажется, ему было не миновать. Раза три он был приговорен за драку, побои и увечье... но в серьезных делах он всегда умел до сих пор вывернуться. Вы только что видели, м-сье Жак, одного из парижских королей. Он только что проехал. Мом-Ужасный — сила, м-сье Жак!

Мом-Ужасный! Я слышал это имя и сказал об этом содержателю.

— Как, вы знаете Мома-Ужасного? Да вы, наконец, все знаете?

— Я знаю его и не знаю, — все равно как сейчас: я видел его и не видел; и я был бы в большом затруднении, если б вы спросили меня, который из трех был Мом. Но я слышал, как говорили о нем целый вечер.

И я рассказал Бодармону о моих странствованиях с Филибером из кафе «Эльдорадо» в бар «Велосипедист» на бульваре Себасто, всю серию его неудач в этот вечер и его жалобы по поводу Мома.

Бодармон задумался.

— А!.. Филибер говорил вам о нем? — сказал он после некоторой паузы. — Значит, вы в курсе дела. Видите ли, м-сье Жак, из всех неудач, которые сыплются на голову Филибера, самое большое несчастье, что он нажил себе эту скверную чесотку: Мома-Ужасного. Мом ненавидит его и убьет его непременно. Это отвратительное животное ничего не боится. Он убивал более солидных и шикарных, чем наш друг Филибер; к тому же, он имеет в своем распоряжении целую шайку, которая слушается одного его взгляда и жеста. Я сказал вам, что это целая сила в Париже. Он находится в одно время во всех кварталах; он заставляет работать на себя пятерых или шестерых женщин. В восемь часов он в Гренелле, в 12 ночи в Менильмонтане, в час на Рынках, в два в Шаронне, утром вы его можете найти в Тернах, а днем в Сент-Уэне. Он повсюду, говорю я вам, на всех балах и во всех притонах, на Себасто и на Гранд-Жат, в Пуэн-дю-Журе и в обеих Moulins. Это какая-то ртуть и повсюду он пользуется уважением товарищей, его боится вся корпорация преступников, с низших до

высших ступеней, им восхищаются все девицы, то есть, вернее, они дрожат перед ним со страха, так как он ни в грош не ставит свою и их жизнь, и они знают, что он способен на все. Настоящая натура апаша; он знает, что предназначен для «вдовы»* и ему наплевать на это. Как только девица без мужчины, он сейчас же накладывает на нее свою лапу. Уж без его одобрения ни одна из них не поступит в заведение; мы все считаемся с ним в корпорации, но Филибера он невзлюбил. У них были какие-то недоразумения и Мом поклялся, что Филибер не увезет больше ни одного пакета из Парижа: и можно сказать, что он почти сдержал свою клятву. Вы видели, сколько хлопот стоило Филиберу в прошлом месяце найти женщин; Мом принял все меры, чтоб помешать ему. Все это печально для Филибера. В настоящее время дела его совсем погибли на рынке: он не найдет никого. «Я заставлю его выплюнуть селезенку, — сказал Мом, — а затем съем его печень; это так же верно, как то, что я пью свою кровь». И острием ножа он открыл себе вену на кисти руки и стал сосать кровь; а это ужасная клятва среди теперешних момов**. Да, ужасно, м-сье Жак, и я, который говорю с вами (а я вовсе не трус), я не хотел бы быть в шкуре Филибера.

— Действительно, Бодармон, судя по тому, что вы говорите...

— О! это вовсе не смешно, м-сье Жак, и Филибер это хорошо знает. Вы сами видели, насколько он осторожен. Можно не бояться того, что он полезет туда, где Мом. Идет ли он на деловое свидание с девицей, на какой-нибудь бал или же в бар, — прежде, чем отправиться туда, он наводит справки. У Филибера есть также свои шпионы и своя контр-полиция, но все это стоит денег, еще больше увеличивает расходы, не говоря уже о том, что этот сорт людей жрет из обоих яслей. Они работают для Филибера за пятифранковую монету, для Мома же просто из расположения к нему; а перевес на стороне Мома.

— Вы меня пугаете, Бодармон.

— Да! Вы имеете основания бояться! Я знаю, что вы любите Филибера, а бедная Вероника не зря теперь волнуется и плачет, когда отпускает своего мужа в Париж. Она-то, положим, боится только его амурных приключений. Если б она только знала, какая опасность угрожает теперь в Париже ее Филиберу! Подумайте, отец четверых детей; действительно, это было бы большое несчастье!

Я предупредил его по-дружески; я посоветовал ему не приезжать некоторое время в Париж. Не сегодня-завтра Мом может быть арестован, долго ждать не придется, а ненависть, которую он питает к Филиберу, его личное чувство; друзьям Мома не за что мстить ему. Я думаю даже, что в тот день, когда его заберет полиция, все друзья Мома вздохнут свободно. Они будут кричать только для виду. Я удивляюсь, как это до сих пор никто еще не выдал его. Должно быть, уж очень боятся его все — и только подумать, что Филибер вооружил против себя подобного фрукта!

— Действительно, это несчастье, но что же такое было между ними?

— Все и ничего. Филибер вооружил против себя Мома и всех других момов

* Гильотина (*Прим. пер.*).

** Мом — буквально «мальчишка» (*Прим. пер.*).

своими замашками, своим обращением с ними. Он думает, что мы все еще живем в 1890 году, и не отдает себе отчета в том, что с тех пор прошли уже целые десять лет. Надо считаться с этими гадами в настоящее время. Я считаюсь с ними, но Филибер, как я уже говорил вам, был слишком счастлив, ему повезло сразу; он слишком уверен в себе и слишком кичится; он сделался настоящим буржуем, сам того не замечая. Слишком уж роскошны его цепочки на часах, он чересчур сорит деньгами напоказ, слишком уж много раздает на чай и слишком важен в обращении с девицами и с парнями. Все это пустяки, а это обижает их. У теперешней молодежи, м-сье Жак, в костях мозг пантеры. Мыслимо ли рассуждать с этими мальчишками? Из-за одного слова, из-за одной только физиономии, если она не понравится им, они становятся на дыбы и ррраз! они бросаются на вас с ножом или же выпаливают из револьвера. Они убивают просто для того, чтоб убивать, просто для упражнения. И это среди бела дня, на Рынках! Судите же сами, что они могут вытворять, если имеют против кого-нибудь зуб! Нет, Париж больше не безопасен для Филибера. Прежде эти бандиты собирались и жили только в одном квартале, бывали столкновения с ними, но надо было только остерегаться их и не лезть туда, где были они. Это все равно что квартал, в котором живут ваши кредиторы, вы не ходите туда, вот и все. Теперь же эта сволочь повсюду. Нет возможности не встречаться с ними. Одним словом, дела поправить нельзя; и это очень печально, так как это грозит Филиберу разорением.

— А этот Мом-Ужасный, каков он из себя? Как жаль, что я не знал, что это был он, я бы посмотрел на него.

— Мом-Ужасный? Он страшен, как смертный грех. Хотите его увидеть?

XIV

Свидания благородной компании

Действительно, я хотел увидеть Мома и сообщил Бодармону о моем желании.

— Нет ничего легче, — заявил патрон, — все дело в том, чтоб только поймать его где-нибудь. Я говорил вам, что это ртуть. Мом везде и нигде. Сегодня, без сомнения, он у Конвера; мы бы его там и поймали. Но, к сожалению, сегодня у меня день занят, м-сье Жак. Я даже должен буду сейчас покинуть вас,

И Бодармон посмотрел на часы.

— Вы меня извините, — не правда ли? Я не знал, что буду иметь честь вас встретить. Черт возьми! он каждый вечер бывает в Латене, в Гравилье или в зале «Октобр». Он посещает четыре или пять балов за вечер; но все дело в том, чтобы попасть туда, когда он там. Назначить ему свидание — он, пожалуй, остережется и не придет, хотя мы с ним в довольно хороших отношениях. Я да-

же не знаю, где он живет.

О! Я понимаю, что вы хотите увидеть Мома. Он не банальный человек, это яркий тип, который рано или поздно заставит говорить о себе. Но вопрос в том, где его найти? Сегодня у нас понедельник. А!.. по всей вероятности, он будет в четверг в «Альказаре» у Итальянской заставы. Но и четверг у меня занят: я должен съездить домой. Я вернусь в Париж в воскресенье вечером и могу оставить для вас понедельник. Мом был сегодня в Ножане, в следующий понедельник он будет в «Альказаре». Но сможете ли вы ждать до тех пор? Вы, я вижу, сгораете нетерпением видеть Мома, а? Глаза-то у вас так и прыгают! Изучение дна, да притом самое непосредственное, соблазняет, небось, вас, журналистов; но хорошего ведь там мало, на этих самых балах-то, на которых можно встретить Мома и его шайку. Я знаю такие притоны, куда не рискнет пойти и полиция...

Я заплатил по счету, патрон поднялся.

— Итак, до следующего понедельника, если вы желаете, через неделю.

И вдруг он взглянул мне прямо в лицо:

— Вы не боитесь, м-сье Жак? Вы не из трусов?

— Нет, почему?

— В узеньком переулочке Фобур-дю-Тампля есть винный погребок, где собирается по средам весь Шаронн и Менильмонтан. Это рандеву жуликов, фрик-фраков* и сутенеров. Мом также бывает в этом погребе. Но общество там далеко не избранное, а драки так на каждом шагу. О! вам нечего бояться за себя лично, разве только случайно в вас полетит бутылка, брошенная в другого, или какая-нибудь шальная пуля! Это место постоянных скандалов и драк. Хотите туда идти? Меня там знают; вам нечего опасаться, если даже на вас и будут смотреть косо; я отвечаю за вас. Но не старайтесь хитрить с ними и прикидываться не тем, что вы есть; у этих бестий глаз наметался. Приходите в том, в чем вы сейчас, но без бриллиантов; оставьте только часы и цепочку, чтобы они не подумали, что вы им не доверяете; не старайтесь разыгрывать из себя патрона, как я, и не говорите на арго, чтоб сойти за одного из своих: все равно они разоблачат вас сейчас же. Поймите, все они преступники, истые парижане в душе; сто раз видели они вашу физиономию в иллюстрированных журналах, не говоря уже о том, что среди них есть бывшие типографы, которые сразу разоблачили бы вас. М-сье Жак, я представлю вас тем, что вы есть, под вашим настоящим именем; будьте уверены, что они знают его, они все читают газеты и у всех у них замашки актеров, жаждущих рекламы. Для того, чтобы видеть себя пропечатанными в газетах, они готовы зарезать друг друга у вас же на глазах. Итак, мы назначаем на среду?

— Идет, м-сье Бодармон, и я вам очень благодарен. Мы пообедаем вместе. Я приглашаю вас.

— Вы слишком любезны, м-сье Жак; я принимаю ваше приглашение. Но дело в том, что я не освобожусь раньше восьми часов.

* Воры, совершающие кражи со взломом (*Прим. пер.*).

— Ну что ж, ведь раньше десяти туда не стоит ходить, не правда ли?

— О! даже в половине одиннадцатого. Раньше там нет ни души.

— Итак, если вы желаете, мы встретимся у Леконта в восемь часов.

— Согласен.

Патрон, пожав мне руку, пошел по улице Готвилль; затем, вдруг вернувшись обратно, он окликнул меня:

— Если вы хотите, м-сье Жак, я могу там назначить свидание одному славному парню; это один из моих друзей: камло, который также исполняет обязанности лазутчика; серьезный, услужливый парень, умеющий говорить на языке воров, который может оказать вам услугу в том случае, если вы вздумаете постраниковать по вертепам; они его все знают и с ним уже не может быть для вас ни малейшей опасности. Публика платит ему от десяти до пятнадцати франков за вечер. Он сопровождал одного великого князя!

— А как зовут вашего лазутчика?

— Бисквит, Бисквит с Рынков. Он бывший булочник.

— Дело не в пятнадцати франках, Бодармон, но я бы предпочел идти с вами вдвоем.

— И я также, м-сье Жак. Вы оказываете мне большую честь! Так до среды. Мы расстались...

* * *

— Козырь и козырь!.. выиграл!.. Что! Проиграли, голубчики?

— Шесть партий подряд!..

— Тебе везет, как рогоносцу!

— Рогоносцу? Это еще вопрос! Не советую тебе повторять это, Кудлатый!

— О! у тебя счастливая полоса; не ворчи, ведь шутят. Ты угощаешь, Доска?

— Это потому, что я выигрываю? Ловкий же ты, однако!

— Экий скареда! Ты ведь загребаешь деньги лопатой!

— Ну, ладно, уж угощу! Послушайте, Мюрон, четыре стакана шампора!

Мы застали партию манильи. Играли четыре перевозчика мебели, а может быть, и четыре мясника, так как по внешнему виду они ничем не отличаются друг от друга. В длинных синих рубахах, складки которых падали на бархатные панталоны, четыре здоровенных парня нервно теребили в руках карты. Группа товарищей в охотничьих жилетах и полотняных куртках с интересом следила за их игрой. Это были не то кровельщики, не то цинковщики, а вернее, сутенеры; у всех у них на головах были надеты одинаковые картузы и шеи их были кокетливо повязаны одинаковыми кашне.

Зал винного погребка находился на углу узкого переуллка, в некотором углублении в сравнении с линией домов, и на высоте трех ступенек. Это был даже не зал, а скорее узкий коридор, стиснутый с обеих сторон высокими стенами, выбеленными известью. Столики со скамейками шли параллельно один за другим во всю длину зала, а высоко на потолке свистели три газовых рожка,

courtesy J&J

которыми освещался зал. Остальные посетители сидели на скамейках в распущенных позах; неряшливые, с окурками сигар в зубах, они развалились, положив локти на стол. Внимание всего зала было сосредоточено на игроках. Две девицы без шляп разговаривали, стоя у стойки, помещавшейся в глубине зала; хозяин винного погребка, гигант с лиловыми и волосатыми руками, наливал им по второму стакану абсента.

— Вот мы и пришли, — сказал Бодармон, приглашая меня сесть. — Патрон, два шампоро, да попопнее!

Все головы поднялись, все глаза смотрели на нас исподлобья.

— Два торговца мясом! — прошептала одна из девиц. — Я знаю толстого, это патрон из Мо.

Весь зал следил за нами исподтишка, обмениваясь тихо отрывочными замечаниями.

— Успокой компанию, — сказал Бодармон прислуживавшему нам кабатчику. — Господин этот не из полиции, пока еще я на них не работаю: м-сье Жак Менар, журналист.

Имя мое пробежало по всем устам; я узнавал его по движению губ. Два безбородых парня, сутенеры-подмастерья, по выражению моего спутника, встали и подошли позвать руку Бодармону.

— Добрый вечер, м-сье Бодармон, вы по делу? Тут вам нечего делать сегодня, здешние дамы все с друзьями, это не монастырская дичь.

И, приподняв вежливо край фуражки, они вышли из зала, посмотрев на меня.

— Одна комедия, — засмеялся содержатель, — все это для вас, м-сье Жак. Хотите пари, что они вернутся через десять минут и приведут с собой всю шайку квартала?

Теперь Бодармон обменивался с завсегдатаями кабака дружескими подмигиваниями. С нами освоились.

— Какая вонь, — отпустил какой-то шутник дурного тона, — кто это здесь надушил чернилами?

Это был единственный неприязненный намек на мое присутствие у винного торговца Мюрона.

Игроки начали другую партию мантильи.

— Что, Мом-Ужасный придет вечером сюда, Кудлатый? — спросил мой компаньон.

— Мы ждем его, м-сье Бодармон, но не раньше половины двенадцатого. У него есть дело в Шаронне... Девятка и козырь... козырь.

— А не знаете ли, есть у него что-нибудь для меня?

— О! Мом никогда не бывает без зелени. Вы уж там разберетесь с ним.

Партия продолжалась; Бодармон подтолкнул меня в локоть. Вошел длинный парень в пиджаке мебельщика. Одна из женщин, стоявших у стойки, быстро обернулась и лицо ее перекопилось от гнева.

— Эй! Жюло! Жюло! Раненько ты пожаловал, — закричала часть публики.

Парень, высокого роста, худой, с очень белой кожей и потрепанным, но привлекательным лицом рабочего парижских предместий, на котором резко выде-

лялись черные глаза, казавшиеся подведенными благодаря страшно густым ресницам, шел по залу, покачивая туловищем. Он пожимал небрежно руки направо и налево и, улыбающийся, уверенный в своей красивой наружности, без того, чтоб это было заметно для других, следил исподтишка за женщиной со злым лицом. Она смотрела со стиснутыми зубами на шедшего красивого парня, у которого был усталый и порочный вид.

— Откуда ты? — спросила с вызовом женщина. — Кто это является сюда так поздно?!

— А ты, что ты-то тут делаешь? Разве тебе здесь место?

— Я тебя жду. Ты знаешь, я не люблю работать одна.

— Что?

— Ничего. Вот уже семь часов, как ты удрал из дома, а я здесь из сил выбиваюсь... А ты? Что делал ты с тех пор?

— Схватите-ка эту семейную сценку, — шептал мне Бодармон, — перед вами один из самых ловких жуликов Бельвилля.

— Чего пристала! Ты великолепно знаешь, откуда я; я пришел из Шаронна. Я обещал старухе навестить ее вечером. Она стирает мне белье, я ей и снес три сорочки и две пары панталон.

— Прекрасно, надеюсь, это в последний раз. Интересно знать, где это ты пачкаешь белье, которое носишь своей матери. Послушай! насколько мне известно, у тебя до сих пор были только одни панталоны, которые сейчас на тебе.

— Молчи! Надоела ты мне.

— А мне надоело торчать тут одной в то время, как ваша милость таскается с разными там Марго. Я соержу мужчину не для других.

— Ты что говоришь? — и парень приблизился к ней с угрожающим видом.

— Взбучку ей! Взбучку! — закричали на двух или трех столах. — Проучи-ка ее хорошенько, Жюло, не бойся.

— Ну, марш отсюда! Иди! Мы посчитаемся на улице.

И красивый парень, тряся девицу за плечи, пробовал вытолкнуть ее из зала; но она уцепилась за стойку.

— Сволочь, кот, жулик, г... — и ругательства сыпались из ее рта, как из канализационного рукава, — не желаю я больше жить с фрикфраком, не воображай, что я боюсь тебя.

— Да замолчишь ли ты, наконец! — и здоровая пощечина прозвенела у женщины на щеке.

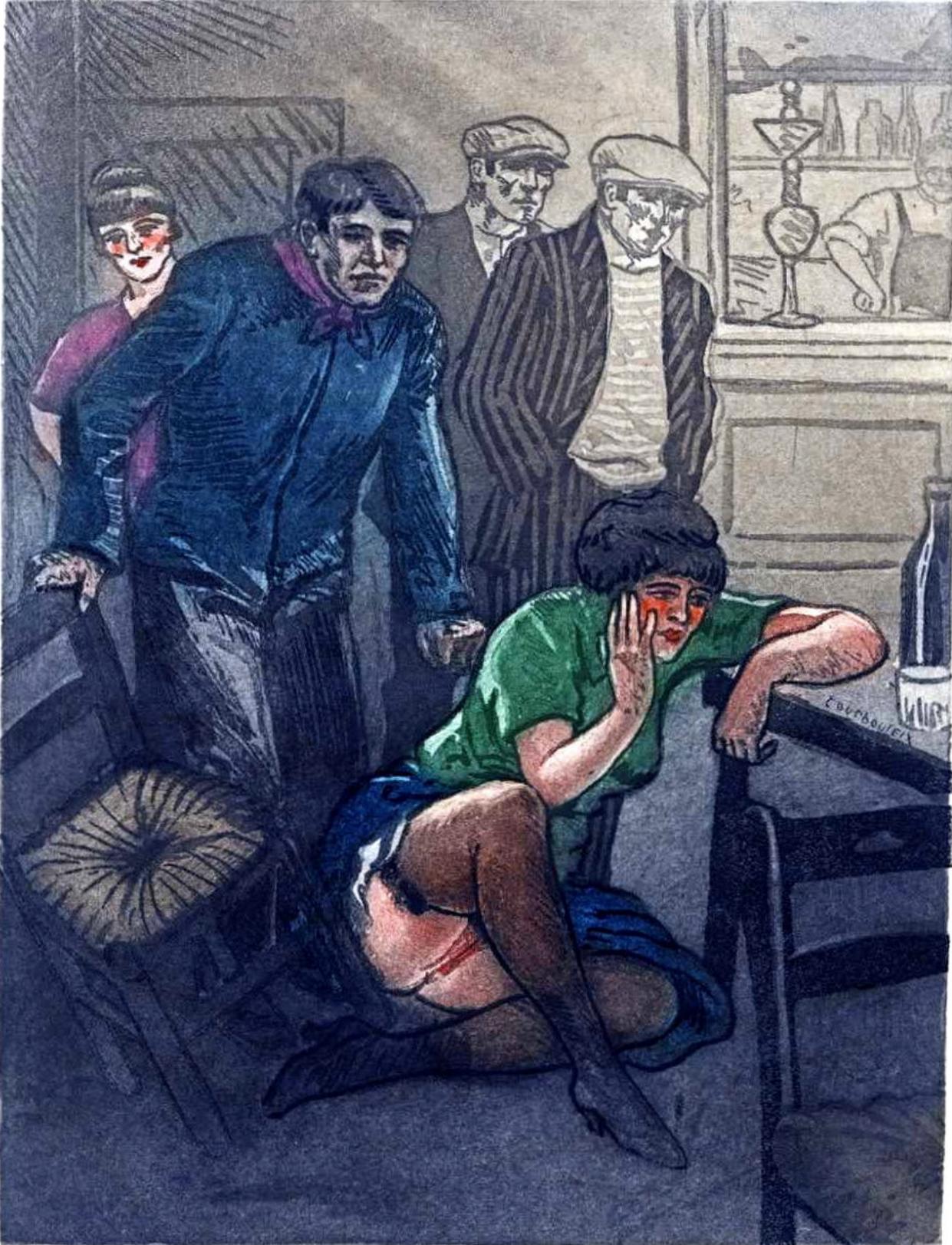
Бледное лицо Жюло сделалось зеленым; удар был так силен, что девица упала на одно колено. Две монеты в сто су выкатились из ее юбки; парень нагнулся и схватил их ловко и быстро.

— Ты получила свое.

— Bravo, Жюло! — аплодировал весь зал, развлеченный их ссорой.

Парень быстрым движением поставил на ноги растрепавшуюся и стонавшую девицу.

— А теперь, моя милая, на работу! На, держи двадцать су, я ведь добрый, это чтобы ты могла привести в порядок свою рожу. Прощай! Я иду на Рынки. Если у тебя будут деньги, около двух часов ты сможешь меня найти в «Погреб-

ке». Ну ладно, не плачь, если ты будешь умница, мы поцелуемся.

Девушка опустила на скамейку. Положив локти на стол и закрыв лицо руками, она плакала навзрыд; парень звонко поцеловал ее в волосы и вышел, принимая по дороге поздравления.

— Искусство обращаться с женщинами, как они того заслуживают,— сказал он, улыбаясь, и закрыл дверь.

Девушка осталась на своем месте и продолжала плакать,

— Не мешало бы выбрать другое место для ваших ссор, — сказал кабатчик, поставив полбутылки около женщины, — я не желаю у меня скандалов.

— Надо было говорить это Жюло, — фыркнул Кудлатый и сделал ход червями.

— Здесь нет Тома?

Дверь открылась и на пороге показалась очень красивая женщина.

— Нет, его нет здесь. Эй! Мели, входи же, выпей стаканчик.

И весь зал радостно приветствовал вошедшую. Смело могу сказать, что мне редко приходилось видеть такую красивую женщину.

— Лихая девица! Такая принесла бы с собой золото в дом, но нет никакой возможности заманить ее к себе, — шептал мне Бодармон. — Этой женщине цена пять луи. Посмотрите на ее волосы и на это тело. Но она вся пропитана парижской грязью и до чертиков влюблена в своего друга. Я расскажу вам ее историю; она ищет его, посмотрите на эти глаза.

— Так Тома нет здесь? — и новая гостья шарила глазами по всем углам зала; два изумруда сверкали из-под ее век. Бодармон не преувеличивал. Высокая, гибкая, затянутая в красное шелковое жерсе, с выпуклыми бедрами, красиво обрисованными ее юбкой с черными и белыми клетками, в черном шелковом фартуке, Мели напоминала своей походкой легкое покачивание шляпки, а ритмичные движения ее тела — извивающуюся походку дикого зверя. И профиль ее, резкий и короткий, напоминал также профиль дикого зверя; сильный и крепкий затылок и смелый выступ нижней челюсти придавал ей чувственный и угрожающий вид. Зеленая прозрачность зрачков, яркое золото густых волос, блеск мелких коротких зубов, свирепая выпуклость нижней челюсти, маленький подавшийся назад лоб, все напоминало в ней пантеру. Поступь ее, бархатная и быстрая, также была поступью пантеры. В ней чувствовалась свирепая самка и было понятно ее могущество над разъяренным полом самцов. Она прошла мимо, не удостоив нас даже взглядом.

Она была вся беленькая и чистенькая, с *dessous** любой барышни из буржуазии и в серых замшевых башмачках.

Действительно, «она принесла бы с собой золото в дом», повторил я бессознательно фразу патрона, перенося мысленно эту женщину, созданную для роскоши, в рамку ландо, катящего по «Акациям», или же роскошной виллы в Эксе.

— Так ты ничего не выпьешь, Мели? — приставал к ней Кудлатый.

— Нет, выпью, пожалуй, — и Мели села за стол игроков. — Так вы не мо-

* Белье (фр.).

жете сказать мне, где Тома?

— Вот ведь влюблена-то, а? — смеялся Доска. — Он недалеко, сейчас придет.

— Шесть месяцев отсидела я из-за него, небось, имею право быть ревнивой.

Два сутенера-подмастерья, которые только что вышли, чтобы посмотреть на меня, вернулись теперь назад; один из них подошел к группе товарищей.

— М-ме Мели, — сказал более молодой, продолжая быть излишне вежливым и приподнимая край фуражки, — Тома у Малюро; они там упражняются с гирями. Там сегодня сеанс любителей, они пошли туда целой шайкой.

— Правда, по крайней мере, то, что ты говоришь, Куница?

— О! М-ме Мели, я вовсе не хочу обманывать вас.

— И хорошо делаешь, не советовала бы тебе пытаться обмануть меня. Ну ладно, выпей с нами, я заплачу. Мюрон, мяту мне, а им, что захотят. Так это верно, он у Малюро?

— Да! они все там: Бико из Бельвилля, Остов с Монпарнасса, Зуав с Двух Мельниц, Ненесс из Тернов, торговец лошадьми, словом, все франты, и все они придут сюда в двенадцать часов. Тома просил меня передать вам, если я вас увижу, чтоб вы его подождали.

— А Мом-Ужасный разве не с ними?

— Нет, Мом в Шаронне, но он также придет сюда.

— Хорошо.

— Нелегко увидеть вашего Мома, — сказал я Бодармону.

— О! перед вами интересный для изучения тип женщины, которая, в своем роде, стоит Мома-Ужасного и других. Следите хорошенько за Мели и слушайте, что она говорит. Это тоже своего рода «Ужас», которую и желают, и в то же время боятся все парни. Она играет ножом, как мужчина, она решительно ничего не боится и слушается только страсти. Это женщина драмы, яда и серной кислоты: цельная натура.

— Да, сама страсть. Прекрасная тигрица.

XV

Любовь женщины

Побитая девица продолжала стонать. Мели обратила, наконец, на нее внимание:

— Что с ней еще такое? Что с тобой, Тереза?

— Приятель отделал ее, — ответил Кудлатый.

— Жюло? Это меня не удивляет. Этакий негодный бездельник!..

И Мели уселась около обиженной.

Тереза, почувствовав, что ее жалеют, зарыдала еще сильнее. Громко всхли-

SAUSBOULE 1A-22

пывая, она вся тряслась от рыданий. Она положила голову на стол и закрыла лицо руками.

— Ничего не слышно, иди выть в другое место, — крикнул один из посетителей.

Мели обняла за талию плакавшую девушку и, стараясь облегчить ее горе, стала уговаривать ее, как ребенка.

— Что они тебе сделали? Скажи мне, Тереза. Все мужчины мерзавцы. Это Жюло разукрасил тебя так?

И, свозь рыдания, Тереза рассказала Мели свое горе.

Свирепое лицо белокурой красавицы перекопилось. Зеленые искры сверкали в ее зрачках.

— Этот негодяй осмелился тебя ударить! Он оставляет тебя работать одну, а сам каждый вечер уходит, и ты даже не знаешь, где он таскается? О! это слишком подло. Он говорит тебе, что навешает свою старуху? Все это вздор!

И после минуты паузы, Мели спросила:

— А не ходит ли он к какой-нибудь тетке?

— Кто это — тетка?

— Да любовник! Ты знаешь ведь, все этим занимаются; а за деньги... они готовы даже проглотить всякую мерзость.

— Да что ты?

— Конечно! А уж особенно твой Жюло, с его бабьей рожей и приклеенной к виску прядью волос; я готова держать пари, что он занимается этим.

— О! замолчи, Мели!

— Да он ведь не первый...

— Нет, Мели, ты мне переворачиваешь все внутренности! Без сомнения, Жюло не стоит Тома. Твой Тома совсем другой человек, но все-таки, чтобы Жюло делал эту мерзость!..

— Молчи!.. Не воображай, что Тома безгрешен! Да, милая. С его красивой физиономией и львиной гривой, он тоже завел себе тетку.

— Тома!

— Да, Тома. Как ты наивна. Но я приняла свои меры. Слушай и поучайся. Вот. Он стал уходить два-три раза в неделю и всегда вечером. Он говорил, что навещает одну из теток в Сен-Манде, сестру своего отца, после которой он может получить наследство. Тетка! Он не ожидал соврать так удачно!

Так как он возвращался оттуда, пропитанный всегда запахом женщины, при этом женщины богатой, надушенной дорогими духами, да кроме того, только что выбритый, тщательно причесанный, с карманами, набитыми пятифранковыми монетами, то это вселило во меня подозрение. Я стала наблюдать за парнем. Ты слушаешь меня, Тереза? Идти за ним, когда, он выйдет, я не могла; это было время работы. Но мужчины до того глупы! Разве могут они что-нибудь скрыть! Они всегда выдадут себя сами! Я стала обшаривать его карманы. Как только мой Тома в постели, я сейчас же устраиваю в его пиджаке и панталонах обыск. Я рылась и находила записки. Целые пачки писем. «Мой Тома», — было в одной записке, «мой милый» — в другой и так далее. Никаких мерзостей, но назначение свиданий и страстные излияния, как в рома-

нах, и была подпись «Алонзо». Алонзо значит Альфонс. Я узнала это потом; но это не женское имя, следовательно, никаких сомнений. Эту-то тетку он и навещал так часто.

— Да не может быть!

— И ты думаешь, я начала скандалить? Нет. Я хотела застать его на месте преступления. Я велела мальчишке проследить за ним за пять франков. «Родственница» жила на бульваре Мальзерб. Это был художник, испанский художник и маркиз, Тереза! Алонзо-Хозе д'Алькаразас. Все, что только может быть роскошного, целое отделение в третьем этаже окнами на улицу; там он жил со своей метрессой, девицей из высшего полусвета! Тома ходил туда по вторникам и пятницам. Пятница настает; мой Тома принаряжается и уходит, я — ни слова, даю ему уйти, но, по возвращении, спрашиваю его в винном погребеке около двенадцати ночи (так как, надо отдать ему справедливость, он всегда ночевал дома);

— Скажи-ка, Тома, не живет ли твоя тетка из Сен-Манде на бульваре Мальзерб?

Он побледнел и сжал кулаки.

— Домой, — сказал он, сверкнув звериным взглядом, — мы объяснимся дома.

Он был очень красив! Никогда не видала я его таким красивым: совсем лев Биделя* в своей клетке. Мы пришли домой.

— Ты рылась в моих карманах, — говорит он мне, — и шпионила за мной. Отдай мои письма.

— Слишком поздно, Тома, я послала их любовнице твоего приятеля (они были при мне). Должны же мы, женщины, поддерживать друг друга. Надо, чтобы эта девчонка знала, какой субъект кормит ее. Я не ожидала этого от тебя, Тома. Надеюсь, по крайней мере, что не он, а ты...

Какая пощечина влетела мне, Тереза; искры даже посыпались у меня из глаз! Он исколотил меня, а затем, вылетев, как сумасшедший, крикнул:

— Я не отвечаю за себя, лучше я уйду!

И он выбежал. На дворе была ночь.

Не помня себя от ярости, я написала Алонзо-Хозе д'Алькаразасу хорошее письмоцо: «*Monsieur*, — писала я, — все деньги, которые вы даете Тома, идут на меня и мы смеемся над вами, мерзкая вы навозная куча! Если вы не трус, то вы придете ко мне в пассаж Мёрё, б. Любовница его Мели». А чтобы Алонзо получил письмо как можно скорее, утром рано я переписала его на пневматическую карточку и бросила ее сама в ящик. Но все утро Тома не приходил. В двенадцать часов я пошла к его приятелю, винному торговцу; там он получил телеграмму и только что уехал; на имя винного торговца он и получал все свои письма. Я помчалась разыскивать его по кварталу; нет Тома. В два часа я вернулась домой, сердце мое ныло, ноги подкашивались от усталости; ты ведь знаешь, Тереза, как я люблю его. Дома я застала мальчугана, малень-

* Бидель, знаменитый дрессировщик зверей (Прим. пер.).

кого приятеля Тома.

— Мадам Мели, — говорит он мне, — Тома ждет вас в баре Каву, на площади Виллеты. Он будет там до четырех часов.

— А потом?

— Он удерет. Я вам советую идти туда, так как думаю, что вы увидите его в последний раз.

— В последний раз!

— Да, он покидает квартал!

Покидает квартал! Не колеблясь ни минуты, я лечу, как безумная, с третьего этажа и бросаюсь в первый попавшийся экипаж. Я нахожу его в задней комнате винного погреба, сидящего перед тремя стаканами абсента, совсем одного и с нехорошим выражением лица.

— Это ты, — говорит он мне, — ты это написала?

И он протягивает мне карточку, которую я послала утром.

— Да, я, но я сейчас объясню тебе, Тома.

Никогда не жаждала я так его поцелуев, щекотания его усов, как в этот момент; я готова была съесть его в ласках.

— Незачем объяснять, довольно! Я не люблю фискалок. Все кончено между нами. Я покидаю Ла-Куртиль и переезжаю в Терны.

— Чтоб быть вместе с твоей теткой?

— Это уж мое дело. А тебя я больше не желаю видеть. Приготовь мои вещи, я приду за ними домой сегодня вечером в восемь часов. Прочь лапы! Я сказал все, что нужно. Патрон, получите! — И он бросил монету в пять франков на мраморный столик.

— Сдачу вы отдадите мадам. Ты оставишь это себе на расходы, я не желаю больше ни в чем быть тебе обязанным.

И он ушел. Я готова была задушить его, вцепиться в него когтями, зарезать его, но у меня опустились руки и ноги и я не могла двинуться с места.

— Это чувство знакомо мне. Мели! Ну, а что же было потом? — спросила заинтересованная Тереза.

— Потом? Я потеряла голову. За месяц перед тем, мы напали около фортификаций на одного старика, — с Куницей и момом Бузаром. Мы обобрали его, слегка поколотили, а затем сбросили в ров; это было прекрасное дельце. Буржуй, вытащенный оттуда и наполовину издохший, выздоровел, но молчал. Тома не знал ничего об этом. Он не вор. Сутенер, о! это да, в душе, но не жулик и не фрикфрак... Так вот, я пошла к помощнику пристава, показала на себя, рассказала ему, как было дело, назвала число, день, указала место и все подробности; только вместо того, чтобы выдать момов Бузара и Куницу, я обвинила во всем Тома.

Меня задержали в участке и, когда Тома пришел домой за вещами, его арестовали.

— Ты, ты это сделала?

— Как я зовусь Амели Буке.

— А потом?

— Потом... на допросе у следователя я рассказала все; я сказала, что посту-

пила так из ревности, словом, рассказала всю правду, не выдавая, однако, мотов. В исправительном суде, вызванный туда старик (это был женатый человек, отец семейства, имеющий торговое дело и страшно недовольный скандалом) сказал, что он меня не знает, так что меня присудили только к шести месяцам тюрьмы. Тома же посадили на один месяц за бродяжничество.

— И ты отсидела свое?

— В Сен-Лазаре. Тома помог мне перенести заключение, а когда меня выпускали, он пришел за мной.

— Ты сделала это из любви ко мне, — сказал он, — я прощаю тебе, милая.

И мы целовались до бешенства. Теперь уж мы вместе на жизнь и на смерть.

— Какая великая вещь любовь! — вздохнула Тереза. — А тетка? Испанский маркиз?

— Скрылся, милая. Как только напечатали в газетах об аресте Тома, он удра. Исчезли с бульвара Мальзерб он и его сожительница, какая-то Альет д'Ивермез, которая играет в «Олимпии». Я послала ей все письма ее мерзкой тетки; она даже не откликнулась. Должно быть, продолжают где-нибудь свои оргии втроем. Какая мерзость этот высший свет! Мы и то чище их. Однако, мне нужно идти в Кольбюс. Идем со мной, Тереза? Я плачу за угощенье.

— Пожалуй.

Обе женщины вышли, сопровождаемые подмигиваниями и сдержанными улыбками.

— Слышишь, Тереза, что я тебе говорю про Жюло? Я уверена, что там скрывается какая-нибудь тетка; эти негодяи гораздо преступнее нас, женщин. Следи хорошенько и шарь у него в карманах.

Это был последний совет подруги Тома.

— Что! Вот это женщина! — сказал мне Бодармон.

Под предлогом сквозного ветра из двери, мы подвинулись к столу, где говорили девушки, и слышали весь их разговор.

— Цельная натура, — откликнулся я.

— Да! Вы правы, это настоящая самка. Она любит только своего самца и никогда не изменяет ему. Вы знаете, что в мире сутенеров и публичных женщин платные клиенты не идут в счет. Поразительно все-таки то, что она сделала, не правда ли? Предать своего возлюбленного из ревности, а затем на допросе взвалить все на себя одну и отсидеть шесть месяцев в тюрьме!.. Маркиз и его девица хорошо сделали, что исчезли, иначе она способна была бы облить их обоих серной кислотой; впрочем, Тома она досталась не без труда. Все франты квартала старались соблазнить Мели. Подумайте! Женщина, загибающая деньги, какие только она захочет, которая находит всегда клиентов, которая в домах свиданий зарабатывает за один раз от четырех до пяти луи. Хотя Мели выбрала Тома сама, тем не менее, это не прошло ему даром. Коты Кольбюса и Менильмюша, франты Абаттуара и Четырех дорог, весь Бельвилль и вся Виллета всеми силами старались отбить ее у него; он получил за эти два года не меньше девяти ударов ножом, и все из-за Мели. Один раз его даже ранили самым подлым образом: двумя ударами ножа в правое легкое. Он пробыл три месяца в больнице и Мели аккуратно навещала его по четвергам и воскресеньям с ма-

терью Тома. С тех пор старуха любит ее, как свою невестку, и очень внимательна к ней. Это должно кончиться свадьбой. А почему бы и нет? Они все равно как муж с женой.

— А этот Тома, что представляет он из себя?

— Что он такое? Да у него самая красивая рожа во всем квартале, и притом, это такой франт! А как мужчина, тот же жанр, что и Мели; такой же блондин, как и она, с белым цветом лица, бычачьей шеей и глазами!.. настоящими зеркалами для женщин. О! в него многие влюбляются! И крепкий, великолепно сложенный во всех частях тела; я не могу сделать лучшего сравнения, как сравнив его с самой же Мели. Можно подумать, что они одной крови, с той только разницей, что он мягкого характера в сравнении с ней. Он предан, как собака, храбр, как лев, но на самом деле кроток, как ягненок. Нож в драке для него шутка и, вероятно, он прорезал не одну петлю в человеческом мясе, но в трезвом виде он не убьет и мухи; он никого не убивал и никогда не лазил по чужим чердакам. Вы не заставите его даже за пять двадцатифранковых монет раздробить череп буржую. В глубине души он остался таким же добродетельным работником, каким он был раньше. Это полукровка.

— А кто его развратил? Мели?

— Почти. Для нее он и бросил работу. Прежде, чем с ней познакомиться, он был грузчиком на канале, хотя он уже сидел в тюрьме и притом при оригинальных обстоятельствах. Это целая история, которая вам покажет, что за человек Тома. Он по происхождению лотарингец и после того, как он отбыл свою повинность кирасиром в Сенлисе, он поселился со своей матерью на улице Мо; там он принялся разгружать суда на Виллетской набережной. Это натура работника; он приносил свою получку по субботам матери, никогда не ходил в трактир, редко даже на бал; словом, был работник в душе, но красив, до того красив, м-сье Жак, что мог обратить на себя внимание художника на улице. Девушка легкого поведения, некая Петасс, на балу у Кольбюса влюбляется в него. Она завлекает парня, ведет к себе домой и держит там его неделю; устраивает прогулки с ним на Робинзон, в Ножан, в Пуэн-дю-Жур, тратит на него деньги без счета; она была без ума от него и хотела, чтоб Тома жил с ней всегда, но это вовсе не было желание парня. Через неделю он заскучал, бросил девушку и вернулся на работу.

Но не думайте, что бросить женщину так просто... Девушка оказалась упрямой, она была безумно влюблена в Тома, так же, как и Мели; она начинает бегать за ним; стережет его на улице, торчит у его окон, преследует его до самого места его службы. Он ничего не хотел знать, она ему надоела и он не стеснялся говорить ей это прямо в лицо.

Таким образом она преследовала его целых десять дней. Как-то раз приходит она в двенадцать часов дня в трактир, где он обедал с товарищами. Она просит его вернуться к ней; и за то, что он рассмеялся ей в лицо, она называет его дохлой рыбой, сутенером, буржуем и самыми мерзкими словами на свете. Наконец Тома выходит из терпения. Он только что собирался есть мясо; он ударяет ее ножом в ляжку, девушка орет и бежит вся окровавленная к себе домой, ложится в постель и дает знать Тома, что не подаст на него жалобу, если

он вернется к ней. Тома посылает ее к черту, переговоры продолжаются еще три дня, а на четвертый отчаявшаяся Петасс подает на него жалобу в участке.

Тома, предупрежденный, покидает квартал, но через десять дней его арестовывают в Гренелле. У следователя девица обвиняет его, и парня приговорили бы по крайней мере к шести месяцам, если б один депутат, его земляк, не вмешался в это дело. Отпущенный под честное слово, Тома судился через три месяца в восьмом отделении, нашлись смягчающие обстоятельства и его оправдали. Да... Опасно слишком нравиться женщинам.

— А Кольбюс-то наш прогорел, я только что встретила Тома на бульваре.

Извозчик остановился у двери винного погребка, красивая гордая голова Мели показалась в двери. Она подталкивала перед собой высокого белокурого парня в синей блузе; Тереза шла за ними.

— Добрый вечер, Мели, добрый вечер, Тома... у тебя теперь две курочки?

— Что я вам говорил, — смеялся мой проводник, — мы только что говорили о нем, а он тут как тут.

XVI

Выходка Мома

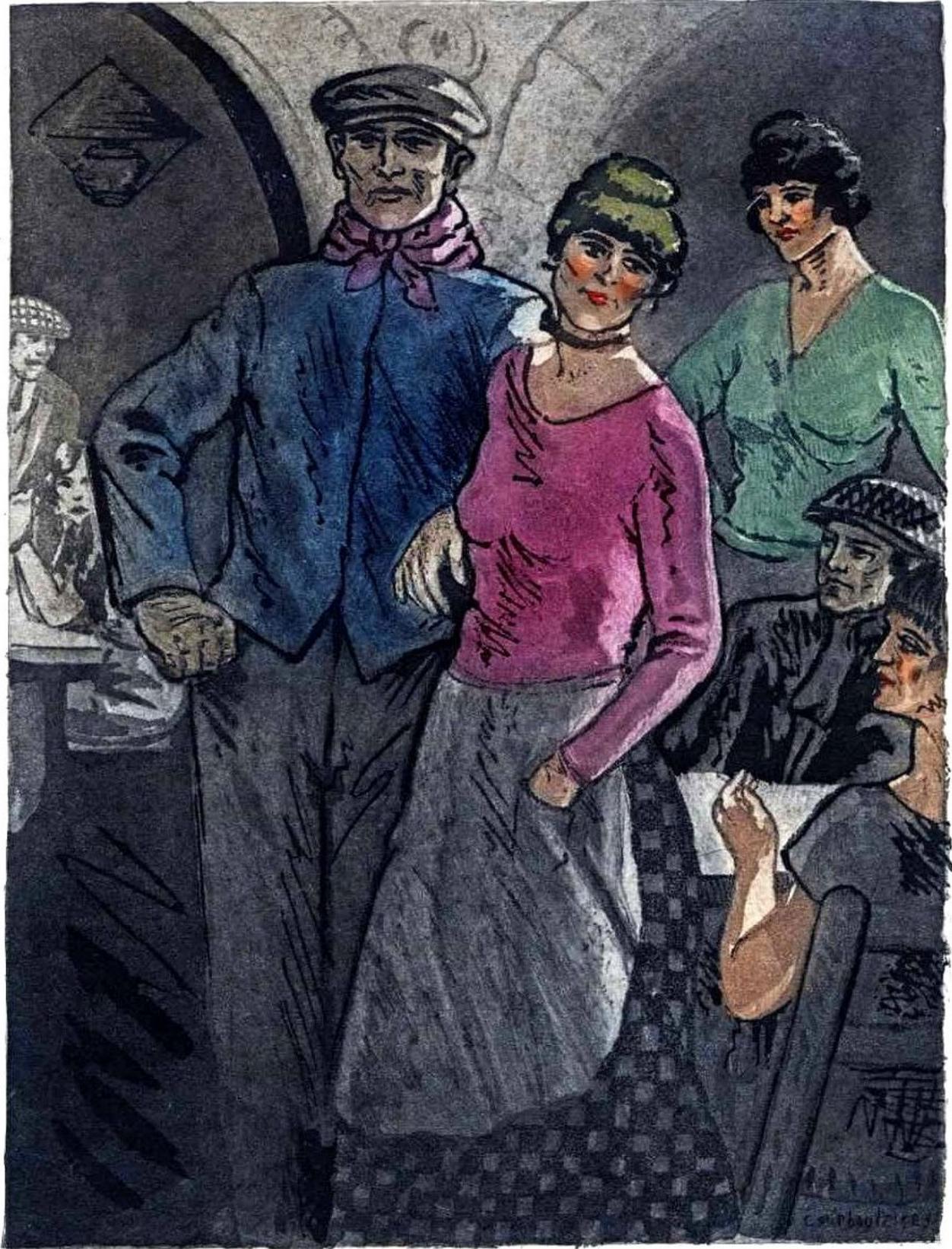
Парень стоил девицы: Бодармон не солгал. Возлюбленный Мели с головы до пят подтверждал свое лотарингское происхождение. Карл Смелый мог бы свободно признать его за одного из своих рейтаров с оттопыренными штанами, полукафтаною из буйволовой кожи и с зубчатой шляпой на голове. Белокурый, с волосами цвета спелой ржи, белым лицом, смелым орлиным профилем, прямым носом с трепещущими ноздрями, но немного тяжелым подбородком, он также был похож на Зигфрида из «Нибелунгов», как и на молодого викинга времен нормандского нашествия. Под широкими складками блузы, под выступом фуражки и профессиональным кашне, скрывался легендарный герой с сандалиями на ногах. Фигура, лицо и гибкая сила его сложения, все выдавало в Тома кельта с голубыми глазами. Рядом с ним Мели вызывала образ Валькирии, Валькирии со «дна», менее чистой расы и типа, чем ее любовник, но характера гораздо более хищного и опасного.

Весь зал винного торговца засиял при виде их красоты.

Красота!.. Подонки общества гораздо чувствительнее к красоте, чем обыкновенно думают. Уже по одному тому, как держали себя эти отбросы общества, сутенеры, публичные женщины, жулики и даже хуже, можно было судить о власти, которую имели на них Молодость и Любовь. Весь зал приветствовал эту пару.

— Наконец ты нашла своего Тома! Ты теперь счастлива, — грассировал хриплый голос Кудлатого.

— Да, вот он, и не так-то легко было его найти. Он только что повалил Ко-

лонну Жавеля и Крепость Бастилию у Малюрона. Поцелуй меня, Тома, я горжусь тобой.

— Правда это, Тома? Bravo, Тома!

Зал стал аплодировать победителю; Мели гордо выпрямилась, вся преображенная; радость сверкала в ее глазах. Тома добродушно улыбался и краснел.

— Выпьем за здоровье Тома, тост за влюбленных! Ведь Мели угощает нас, не правда ли, красотка? — сказал Кудлатый жирным голосом.

— Наливайте, Мюрон, да выпьем живее, — согласилась девушка, — я не хочу засиживаться здесь. А где же Мом-Ужасный? Он еще не пришел?

— Мом-Ужасный? Он не придет, — расхрабрился маленький оборванец Улитка, тщедушный мальчуган с плоским и бледным лицом, с едва открытыми глазами под перепончатыми веками ящерицы.

— Он ведь не арестован? — живо спросила девушка.

— Нет, но у него есть дело в «Главной конторе», он должен рассчитаться с Ирмой, которую он решил выдать полиции. Мом приглашает вас посмотреть, это будет забавно. Он и прислал меня сказать вам об этом. Он будет там до двух часов и приглашает всю компанию.

— Ладно, Улитка. Теперь молчи и садись пей с нами. Мы ведь пойдем, милый? — обратилась Мели к своему возлюбленному.

— Пойдем, — ответил Тома добродушно.

— Тогда в путь, в «Главную контору». Ты идешь с нами, Тереза?

— Да, Жюло как раз на Рынках, мы там с ним встретимся.

— Великолепно. В экипаже есть еще одно место. Ты идешь, Кудлатый?

— Еще бы мне не идти! Посмотреть, как Мом расправится с Ирмой... да я на коленках поползу в Вильжюиф, чтобы только присутствовать при этом. Эта дрянь не желает признавать мужчин! Иду ли я? Да я бегу туда. Идите же и вы, эй! Доска, эй! Татуировка, и ты, Палка, и ты, Нинет, и дамский Красавчик-Блондин, все мы помчимся туда стрелой! Вот смех-то будет!

— Идемте же.

— Живо, Улитка, беги за извозчиком; ты сядешь рядом с кучером.

— Итак, на Рынки! Нечего торчать здесь. Получите, Мюрон, — и Мели открыла дверь.

— Если вы хотите видеть Мома-Ужасного, вот случай, или никогда, — шепнул мне Бодармон, — это будет интересно. Хотите пойти туда?

— А это их не стеснит?

— Их? Да им наплевать. Я вас сейчас представлю... Мели!

— А! это вы, патрон! Что вам угодно?

— Можно идти с вами?

— Идите, но только не вздумайте опять расхваливать мне вашу помойную яму. Я люблю моего Тома и свободу.

— Я это знаю. Мне интересно посмотреть, как Мом расправится с Ирмой.

— Еще бы, такая ведь гадина!

— Я иду со знакомым; Мели, поди, я познакомлю тебя с моим приятелем.

— Небось, торговец мясом?

— Нет, журналист, м-сье Жак Менар.

Красивая девушка смотрела на меня подозрительно, с враждебным лицом и острым взглядом:

— Не тетка, по крайней мере? Раз уж я поплатилась и теперь не очень-то доверяю!

— Да ты с ума сошла, будь вежлива с господином, — вступился Тома.

— А ты молчи! У твоего приятеля больно уж белы руки, господин патрон.

— Это оттого, что он пишет.

— Не прикасаясь к чернилам. Извините меня, милостивый государь, — сказала она, отражая свои глаза в моих, — таково уж наше дело.

Затем, смерив меня взглядом с ног до головы, она прибавила:

— Нет, вы все-таки ничего себе. Когда вам захочется, для вас это будет стоить двадцать франков, так как это вы. Но если вы будете поглядывать на моего Тома, то вам придется отвесть серной кислоты. А теперь в путь! На Рынки! Извозчик, гони!

— Это, что называется, представление по всем правилам, — сказал я Бодармону.

Мы наняли извозчика.

— Она была еще очень любезна с вами.

— Вот как!

— Да! Для нее это любезность. Она не выносит платных клиентов, она ненавидит изящных молодых людей.

Мы ехали с шумом, криком, песнями; это была настоящая процессия извозчиков с рекрутами. На площади Республики Кудлатый хотел предложить слезть, чтоб выпить чего-нибудь в одном маленьком баре, который держал один из его друзей.

— Пошел к черту! — крикнула Мели, которая торопилась скорее найти Мома-Ужасного.

На улице Тюрбиго Тереза, желавшая потанцевать, предложила остановиться у Гравилье, надеясь найти там одного из знакомых.

— Небось, твой прежний? Жюло ведь на Рынках; ты знаешь, я не люблю измены и не желаю содействовать этому.

И любовница Тома велела извозчику ехать дальше. Бодармон был в восхищении:

— Какова штучка! Вот какая нужна мне для моего дома. О! такая сумела бы заставить себя слушаться.

Стеклянные крыши павильонов, пылавшие как на пожаре от электрического освещения, говорили о том, что мы приближались к Рынкам; в павильонах сновали взад и вперед группы людей, которые сторожили прибытие первых фургонов с овощами. Устроившиеся на углах улиц торговли супом собирали уже вокруг себя силуэты нищих.

— На Свалки овощей! — крикнула в ухо извозчику Мели, вдруг вставшая на ноги в экипаже. Извозчик хотел было остановиться у «L'Ange Gabriel», но

весь караван свернул направо.

На Свалках мы увидели целую толпу, собравшуюся у входа. Это была какая-то бурная сходка грузчиков и женщин в платках, повязанных шапочками; все это суетилось на пороге.

— Не она, говорю я тебе!

— Настоящие-то виновники скрылись!

— Рассказывай! Будто Ирма не залезает в чужие карманы!

— Да нет, говорю я тебе. Я знаю ее, она не воровка!

Мели, в высшей степени возбужденная, выскочила из экипажа.

— Что там такое, что там такое? — и она протискалась через плотные массы. Городовые суетились, стараясь разогнать толпу. Внутри было еще хуже. Можно было видеть только сплошную стену спин и наклоненных голов.

— Вот и Жюло! — кричала Тереза. — Эй, Жюло, мы здесь! Иди сюда!

Сутенер живо протискался к нам.

— Не входите, — сказал он потихоньку Мели, — небезопасно, там масса городовых и полиции. Ирму арестовали!

— Ловко! — воскликнула Мели. — А Мом?

— Мом-Ужасный удрал.

— Ведь это Мом подвел ее? Так эту дрянь забрали?

— Нет, пока еще с ней там возятся. Полиция обыскивает ее. Советую уходить скорее, нам там небезопасно.

— Я все-таки хочу взглянуть на нее, — и Мели злорадствовала, с ненавистью во взгляде.

— А мы можем войти, — шептал мне Бодармон, — мы увидим интересное дельце, раз там работал Мом-Ужасный!

— И ловко обделал! — подбавил Жюло, пожимая руку содержателю дома.

— А мы, господа, куда пойдем? — спросила Мели.

— Идите и ждите нас в «Погребке», — сказал им Бодармон. — Через пять минут мы придем к вам. Мы только заглянем и сейчас же уйдем. Я угощаю всех ужином.

Благодаря сильному натиску толпы, я и Бодармон очутились в большой зале Свалок. Насмешливая и угрожающая толпа окружала девицу, сидевшую на диване, которую держали два полицейских агента.

— Это не я, это не я! — твердила женщина, которая была отвратительна благодаря распутившимся от пота краскам на лице. Ирма (это была она) вырывалась из рук, схвативших ее двумя тисками за кисти.

— Мой бумажник, мои деньги, — жаловался старый крестьянин в синей блузе, чисто одетый и в новой фуражке, сидевший около нее. — Мои деньги, мои бедные деньги! Я обокраден, я обокраден! — И с комическим отчаянием старик стучал об пол своей деревянной палкой. Один из городовых, стоя перед ним, тщетно старался узнать что-нибудь от него; крестьянин упорно продолжал жаловаться:

— Я обокраден, я обокраден, — твердил он, как какой-то припев; он ничего не хотел слушать, весь погруженный в свое горе и свой исчезнувший бумажник.

CASSE CROUTE
A
TOUTE HEURE

28-courboulet

Уставши от бесполезных расспросов, полицейский обратился к торговцу вином: он ничего не видал, мадам пришла с месье, они уселись в конце зала, приходили и уходили также и другие посетители, которых он не заметил.

— Он хитрит и не хочет сказать, — шепнул мне Бодармон на ухо, — боится нажать себе такого врага, как Мом-Ужасный.

Между тем, девица выла, как зверь, которого режут:

— Это Мом обокрал старика; он нарочно сел за моим столом, о! негодяй! Я должна была остерегаться его. Да и потом, разве бумажник у меня? Вы можете обыскать меня.

— А этот луи, где ты его заработала, а?

И один из полицейских, расстегнув потихоньку подвязку у девицы, спустил ее чулок до самого башмака; внезапно открывшаяся голая, довольно тонкая нога вызвала в толпе любопытное оживление. Полицейский нашел луи между шелковым чулком и лодыжкой.

— А это что за бумажка?

— Моя квитанция за уплату квартиры! — вдруг закричал старик. — Ах ты, стерва!

— И другой чулок, посмотрите в другом!

Агент снял с девицы башмаки и на этот раз покатались на пол со звоном четыре луидора.

— Ладно, теперь все ясно. Отправляйся в участок, живо! На улицу Прувер, а затем в Тур. Надевай-ка свои ботинки.

— Это не я. Я не брала ничего, — восклицала Ирма сквозь рыдания. — Мой ребенок! Кто будет заботиться о моем ребенке?

— И вы также пожалуйста в участок, вы дадите ваши показания.

И сильной рукой полицейский поднял расстроенного старика на ноги.

— Но у меня ведь было больше пятисот франков, — стонал крестьянин, — а я получил назад всего только пять луидоров.

— Остальное успели спрятать, — фыркнул первый агент. — Мадам, может быть, скажет вам, кому она передала деньги.

— Мерзавцы, подлецы, убийцы, все вы сволочи! Это Мома надо было арестовать!

— Ну вот! Теперь она валяется в обмороке. Все это нарочно подстроено. Боннафу, скорее извозчика!

Девица билась в конвульсиях, близкая к обмороку, и ударяла кулаком о доски пола.

— Только вы ее и видели! — сказал мне Бодармон. — Ее посадят теперь на шесть месяцев.

— А она невиновна?

— Безусловно, это Мом устроил всю историю и не столько из-за четырехсот франков, сколько из-за того, чтоб засадить ее.

— Месть какой-нибудь женщины?

— Нет, это мечь мужчины. Ирма желала работать одна. А этого они не переносят в их деле.

В «Погребке», куда мы пришли, мы не нашли Мели с ее друзьями; Улит-

ка, оставленный там, чтоб предупредить нас, сообщил, что нас ожидают у «L'Ange Gabriel»: там была назначена встреча апашей. Апаши из Бельвилля ждали там апашей из Латеа и обе женщины, Мели и Тереза, не хотели пропускать такого случая.

— Если хотите, мы не исполним нашего обещания, — сказал мне Бодармон, — незачем нам лезть в эту свалку с револьверными выстрелами.

— И опять мы не увидим Мома-Ужасного. Мне, право, не везет, — сказал я, не будучи в состоянии подавить вздох сожаления.

— Что же делать! Это скорее Мом-Угорь, чем Мом-Ужасный; он все время ускользает из наших рук. Если хотите, приходите в следующий понедельник в «Альказар», это единственное место, где мы действительно можем встретить его.

— Хорошо, в понедельник. Вы мне напишете, где мне вас найти.

XVII

Сила

— На этот раз мы его изловили! Смотрите, вот он входит. Нам пришлось ждать недолго. Я знал, что если мы придем сюда, то непременно поймем его.

В бальном зале, насыщенном красноватыми испарениями, кружились, не без известной грации, пары танцоров, взявшись руками за талию и устремив глаза друг на друга. Поместившись в углу зала, гремел пригородный оркестр. Вальс заволакивал глаза женщин, покоившихся с кокетливой негой в объятиях мужчин. Мужчины, жадно склоненные над вальсирующими дамами, поддерживали их крепкими объятиями и пожирали хищным взглядом. Все старательно выделявали па танца и были крайне внимательны к такту и ритму. В Париже, быть может, лучшие танцоры выходят из народа.

Мы сидели на балу в «Альказаре», на улице де Шуази, квартале скорее мрачном и с плохой репутацией. Там, как заверял Бодармон, мы должны были непременно увидеть Мома-Ужасного. Не прошло и десяти минут с тех пор, как мы там устроились за столиком и спросили себе теплого вина, как вдруг произошло волнение среди этой публики — нарядившихся рабочих, подмастерьев сомнительных профессий и всех родов проституции.

Вошла группа людей, которую приветствовали все. Танцы прекратились, многие вставали из-за столиков, чтоб поздороваться с вошедшими, вернее, с вошедшим, так как только к одному субъекту и относились все женские приветствия и все дружеские рукопожатия мужчин в бархатных панталонах и клетчатых костюмах. Два дежурных солдата Парижской гвардии бессознательно выпрямились; появление господина Лубэ на балу произвело бы меньшее впечатление на присутствующих.

— Это он, это Мом, — шептал мне содержатель на ухо. — И урод же он, посмотрите-ка на него.

Это был парень двадцати трех-четыре лет, не более, маленький, коренастый, с короткими ногами, широкими плечами и слишком длинным торсом, плотно сидящим на громадных бедрах. Кривые колени, выпуклые икры под полотняными панталонами и покатые плечи делали из него нечто вроде урда, но из этого почти карлика исходила какая-то сила, которая импонировала. Мом-Ужасный был блондин, блондин с рыжеватым оттенком, с лицом, покрытым веснушками. Курносая физиономия на толстой бычачьей шее, с выдающейся вперед нижней челюстью, напоминала морду бульдога. Нос его, с широкими ноздрями, казалось, вечно что-то нюхал, как нос собаки; зубы выступали наружу, нижняя челюсть была тяжелая, а рожа короткая. Глаза — круглые, с пустыми черными зрачками, как будто покрытыми лаком, лоб узкий, а уши торчащие... Вот портрет Мома. И этот-то уродец сводил с ума женщин и держал в страхе окраины.

— Ну как? Заслуживает он свое прозвище? Не правда ли, он ужасен? — допытывался Бодармон.

Я кивнул в знак согласия. Мом был ужасно уродлив; это было уродство выроodka и чудовища, но в его торсе и во всех непропорциональных членах его тела чувствовалась притягательная сила.

Мом сел за столик и был моментально окружен друзьями. Мом вошел не один. Его сопровождала худая, гибкая женщина с длинными гладкими прядями волос на ушах à la Клео де Мерод*; совсем еще молодая, но уже потрепанная, с лихорадочными, ярко намазанными губами, с темными кругами на подведенных глазах и злым лицом, она все же была привлекательна болезненной и опьяняющей прелестью плебейского порока. Девушка, гордая тем, что сопровождает Мома, смотрела вокруг себя дерзким взглядом. Она прошла мимо других женщин с вызывающим видом.

— Его метресса? — спросил я Бодармон.

— Одна из его метресс! Мом потерял им счет, а эта самая бойкая из всех; это Мария Лутас, которая заставила уже убить двоих людей. И надо видеть, как сама она играет револьвером и ножом. О! посмотрите, как она гордится, что идет с Момом! Сам черт ей не брат...

Трое других телохранителей, сопровождавших эту пару, вошли с ними: два оборванца, два друга Мома, в бархатных панталонах и охотничьих фуфайках, и один довольно элегантный господин. Котелок, надвинутый на глаза и приподнятый воротник пальто говорили о том, что он желает сохранить инкогнито; покрой платья, длинные выхоленные усы, нежный цвет лица и свобода движений, которым он старался придать в этой обстановке искусственную грубость, изобличали в нем человека совсем иного круга.

— А этого вы знаете? — спросил я, указывая на человека.

— Нет, я вижу его в первый раз.

* Клео де Мерод (1875-1966) — французская танцовщица, прославившаяся как красавица, звезда «Прекрасной эпохи».

— Сутенер из высшего круга, наверное?

— Не думаю, это скорее любопытный зритель. У Мома он в хороших руках.

— А там, вон та группа мужчин с простоватым, но богатым видом, с тремя довольно изящными женщинами?

— Марсельцы. Они здесь целой шайкой. Тонкие работники. Они поставляют в дома девиц, а также ведут торговлю белыми; они здесь для того, чтоб поудить девочек. Их надо избегать.

— Девочек! Я вижу здесь только женщин самого низкого разбора. Эти накрашенные физиономии, эти напущенные на уши, как у собак, волосы, — от всего этого несет самой низкой проституцией.

— Да, все, что танцует здесь, все это накипь внешних бульваров, но иной раз попадают в эту труппу и работницы, удравшие из мастерских, да такие хорошенькие и молоденькие, товар все свежий, который ищет приключений, а в особенности сгорает от любопытства. Пойдите, посмотрите-ка вот на тех, которые танцуют вдвоем! Ну, не прелесть ли и притом так молоды? Мом уж знает толк в этом и не прозеваает их. Посмотрите, как он глядит на них. Я уверен, что им обеим нет и тридцати лет.

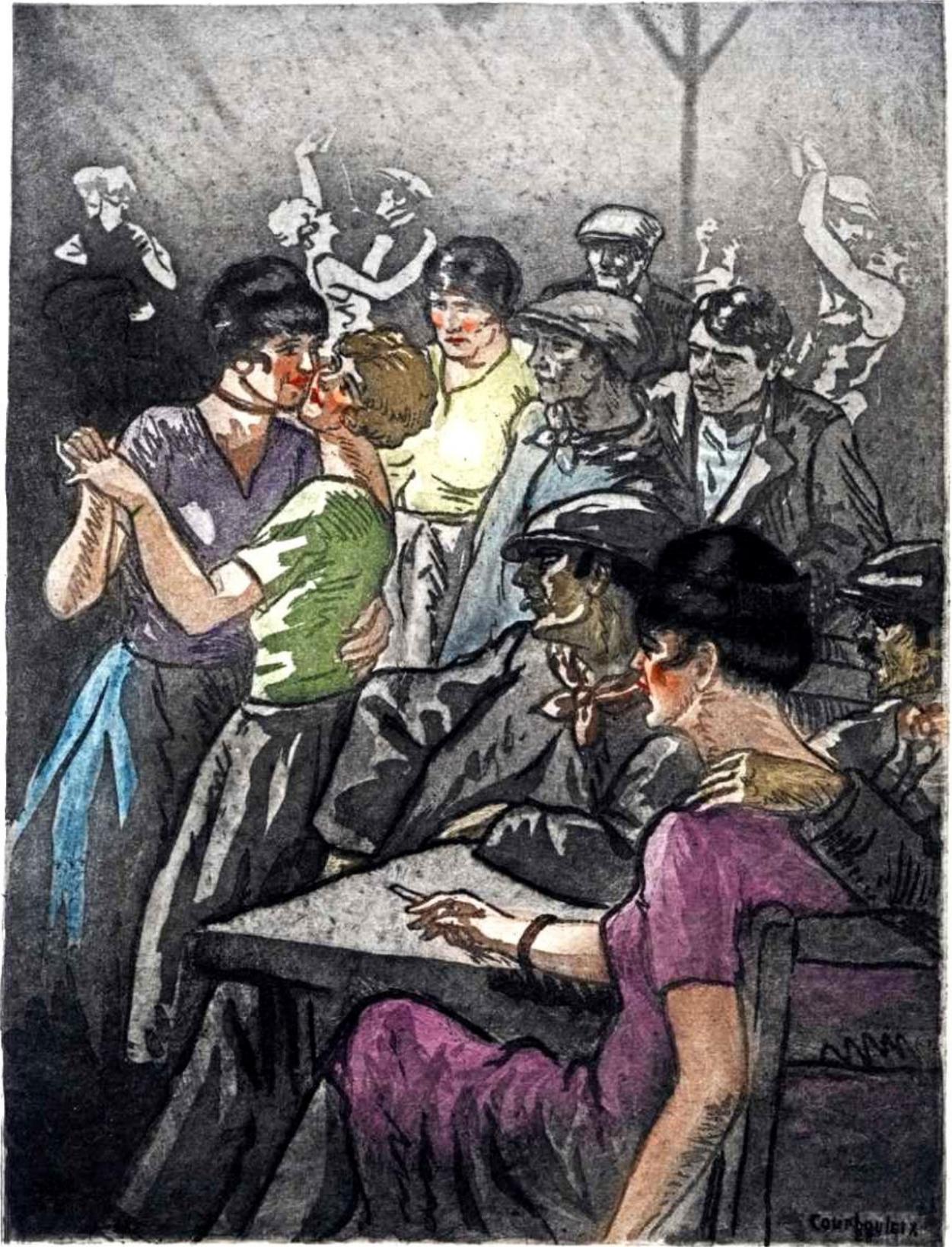
Две действительно красивые девушки только что показались в зале. Они произвели целую сенсацию среди мужчин. Все, по очереди, приглашали их на танцы. Нежно обняв друг друга за талию, они стояли, опершись о балюстраду, и отклоняли приглашения танцоров. Девушки танцевали только вдвоем.

Одна была брюнетка, другая — блондинка и вместе они составляли прелестьную пару. Блещущие обе свежестью, подруги чувствовали себя центром всеобщего внимания в зале и наслаждались произведенным ими эффектом. Обе тонкие, с красиво обрисовавшимися уже бедрами и молодыми грудями, они вносили в эту среду порочных и поблекших лиц видение блестящей молодости, особенно блондинка, почти серебряная шевелюра которой окаймляла, если можно так выразиться, лунным золотом еще детское личико, освещенное двумя глазами небесной чистоты.

— Вы видите, Мом не прозевал их, он тащит их почти насильно к своему столу.

В самом деле, Мом-Ужасный встал и, пересекая зал, подошел к двум девушкам. Но, так как они отказывались, он взял блондинку за руку и обе они пошли теперь за ним. Он привел их к своему столу. Девушки уселись, оглядываемые Марией Лутас и приветствуемые всеми мужчинами. Мом одним только жестом отстранил все фамильярные попытки мужских рук и девушки приручились понемногу, успокоенные присутствием человека с длинными светлыми усами, в пальто английского покроя.

— Без сомнения, Мом орудует для этого типа. По всей вероятности, парень с деньгами, ищущий свежего товара. О! эти господа приходят сюда чаще, чем думают. Эти богатые буржуа, любящие только первые ягоды, — наиболее опасная конкуренция для нас; они бросают двадцатифранковые монеты так же, как мы пятифранковики. Видите, я говорил вам, вот их и приманили. Субъект этот увидит, во сколько влетит ему удовольствие, так как Мом не работает даром.

Действительно, девочки громко смеялись, сидя за столом с Момом и его компанией.

— Нам здесь нечего делать. Экая неудача! Нет, больше уж нас сюда не заманишь. Ну, Мариус, что ты на это скажешь?

Это была компания марсельцев, которая уходила с бала. Они также остановили свой выбор на двух вновь появившихся девушках, но Мом утащил их у них из-под носа.

— Не прикажете ли проводить вас на вокзал? Возьмите направо по второму бульвару, — крикнул им вслед Мом, соединив у рта ладони, чтоб было лучше слышно.

— Они даже и не возражают, — сказал мне патрон. — Они не чувствуют себя здесь дома, а Мом здесь у себя. Вряд ли Филибер пойдет сюда. Ему бы здесь здорово попало.

Вскоре меня заинтересовала другая группа из трех человек, которая устроилась недалеко от нас.

— Да это день шикарного общества! Посмотрите-ка на этих трех.

И я указал содержателю на вновь пришедших. Бодармон, бросив на них беглый взгляд, сказал:

— Да я их знаю, их провожает Бисквит. Помните, тот лазутчик, о котором я вам говорил? Хороший парень, настоящее золото! Это самый маленький из троих, с белым цветом лица и живыми глазами. Да как он принарядился сегодня, его клиентура, видно, заботится о нем!

— А двое других?

— Тс!.. о! эти двое, это целая история, тс!.. я расскажу вам это, когда они уйдут отсюда.

— Высокий брюнет — очень красивый мужчина.

— Еще бы, у него в жилах течет царская кровь, это одно из крупных исторических имен.

— Черт возьми! А другой?

— Очень известен в мире скачек и бегов.

— А зачем пришли они сюда?

— О! в этом-то все и дело. Не ищите тут женщину; именно не женщин приходят искать сюда эти господа,

— Но, Бодармон, вы меня интригуете.

— О! если б Мели была здесь, вы увидели бы, как она отругала бы их. У нее есть чутье, чтоб узнавать этих господ.

— А! Мом их знает. Глядите. Он делает им знаки.

— Да, и они очень недовольны, что встретили здесь нас. Они нас знают. Как-то раз они были у меня, но я просил их не возвращаться больше; я вовсе не желаю иметь дело с судом. По-видимому, они знают и вас, так как, видите, они удирают, они уходят совсем отсюда... Нет, посмотрите! Они направляются к тем, они знают того господина, который с Момом; я должен был догадаться об этом. Да! голубчик мой! Все эти господа здесь по одному и тому же делу. Они любезничают с этими двумя девочками; конечно, все это для отвода глаз, просто хитрят, разве только они вербуют девиц для своих развратных подруг.

Здесь это довольно обычно. На этом деле Бисквит должен зарабатывать хорошие деньги; теперь я не удивляюсь, что он так хорошо одет. А вон Жюло и Тома в углу. Видите эти знаки глазами? Все эти люди знают друг друга. Это место любовных свиданий. Теперь все объясняется. О! если б Тереза и Мели могли подозревать это! Все так ловко подстроено, и непосвященный человек ровно бы ничего не заметил. Ну, так и есть, теперь они выходят. Все эти люди потом сойдутся, а Жюло и Тома идут за ними, как ни в чем не бывало. Идите, идите, милые, собирайте двадцатифранковые монеты, это ведь гораздо легче, чем разгружать суда на канале!

Содержатель дома, ушедший по горло в свою стихию, ликовал и пересыпал свою речь словами аргю, глаза его блестели развратным весельем. Компания Мома, Мария Лутас и обе девочки, Бисквит и два незнакомца, которых он сопровождал, только что ушли с бала. Жюло и Тома только показались и сейчас же исчезли.

— Выйдем и мы, — сказал мне Бодармон, — мне интересно знать, куда они пойдут. Что они будут делать, об этом я догадываюсь, но давайте следить за ними потихоньку; Мом настороже.

XVIII

Торговля белыми

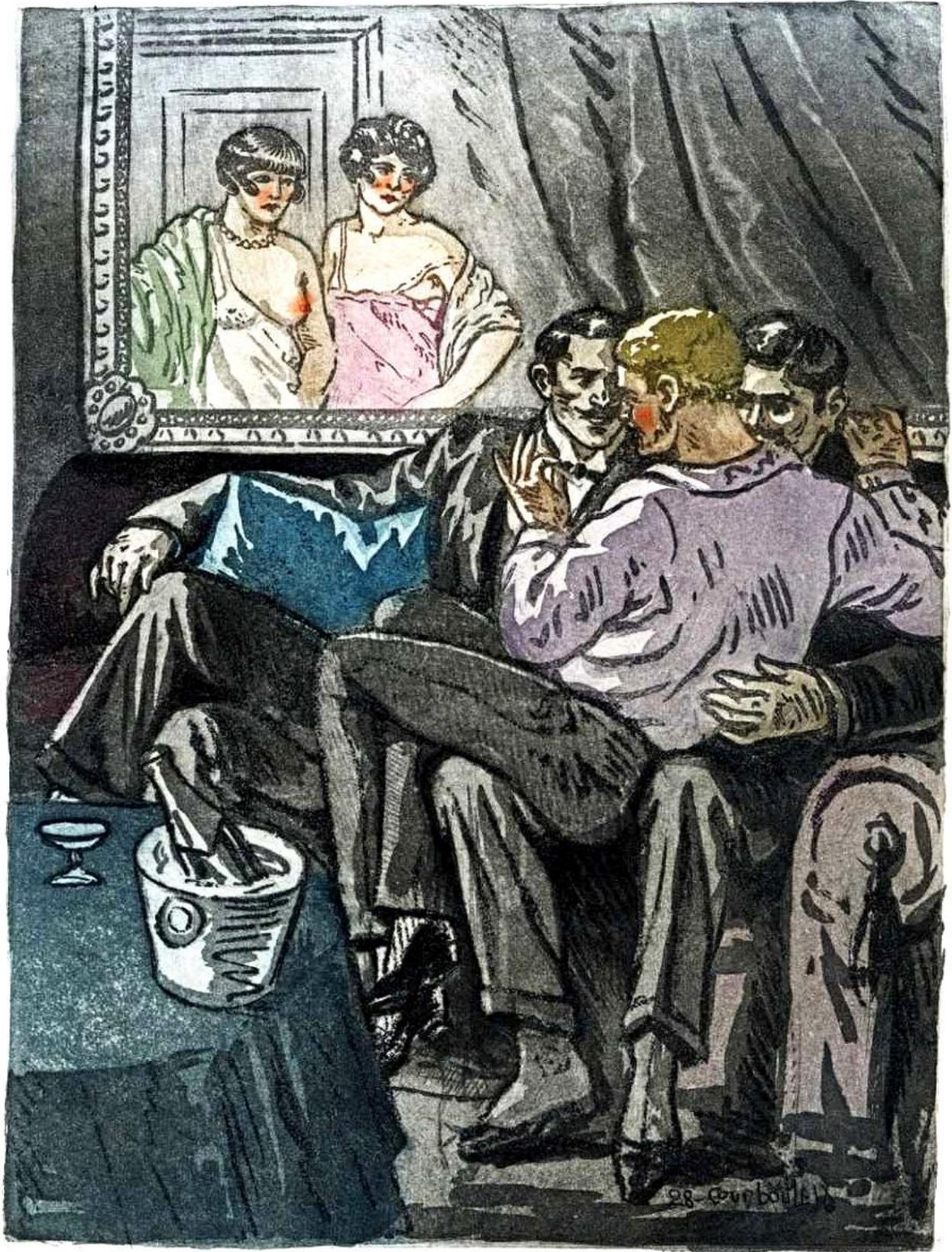
— Какие автомобили! Говорил я вам, что это богачи.

Бодармон указал мне два «Панара», остановившиеся на углу улицы Шуази и Итальянской. Два шофера, похожие на двух тюленей в своих каучуковых куртках, разговаривали со своих мест друг с другом. Рабочие, медленно возвращавшиеся из центра и поднимавшиеся по широким аллеям, окружили любопытными группами два роскошных автомобиля. Мом-Ужасный, обе девочки, Бисквит с двумя незнакомцами и два парня из Фобур дю Тампля только что вошли в угловой ресторан.

— Уверен, что они спросили красную гостиную, — посмеивался содержатель, — но не надо ходить туда. Мом ненавидит патронов заведений. Меня он еще выносит, так как вначале я ему давал случай заработать, но он был бы очень доволен иметь предлог к ссоре со мной. Войдемте в этот бар: хотя публика там простая, зато нам будет удобно поболтать. Вы желаете, чтоб я посвятил вас во все, — я к вашим услугам; мы увидим, как они выйдут отсюда, а это то и есть самое забавное. Тогда можно видеть все, что у них на уме.

И мы уселись в кафе, на улице.

— Те два господина, с которыми шел Бисквит, это все, что есть наиболее шикарного, — сказал патрон. — Долго не надо присматриваться. Где есть деньги, это сейчас же видно. Тот, с красивой физиономией (черт побери! Как этот парень, вероятно, был красив в пятнадцать лет), это герцог де М...; другой,

его друг — «Три Звездочки»; у него бегают лошади на скачках.

И содержатель шепнул мне на ухо два очень известных имени в парижском мире.

— О вкусах не спорят, вы знаете это. В моем деле не приходится особенно то разбирать, но тем не менее, не могу же я из-за прекрасных глаз этих господ допустить у себя обход полиции. Так что, когда герцог пришел ко мне, тринадцать месяцев тому назад, с целой шайкой повес, старшему из которых не было и двадцати лет, и когда они спросили особую гостиную, я сейчас же понял, в чем дело. Но так как они потребовали дам, то я не мог выставить их из моего дома; что же касается расходов, они истратили у меня много денег: шампанское и все остальное. Но через час девицы спустились вниз, смеясь, и сказали:

— Патрон, для того, что творится там наверху, мы вовсе не нужны.

Тогда мне стало очень досадно, так как я дорожу репутацией своего дома, а дом мой слывет за вполне порядочный и подобного рода клиентура не допускается у нас. И потом, знаете ли, м-сье Менар, подобные истории дают девицам в руки оружие против вас. Настоящий хороший патрон никогда не должен быть неправ перед своими пансионерками. Когда допускают в своем доме такого рода оргии, для них это равносильно тому, что вы сами принимали участие в этих оргиях.

Так что около двенадцати часов ночи, когда герцог, истратив двести франков, собрался уходить, я просил его, потихоньку, больше не возвращаться ко мне. Будьте уверены, что мне-то наплевать, но в провинции все известно и это может навлечь плохую славу на заведение.

Наступило молчание. Бодармон, задумавшись, мешал свой абсент. По-видимому, он копался в своих воспоминаниях, так как он вдруг заговорил сам с собой:

— Однако, эти штуки очень выгодны; на них можно заработать хорошие деньги, особенно с богачами такого калибра; даже в том случае, если вы понажмете как следует пружину, и то они не жалуются на вас.

Так, например, я, который говорю с вами, м-сье Менар, раньше, чем быть патроном, когда-то был борцом и ловким борцом, и даже красивым борцом. Я был хорошо сложен, с сильно развитыми грудными и предплечными мышцами, уж вы поверьте мне, с вьющимися волосами, как у статуи, и ни единого волоска на подбородке.

Усы мои начали расти очень поздно.

Голой, я был похож на мрамор, и я позировал не один раз в Школе изящных искусств. У меня были сеансы в Париже, в провинции и на многих народных гуляньях, везде понемногу; но я не хотел покидать Пантрюша*. У меня были там две богатые поклонницы, кафешантанная певица и женщина из торгового мира, толстая колониальная торговка из Фобура дю Руль, которая интересовалась мной, и я не хотел бросать их.

Между моими товарищами по борьбе был один, по имени Зидор, краси-

* Парижа (Прим. пер.).

вый брюнет в моем жанре, но более тонкого сложения, всегда хорошо одетый, с бросающимися в глаза галстуками и совсем новыми брюками, который, не имея женщин, неизвестно откуда доставал деньги. Он говорил, что получает их из дома, а борьбой занимается для своего удовольствия.

Как-то раз (когда мы парадировали перед публикой на народном гулянье на Тронной площади, куда накануне вечером пришла на представление целая компания богачей и трое из них даже угощали всю труппу), Зидор отводит меня в сторону и говорит:

— Послушай, хочешь заработать двадцать франков почти без всякого труда?

— В чем дело?

— Надо идти позировать одному художнику. Ты разденешься догола и примешь позу.

— Целый час, не двигаясь с места — ты называешь это ничего не делать? Да нет ничего утомительнее этого.

— Это не то, что в Школе изящных искусств. Ты будешь позировать у одного художника из общества. Ты стоишь в позе не больше десяти минут. Остальное время твоего часа ты попиваешь себе винцо и жуешь пирожки, валяясь на диванах.

— А твой художник, не тот ли это маленький блондин, который был с двумя другими борцами, повалившими нас вчера?

Я вспомнил, что один из этих трех типов заигрывал со мной глазами и локтями, и меня взяло сомнение.

— Да, это он. Почему спрашиваешь ты меня об этом?

— Так. Ты позируешь у него, Зидор?

— Да, и часто. Он платит прекрасно.

— Так это то, что ты называешь получать деньги из дома! А твой художник, он только рисует, или также и ощупывает? Он больше похож на лепщика. Полно, говори откровенно. Скажи мне, в чем, наконец, дело?..

Черт! — оборвал он вдруг. — Вон Улитка слезает с извозчика. Уверен, что Мели недалеко. Если она поймает своего друга, то разразится скандал.

Закрытая карета остановилась почти против ресторана. Маленький бродяга, виденный нами в тот вечер у винного торговца, быстро притворил за собой дверцу экипажа, Чувствовалось, что кто-то прячется внутри кареты, за спущенной шторкой.

Улитка увидел нас и направился к нам. Он приподнял угол своей фуражки и спросил:

— Виноват, простите, м-сье Бодармон, вы, может быть, видели Тома? Мели ищет его. Очень важное и спешное дело. С его матерью случился удар. Он ушел с двенадцати часов с Жюло, другом Терезы. Вы их не видели здесь?

— Тома? Да, видел. Он ушел с бала почти час тому назад с Жюло и еще с кем-то другим. Их было трое. Они, вероятно, поехали по Окружной дороге.

И, обернувшись ко мне:

— Не говорили ли они, что идут в Отейль?

— Что же нам теперь делать? — сказал Улитка. — Мерси, м-сье Бодармон.

И, наскоро пожав руку патрона, в три прыжка он очутился в карете. Женская рука поспешно открыла дверцу, мальчишка скользнул туда и извозчик поехал крупной рысью.

Патрон потирал руки:

— Ищи, красавица. Ищи своего дружка!

И грубый смех потрясал его широкое лицо.

— Тома должен мне поставить свечку за это! Мели здорово отделала бы его. По-моему, мужчины всегда должны поддерживать друг друга. Наш настоящий враг — женщина. О, женщины! Надо быть патроном заведения, как я, чтобы хорошо знать, что это за народ... Смотрите! Вот и другие выходят. Однако, Тома висел на волоске. Если б они вышли пять минут тому назад, то был бы целый скандал.

Компания Мома выходила из ресторана. Они крепко пожимали друг другу руки и уверяли друг друга во взаимной дружбе.

— До следующего понедельника, — говорили они, — мы встретимся в понедельник непременно.

Герцог де М... и Три Звездочки сели в свой автомобиль. Незнакомец в котелке, приехавший с Момом, уселся рядом со своим шофером. Двух девочек посадили на извозчика.

— До понедельника, милые курочки, да приходите непременно. Мы там кутнем, а вы получите еще денег в придачу.

Мом-Ужасный провожал всех поочередно, одних за другими. Тома и Жюло, окликнутые герцогом де М..., выслушивали последние наставления. Они должны были также прийти.

Отойдя немного в сторону, Бисквит присутствовал при этом прощании с безучастным и философским видом.

Автомобили тронулись, пыхтя, извозчик уехал. Целая толпа мальчишек зевала около ресторана, на тротуаре, в качестве полных хозяев этой местности.

Бодармон свистнул им. Компания повернула головы и направилась к нам.

— Здравствуй, Мом, здравствуйте и вы, господа. Послушай, Тома, твоя дама ищет тебя.

— Мели?

— Да, Мели. Она приезжала на извозчике с Улиткой, я их послал в Отейль. Вся шайка покатила со смеху.

— Вот хитрая-то! — воскликнул Жюло. — Каково! Забраться даже сюда!

— О! У нее есть чутье, — заметил Тома.

И, повернувшись вдруг в сторону Мома:

— Послушай, ты! Будь другом. Не выдавай ей нашего плана, она способна все расстроить, ты ведь ее знаешь.

— За кого ты меня считаешь? — возмутился Мом. — За негодяя? Разве я выдаю моих сообщников?!

И оба парня из Менильмонтана сели на первый проходивший мимо трамвай. Мом-Ужасный удостоил нас вниманием только теперь.

— А, это вы, патрон, — и он пожал руку Бодармона. — Вы в наших местах для ремонта? А здесь есть курочки! Видели вы этих двух девочек? Знайте, охо-

та на них запрещена. Смотреть на них можете, но не трогайте; это моя дичь и для других она запрещена.

И, повернувшись на пятках, он пошел по улице Шуази. Вдруг он опомнился и вернулся назад.

— Слушайте, патрон, когда вы увидите Филибера, скажите ему, чтоб он не попадался мне на глаза. Довольно с меня его. Несмотря на то, что он так толст, я его съем! Я убью его! Вы слышите, что я говорю. Я его убью!

Бисквит стоял на другой стороне тротуара.

Одним взглядом Бодармон дал ему понять, чтобы он подождал. Когда остальные ушли, он подошел и сел за наш столик.

— Здравствуй, Бисквит, — сказал патрон, ударив фамильярно парня по плечу. — Как дела?

И, повернувшись ко мне:

— Позвольте представить вам моего друга Бисквита. Славный парень. Тот самый, о котором я говорил вам, когда вы собирались предпринять турне великих князей. Этот человек — прямо золото. Вы можете довериться ему, а он знает Париж со всеми его закоулками. Рекомендую вам Бисквита, золотого человека, который возьмет недорого по знакомству: пятнадцать франков за вечер и двадцать за целый день, а с посторонних не меньше сорока франков. Скажи-ка, Бисквит, с кем это ты был сейчас? Тетки, а?!

— Ну конечно.

— А высокий брюнет, который был с Момом?

— Он по тому же делу; но главным образом, он хлопочет для женщин. Он ищет для одной богатой дамы из театра, которая обожает девочек. Мы все сговорились встретиться в понедельник в Пуэн-дю-Журе на балу апашей. Туда даже хотели прийти великосветские дамы, одна маркиза и одна актриса из «Французской комедии». Они придут в качестве зрительниц. Но закончить праздник предполагают на вилле, которую нанял один из этих мужчин в Билланкуре. О! Это будет блестящий кутеж! Вам бы надо было посмотреть. Будет, по крайней мере, четыре автомобиля. Это настоящее общество.

ХІХ

Два Зидора

Лошадиный рынок находится на бульваре Опиталь за Орлеанским вокзалом; его большой мощный двор, окруженный решеткой, возвышается, как терраса, над бульваром Сен-Марсель; оживление, царящее там всегда, постоянное разгуливание по двору животных и людей, служащих при конюшнях, группы толстых барышников с большими животами, крепко сложенных и богатых, с громкими голосами и красными лицами, с их бесконечными переговорами и торгами около денников, темно-синяя масса этой толпы в длинных блузах

нормандских ярмарок, шныряние любопытных за пестрыми крупами продающихся животных, голые руки конюхов и демонстрацию рыси и галопа кладеных лошадей и кобыл, заплетенная в косички грива, приподнятый хвост, завязанный большим соломенным узлом руками младших конюхов, отданные задатки и заключенные договоры под тенью маленьких пивных и под шум шелкающих хлыстов, разговоров и ругательств, ржание развеселившейся полукровки или неожиданное брыканье молодого жеребенка: эта симфония звуков и красок составляет жизнь Лошадиного рынка на бульваре Опиталь.

Бисквит показывал мне все это в эту среду. Бодармон, отозванный в Мо, поручил меня лазутчику.

— Так как эти маленькие экскурсии интересуют вас и вам хочется посмотреть на искательниц любви, Бисквит покажет вам интересные экземпляры этих дам. Лучше его нет никого в Париже в этом отношении. Их надо посмотреть в то время, когда они выходят из дома. Дома они все похожи друг на друга; разница только в цвете их волос; все они те же распустехи в пеньюарах. Но, как только они выходят на улицу, то сейчас же принаряжаются, прихорашиваются; они только и живут по-настоящему в дни своих прогулок. Тогда вы увидите их во всей их красе, хохочущих, как кутящие матросы, и удовлетворяющих каждая свою страстишку или какой-нибудь порок. Есть между ними и такие, которые ищут женской любви; подобные «врильи» забирают своих возлюбленных и идут вместе выставляться на Монмартре; сентиментальные имеют своих дружков и уезжают с ними за город наслаждаться полной любовью; есть и наглые, танцующие канкан, которых вы встретите на балу апашей или в Ножане, у Конвера; вдовушки, которые хотят выйти замуж, так как жаждут любви; девицы с сутенерами, богачки, ищущие любовников. Эти знают, где найти мужчин, крепких и красивых, и это недалеко отсюда; но только есть определенные дни. Их надо знать. Бисквит проводит вас туда. Ты ведь знаешь, Бисквит?

— Много изменилось, м-сье Бодармон.

— Да! черт возьми! Не то, что было в мое время, но все-таки есть еще и теперь. Правда, раньше было меньше «врилей», чем теперь.

И на этом содержатель покинул нас, чтобы отправиться на поезд.

Мое любопытство было возбуждено не даром.

В следующую среду, через два дня после нашего разговора, я бродил с Бисквитом под кровом Лошадиного рынка. Блузы, блузы, высокие фуражки и опять блузы, но ни единой женской юбки, ничего, кроме серых с яблоками мастей, бурых, караковых и светло-гнедых лошадей, жеребят и кобыл.

— Я ведь говорил вам, м-сье Менар, что теперь совсем не то. Все очень изменилось. Прежде здесь был также и рынок мужчин, и богатые дамы, тоскующие по любви, приходили сюда для ремонта. Но женщины больше не любят мужчин, м-сье Менар. Они предпочитают теперь вступать в брак друг с другом. В заведениях они живут, как мужья с женами. И все это потому, что между парнями встречаются ужасные выжиги и скандалисты; они постоянно бьют своих подруг. А таким образом женщины более спокойны; они делят пополам расходы и доходы, делают сбережения и, когда выходят из дома, то едут, как

богатые дамы, обедать вдвоем в Вилль-д'Аврэ или же на берег Марны, в Ножан. Они обедают в отдельном кабинете и во время десерта курят настоящие гаванские сигары, как маркизы. Каждая платит за себя, так что нет этого обирания, а позднее, если дружба продолжается, если характеры уживаются, можно надеяться со временем удалиться вдвоем и состариться вместе в маленькой вилле с беседкой и садом в Аньере или в Коломбе, как честные женщины, как рантье, принимая у себя лучшее общество... Вот к чему все они стремятся, м-сье Менар. Не досадно ли это? Да! теперь плохое время для мужчин. Между тем, здесь есть красивые парни. Посмотрите-ка на эти бычачьи шеи, эти плечи и эти усы. О! дамам есть из кого выбирать.

— В самом деле!

И, увидав высокого парня лет тридцати пяти, уже зрелого, но с таким правильным профилем, что невольно навязывалось сравнение с Аполлоном, но только с темными волосами, я спросил:

— Что это за субъект?

— Этот, — это целая история. Один из самых ловких торговцев лошадьми на улице Сент-Уэн. Он странным способом нажил свое состояние! Можно сказать, что ему стоило только нагнуться, чтобы взять его. Когда-то он занимался хорошими делами.

— Что вы хотите сказать?

— О! теперь он женат, отец семейства и ведет вполне корректный образ жизни. Он чуть было не попал на скамью подсудимых по одному уголовному делу, но одна «тетка» выручила его. Дело это наделало много шума в свое время. Он бывший борец.

Я стал смутно припоминать историю, которую мне начал рассказывать два дня тому назад Бодармон.

— Его зовут не Зидор?

— Да. Откуда вы знаете?

Я рассказал Бисквиту в кратких словах мой разговор с патроном.

— Черт побери! Это тот самый, — засмеялся лазутчик. — Он хотел повести Бодармона к своему приятелю. Это был венгерский художник из самого лучшего общества, и миллионер, м-сье Менар. Он занимался живописью для отвода глаз, на самом же деле наслаждался зрелищем голого тела. У него устраивались кутежи; мужчины и женщины ходили там голые, бывали также и римские оргии, черные мессы, да мало ли, что там еще было. Всю эту публику приводил к нему Зидор. Кутежи происходили в Пасси в одном особняке, который стоял среди больших садов. Соседи ровно ничего не могли видеть. Зидор мог ходить туда во всякое время дня и ночи... Однажды ночью, когда хозяина не было дома, он привел с собой «очистителей квартир», целую шайку жуликов, ловко лазающих по чердакам, и, когда хозяин вернулся домой, то нашел все перевернутым вверх дном: комнаты первого и второго этажей были очищены, как бутылка. Безделушки, картины, масса всевозможных старинных и бесполезных вещей, которые стоят безумных денег, вы знаете, те безделицы, за которые мы не дали бы десяти франков, между тем как богатые люди оспаривают их друг у друга и швыряют на них бешеные деньги; все это было собра-

но и отправлено в главные склады к укрывателям, в Лондон.

Можете себе представить, как ругался венгерец. Он кричал, как хорек! Он подал в суд, нисколько не подозревая Зидора, а когда следствие обнаружило его причастие к этому делу, было уже слишком поздно: дело пошло своим порядком. Зидор не выдал других, но выболтал все судебному следователю. Он рассказал, как он позировал художнику и что делал тот с ним в промежутках. Венгерец был вызван в суд и другие также, так как не он один принимал участие в этих кутежах. Бывали там также и другие приглашенные мужчины и женщины из высшего света, которые хохотали, как безумные, глядя на этих голых людей. Словом, венгерец взял свою жалобу обратно. Были пущены в ход разные влияния, просьбы и т. д. Слишком многие могли быть скомпрометированы в этом деле и все люди с громкими именами. В конце концов был приказ приостановить следствие и Зидор поплатился за это только тремя месяцами предварительного заключения. Пострадали при этом еще укрыватели, так как разыскали две трети вещей, спрятанных в их складах. Это была месть одного из парней, которого эти господа прижали к стене и вынудили уступить им вещи почти даром. Не мешает, чтоб иногда и овцы кусали волков. Зидор украл при этом двести тысяч франков, что и позволило ему сделаться торговцем лошадьми и честным человеком.

— Что вы тут делаете, м-сье Менар? Вы разве торгуете теперь лошадьми?

Широкая рука опустилась на мое плечо. Я обернулся и увидел красное и сияющее лицо Изидора Ледрю, содержателя дома в Сен-Валери.

— Сколько Зидоров! Вы являетесь как раз вовремя, патрон, мы только что говорили о другом.

— Зидоре-борце?

— Или «очистителе комнат», — не смог я удержаться и улыбнулся.

— Вы также знаете, м-сье Менар? Вам попадет, смотрите! Он не любит, чтобы ему напоминали об этом. Да! ловко сыграл он свою игру. Он имел все козыри в руках, да и хорошо сделал.

Я не мог удержаться, чтобы не рассмеяться. Эта мораль патрона закрытого заведения, одобряющего использование пороков представителей капитала в пользу публичных женщин и жуликов, всегда ласкала мои инстинкты анархиста.

— А Филибер, — спросил меня Зидор, — давно вы не видали его?

Я рассказал ему в нескольких словах все, что знал о нем.

— Да, дела его плохи. В Париже ему теперь будет трудно что-нибудь сделать, — вздохнул толстый патрон, — он вооружил против себя Мома-Ужасного. Это для него опасно. Вы теперь также примкнули к нашей компании, м-сье Менар? Вы знаете Бисквита? Нет более ловкого парня.

Я рассказал ему, как познакомил меня Бодармон с лазутчиком. Сказал ему также, зачем я пришел на бульвар Опиталь.

— А! я вижу, что этот мир все еще интересуется вами. Вы чувствуете слабость к искательницам любви. В прежние времена они приходили сюда целыми толпами. Теперь совсем не то. В наше время все они идут венчаться на бабий рынок.

— Это самое я говорил м-сье Менару, — поддержал его Бисквит.

Но Изидор ударил вдруг себя в голову.

— Есть там одна, — сказал он, — в беседке, в самом конце двора, у выхода на бульвар Сен-Марсель. Она не особенно-то красива, но это именно то, что вы ищете: Фанни Мирэт дю Жубер.

— Фанни! — воскликнул Бисквит. — Она еще не забыла, чего ей стоили ее любовники? Мало, видно, обирали ее мужчины!

— Но что же делать? Это сильнее ее. Она должна любить, покровительствовать кому-нибудь. Она сейчас угощает там Ненеста Гамелина и Гро-Нэ из Монтрона. Идите туда потихоньку, я сейчас приду к вам.

И содержатель подошел снова к группе синих блуз, горячо споривших о чем-то.

Мы с Бисквитом направились к указанному нам месту. Там, на той же площадке, на которую выводили лошадей, сидела девица в почти голой беседке из деревьев, перед литром вина, поставленным на стол.

Затянутая в черное платье, украшенное стеклярусом, в белой нижней юбке, с большим лиловым бантом на плече и в шляпе за двадцать два франка на жирных волосах, Фанни Мирэт ударяла по полу кончиком своего зонтика и, вся красная, слушала, что говорил ей, почти у самого ее носа, здоровенный барышник, сидевший с ней за столом.

Скользнув потихоньку своим коленом между ее ногами, он придвигался все ближе и ближе при каждом слове и объяснялся с ней со странным выражением в лице; помутившиеся глаза его были направлены на цепочку от часов и на жалкие бриллианты Фанни.

— О! я знаю, что ты хорошая девушка. Ведь это ты жила с Биби с Двух Мельниц! Он часто рассказывал мне о тебе. Ты жила с ним два года, а потом у вас начались разные неприятности; я знаю это, он вел себя, как свинья. Ты бросила его, и хорошо сделала.

И, так как она все время молчала, опустив ресницы, человек этот придвинулся всем своим корпусом к ней и кончик его усов щекотал край ее уха.

— О! ты знаешь, я не скандалист. Я умею жить. Я никогда не переступлю порога твоего дома... У меня уже была женщина из заведения...

Невеста очнулась и с беспокойством в голосе спросила:

— Она бросила тебя?

— Нет. Она умерла.

И человек сделал движение, словно желая утереть слезу в углу своего сухого глаза.

— Я очень уважал ее, это была хорошая девушка... в таком же роде, как ты... Ты на нее похожа, право, но ты моложе... Честное слово, я вдов и свободен, как ветер. Если ты хочешь, я согласен. И потом, как хорошо я умею петь песни!.. Да вот, спрости у Нарцисса. Эй! Нарцисс! выпей стаканчик!

И он окликнул другую длинную блузу, которая проходила мимо:

— Эй! иди же! Ведь мадам угощает. Иди, я представлю тебя мадам.

Смущенная девица подняла испытующий взгляд на вновь пришедшего.

— Красивый ведь парень, а? — спросил кавалер. — Посмотрите-ка на эту

грудь! — и он ударил подошедшего по плечу. — И также свободен!.. Мы все вдовцы теперь на Лошадином рынке... Если Нарцисс нравится тебе, я отступаю, он мой приятель. Я ревную только потом. О! я добрый парень.

— Не слушай его, это бывший мясник. Он отправит тебя на бойню.

Это был Изидор Ледрю, который вошел в беседку.

Испуганная девица сделала движение, чтобы встать.

— Что за шутки! — заворчал человек в синей блузе. — Когда торгуют мясом, как ты, то не ругают бойню.

— Ладно, не кипятись, охотник, я даю вам обоим мое благословение. Когда же свадьба? Я беру на себя справить помолвку. Человек! Два литра белого!

Но сконфуженная девица хотела уйти. Она, из вежливости, едва прикоснулась губами к вину и встала, сопровождаемая барышником.

— Каковы манеры! — воскликнул Изидор Ледрю. — Вот уже двадцать лет, как она таскается из дома в дом. Я знал ее, когда у нее не было ничего; деньги же ее, это те, которые пожелали оставить ей сутенеры, так как мадам ведь очень страстная особа. Ей около сорока лет, да это сразу и видно и, без сомнения, парни соглашаются не из-за ее прекрасных глаз.

И, налив себе, в виде протеста, третий стакан вина, патрон обратился ко мне:

— Так как вы интересуетесь этими дамами, м-сье Жак, то велите свести себя к Адель, в маленькую пивную на улице Ловендаль, за Военной школой. Вы там увидите много интересного. Если вы хотите видеть что-нибудь необыкновенное, то Адель стоит посмотреть. Разбитная девка! и нашла ведь хороший выход. Бывшая девица заведений; она была четыре года у меня в доме. Она держит пивную, где служат женщины, и торгует также мужчинами. Ты, конечно, знаешь, где это, Бисквит?

— Еще бы мне не знать, но меня-то там мало знают.

— Тогда я проведу вас туда, м-сье Менар. Адель и моя милость, это все равно, что отец и дочь. Вас примут там, как у меня.

Содержатель посмотрел на часы:

— Я освобожусь только через час. Хотите подождать меня в кафе при входе в Ботанический сад? Вам будет там удобнее, чем здесь. Мы доедем туда на извозчике в двадцать минут. Вы свой человек, м-сье Жак, я хочу, чтоб вы посмотрели на это.

XX

Родная мельница

— Очень нужно откармливать субъекта, который плюет на тебя и изменяет тебе на каждом углу. Это какой-то матрац; не могу я понять, как могла ты втюриться так в этого кота!

— Ну вот, уж и втюриться! — откликнулась другая девица, развалившаяся на мраморном столике. — Я вовсе не могу сказать, что люблю его так, как любила Шарло, но я постоянно хочу его; я люблю его тело, его кожа, — совсем кожа женщины, знаешь, Мария? И потом, что и говорить: он умеет болтать; вот балаболка-то! Если б ты только знала, как он владеет своей трубой!..

— Кожа женщины, языком владеет, как трубач... уж лучше б тебе было оставаться с Бертой. Она ведь тебя очень любила!

Девица, к которой обращались эти слова, быстро подняла свое наштукатуренное лицо с намазанными углем бровями, с волосами, скрученными на голове в виде тиары:

— О, нет! — сказала она. — Только не это. Это мне противно, меня просто тошнит; этого я больше не могу выносить; и потом, ты знаешь, Мария, мне надоело работать день и ночь, удовлетворяя клиентуру для того, чтобы снова начать то же самое с Бертой. Чего мне хочется и что я решила себе позволить, даже если это будет мне дорого стоить, так это вот что: я хочу иметь мужчину, который любил бы меня попросту, без затей, который не требовал бы от меня этой грязной работы с клиентами: я не любительница этого утонченного разврата. Недаром я родилась в Мортани; нет, я не парижанка и я горжусь этим.

Подруга говорившей, встав и укрепив усталым жестом целое сооружение своей высокой прически, заметила:

— Мария, ты издохнешь на соломе. С тобой ничего не поделаешь!

И надтреснутым голосом, которому она старалась придать сентиментальный оттенок, она запела:

*J'ai rêvé de t'aimer parmi des fleurs étranges!**

— Какая масса клиентов! Удивительно, так и сыплет сегодня пятифранковыми монетами! Уф! Кто сыграет со мной партию мантильи? Вы кончили там, эй?

И Мария, прозванная Фанфан-Фиалкой, уселась в углу, рядом с двумя девицами, занявшими столик с унтер-офицером.

— Дай мне местечко, Леа!

Это происходило в длинном узком зале маленькой брассери, с подделанными под средневековый стиль окнами, вблизи Военной школы. Маленькая узкая дверь выходила на улицу; над дверью этой был железный узорчатый выступ, изображавший ветряную мельницу с крыльями, раскрашенными красной краской. Узкая жестяная вывеска была прикреплена криво-косо между узорами и возвещала готическими буквами: «Родная мельница».

Зал, заставленный лавочками, обитыми желтой кожей, углублялся узким коридором до самой стеклянной двери с красными занавесками. Искусственная зелень из Фландрии синела на стенах; голландская медная люстра на разрисованном потолке, дававшем иллюзию бревенчатого потолка, маленькие дешевые венецианские зеркала, повешенные здесь и там над плинтусом из

* Мечтаю любить тебя среди странных цветов (фр.).

старого дуба, столики Louis XIII с винтообразными ножками выдавали претензии на изящество хозяйки дома. Видно было, что хозяйка не поскупилась.

Зал был уютный; прохладный летом, теплый зимой, он был снабжен мнимым комфортом и приятной тенью. Это была скорее не пивная, а гостиная, не гостиная, а какой-то интимный будуар. Средневековый стиль его импонировал, предписывал даже почти молчание: к несчастью, запах аниса и абсента, острота пива, пепел сигар и влажность женских корсажей, все это примешивалось неприятно к сильному запаху бараньей кожи и солдатского сукна. Чувствовался также в воздухе едва уловимый намек на выветрившийся приторный велютин и прогоркшие краски. Это была в то же время атмосфера казармы и дома терпимости. Дамы, которых было четыре, для привлечения клиентов были одеты в костюмы средневековых развратниц. На волосах этих четырех Дульциней из Тобозо, превращенных в белокурые посредством раствора кислорода, в рыжие — посредством лавзонии, или же блестевших, благодаря помаде, переливались ряды фальшивых жемчугов, украшавших их грандиозные прически и чепчики в стиле Ренессанс; цветные бархатные корсажи, рукава с разрезами до самых локтей, несвежие воротнички дополняли этот карнавал.

Принцессы — до пояса, но служанки пивной с пупка, благодаря коротким юбкам, фартуку и сумке для денег, эти четыре маски откликались на имена Агнессы, Жизель и Иоланда. Так пожелала хозяйка дома. Мария, прозванная Фанфан-Фиалка, одна запротестовала. Упрямая, как мул, она восстала против названия ее Элоизой, которое хотела навязать ей хозяйка, m-me Адель.

— Элоиза! — сказала она. — Я предпочитаю уйти отсюда. Элоиза! У меня не такая рожа, чтобы в нее влюблялись Абеяры! Одним этим можно отвадить клиентов!

Но m-me Адель настаивала, предлагая ей выбрать между Розамундой и Ализон.

— Вот уж двенадцать лет, как я работаю под именем Фанфан, — ответила девушка. — Все привыкли к этому имени и я не желаю менять его в мои лета. Это может смутить клиентов!

И m-me Адель должна была уступить, так как Фанфан-Фиалка была, может быть, единственная из ее пансионеров, которая действительно привлекала кой-кого. Все остальные между собой называли себя также по своим настоящим именам.

— Подвинься, Леа, — и Мария уселась на скамейку. Другие женщины потеснились немного к драгуну.

— Послушай, Родье, — обратилась к нему рыжая девица, откликнувшаяся на имя Иоланды, — разве Кутан сегодня дежурит?

— Дежурит? Он уехал в отпуск.

— Черт! — прыснула девица. — А старичок-то с орденом придет сегодня в семь часов. Он еще вчера написал хозяйке.

— Он может убраться вон! Черви, черви, тrefы и пики, мне все остальное! В данную минуту Кутан, по крайней мере, подъезжает к Авиньону.

— В отпуск! — воскликнула блондинка, окрещенная именем Агнессы. — А не-

деля домашнего ареста?

— Экая невидаль! Кутан плюет на старика. Подумаешь, клиент, который платит десять франков.

— Прекрасно! Вот история-то будет сегодня вечером, — смеялась Леа, прозванная Жизель.

— Как сейчас слышу я его жеманный голос и вижу его перчатки *gris-perle**, его болтающиеся руки, будто он собирается куда-то лететь, и его каблуки *Louis XV*. «М-ме Адель, это недопустимо; в третий раз я прихожу зря, я пойду в другое место, очень сожалею об этом. Такого человека, как я, не беспокоят даром».

И вся компания покатывалась со смеху.

— Послушай, Родье, — спросила внушительно Леа, — почему ты не соглашаешься на это? Тебя старик любит; для тебя бы, пожалуй, он дошел и до двадцати франков.

— Посмотри хорошенько на меня, — ворчал унтер-офицер, — ты видишь, у меня галуны, я больше не исполняю грязной работы.

— Будет тебе хитрить, миленький, — посмеивалась Иоланда, прижимаясь грудью к куртке молодого человека, — ты проделывал это так же, как и другие; а твой русский... знаем мы, что вы там делали с ним!

— Мой русский? Во-первых, он мне платил сто франков, а во-вторых, он был красив. Я предпочитаю спать лучше с ним, чем с тобой!

— Будь повежливее, ты, тетка!

— Сволочь ты сама, у тебя отвратительная рожа, посмотри-ка на себя в зеркало.

— Ладно, вот новички.

Вошли два кирасира и ссора прекратилась. Это были два больших, здоровых деревенских парня, красные, неуклюжие и почти без бороды, с бледным пушком над верхней губой, едва намекающим на золотистые усы.

— Мне очень хочется засадить их под арест! — сказал унтер-офицер.

— Они пришли сюда в первый раз, не запугивай их! — заступились девицы.

Двое вошедших тяжело опустились на скамейку. Неуклюжие и смущенные, они вертели круглыми глазами, огорошенные всей этой обстановкой.

— Я пойду туда, — сказала Иоланда и под села к ним за стол. — Здравствуйте, толстяки, что вы будете пить? Вы пришли сюда за любовью, дети мои?

Новички молчали.

— Я вижу, что вы забыли ваши языки в казарме, — шутила девица. — Полно, не бойтесь, вы ждете кого-нибудь?

— Да, ждем, мы ждем тут кой-кого, — расхрабрился старший из двух.

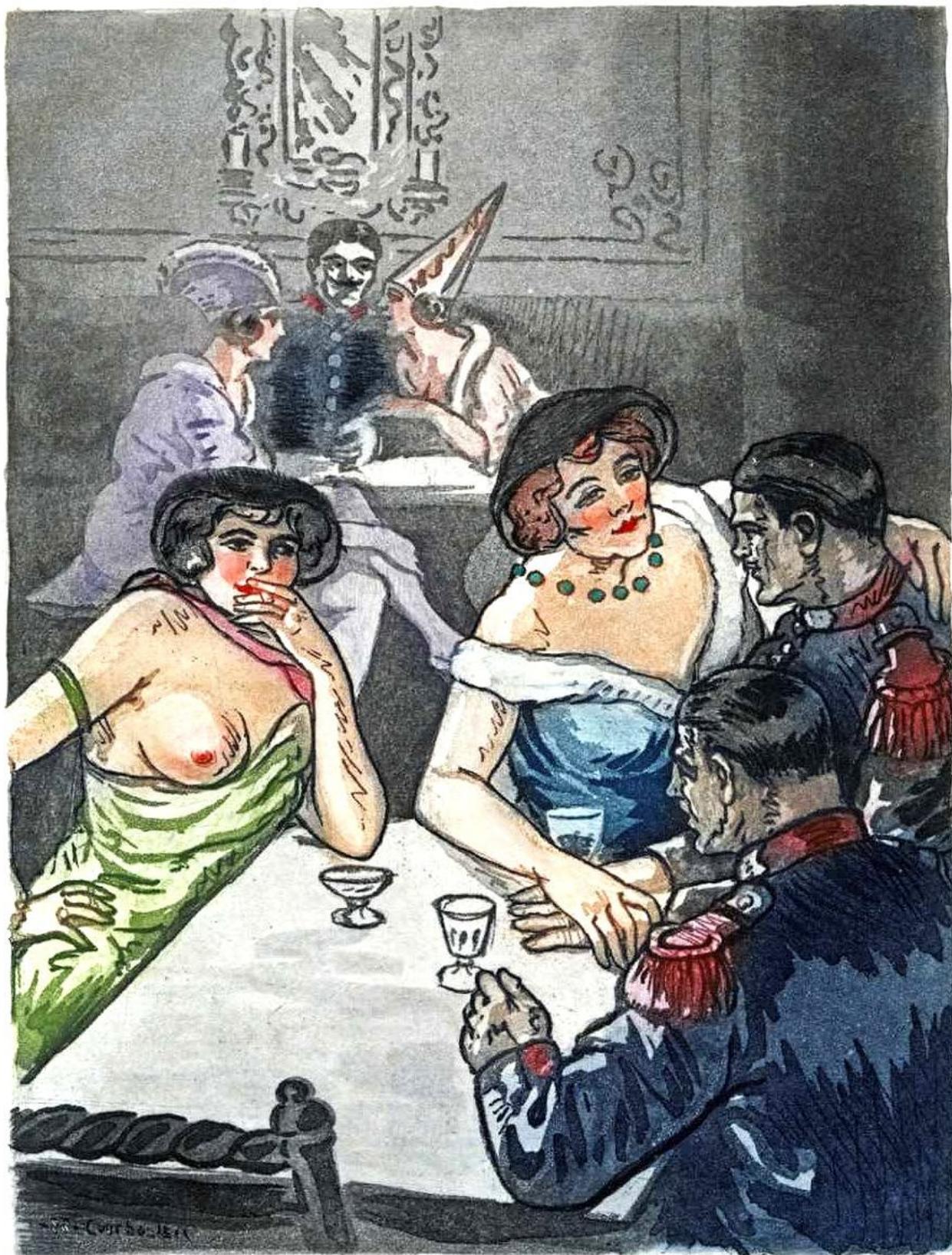
— Вот как! Кого же? Женщину?

— Нет, одного господина.

— Вы его знаете?

— Нет, мы его не знаем, он сказал нам прийти сюда, чтоб познакомиться с ним.

* Жемчужно-серые (*фр.*).

— Расскажите-ка мне это, друзья, — сказала заинтересованная девица и заговорила на их наречии, — вы ведь нормандцы? Я также нормандка.

— Да? Значит, вы наша землячка; тем лучше!

— И я вам буду заменять мать, мои милые мальчики, до тех пор, пока вы не дождетесь вашей «тетки».

— У нас здесь нет тетки, мадам.

— Это ничего. Здесь как в семье. Вы видели вывеску дома: «Родная мельница?» Я велю подать вам мяты. Ваш господин велел вам выпить мяты, ведь да?

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю все, я и себе велю подать мяты, мы чокнемся. Как тебя зовут, тебя, кудрявый толстяк?

— Жермен.

— Итак! Жермен, я буду твоей Жерменой.

И девица поцеловала парня прямо в его толстые губы.

— Эй! Иоланда, не посвящай его слишком скоро, — кричали с другого конца залы Агнесса и Жизель. — Мы придем после тебя, если еще что-нибудь останется.

Два кирасира, успокоенные, исповедовались теперь Иоланде. Иоланда сняла с них каски. Жермен служил работником на чужой ферме; Маклу был кузнецом. Оба они были из одной деревни и около двух месяцев служили в полку. Накануне, когда они шли на проверку, Маклу заметил, что какой-то человек шел за ними с самого Альмского моста.

Это был маленький толстенький господин с нафабранными усами и в пенсне; солдаты подумали, что это офицер в штатском платье и что что-нибудь у них неисправно; они инстинктивно вытянулись перед ним в струнку.

— Он засадит нас под арест, — шептал Жермен, — я уверен, что грива моей каски на боку.

И Маклу, испуганный:

— А может быть, это из-за моих шпор?

Оба дрожали от страха, когда господин подошел к ним, предложил им сигаретки и справился, долго ли им осталось еще служить.

— Мы только что поступили на службу, — ответил Жермен, на что незнакомец, сделавшись вдруг очень любезным, заявил им, что очень интересуется молодыми солдатами, что служба их тяжелая, особенно вначале. Он оказался также нормандцем, как и они, и хотел помочь им своими советами и своим опытом; он сказал, что знает некоторых офицеров их полка и скажет за них словечко, если понадобится. Оба новичка слушали его, остолбеневшие. Господин в пенсне взял с них обещание встретиться еще раз и назначил им свидание в «Родной мельнице». Так как они не знали этого учреждения, он дал им записку, где указал номер дома и название улицы; затем, когда с ними поравнялся офицер в форме, незнакомец вдруг убежал и исчез в темноте, дав им каждому по монете в десять су.

— Ну, конечно, — захохотала Иоланда. — Слышите вы, там? Десять су, а! Не забавно ли это!

— Пенсне, черные усы, с животиком!.. — кричала Адель со своего места, — а что, не прихрамывал ли он слегка?

— Правда, хромал он, Маклу, а?

— Я думаю, что он как будто хромал!

— Хромал! Так это он, — подхватила Жизель, — я готова была держать пари, что это Роберт!

— Роберт, мой милый, — ломалась Иоланда, перевернув резким движением ладонь своей руки и желая изобразить старика.

— Вот кого хотелось бы мне засадить, — ворчал унтер-офицер. — И не боится, каналья, таскаться по этому кварталу. Он ведь тут на примете. Если он прилетит сюда, я сверну ему шею. Он будет помнить меня.

И, охваченный вдруг плебейским гневом, драгун ударил кулаком по столу, да так, что все стаканы запрыгали.

— Послушай, Родье, не шуми так, — сказала ласково девица, названная Агнессой, — ты здесь не у себя. Можешь делать с ним все, что хочешь, в другом месте, но прошу тебя уважать этот дом.

— А эти два идиота... — воскликнул унтер-офицер, находившийся под влиянием абсента, — посмотрите-ка ради Христа на этих двух уродов! Что за болваны! Они даже не понимают, чего от них хотят. Ну, марш отсюда! Проваливайте, вас одурачили, вам здесь не место! Да улепетывайте поскорее!

И Родье, встав, сделал вид, что наступает на солдат.

— Родье, Родье, ты с ума сошел! — и три женщины повисли на нем. Испуганные кирасиры встали, неловко поправляя свои каски на голове и запутавшись в ножнах сабель и в поясных шнурах.

Извозчик остановился около пивной, маленькая дверца раскрылась.

Это были мы трое, Изидор, Бисквит и я; мы высаживались. Наше появление прекратило ссору.

— Клиенты! клиенты! — шептали девицы и пошли улыбки, гримасы и подмигиванья; унтер-офицер инстинктивно выпрямился и стал крутить усы; кирасиры уселись снова с глупым видом.

— Чем могу вам служить, господа? Что вы будете пить? — спросила нас Жизель самым сладким голоском.

Облокотившись двумя руками на стол и выпятив грудь вперед, она смотрела на нас снизу вверх и облизывала языком свои намазанные губы с лукавым и хищным видом.

— Ты нам подашь в японскую гостиную, милашка, — да разве ты не знаешь меня? Разве похож я на клиента? Поди, предупреди хозяйку.

— Да это Зидор, — закричали, хлопая в ладоши, Агнесса и Мария Фанфан.

— Да, это я, Говядина, торговец мясом и нервами также, — и он ущипнул за подбородок Фанфан, сделав притом циничный жест рукой.

— А! это ты, Родье? — воскликнул он, проходя мимо стола унтер-офицера, — ты теперь дежуришь с дамами в зале, ожидая клиентов?

— М-сье Зидор!

— О! нет плохого ремесла, только бы оно оплачивалось. Главное — получать деньги.

— Всегда шутит, этот Зидор.
Патрон имел большой успех у девиц. Они все терлись своими грудями около его блузы и дышали ему в его короткий затылок барышника.
— Все только и ухаживают за ним, — ворчал Родье.
— А хозяйка, что она там делает? — спросил толстяк. — Она еще дрыхнет? Не может быть, чтоб она храпела до сих пор после ночной работы.
— Эй! Адель, Адель! — и он взялся за ручку двери, которая была в конце зала.
— Мадам Адель, мадам Адель! — кричали хором Агнесса и Мария Фанфан. Дверь открылась и на пороге показалась толстая матрона.
— Что тут за шум?! Надеюсь, мы не горим? А! это ты, Зидор? Входи же.
— Мои друзья, — сказал патрон, указывая ей на Бисквита и меня.
— Очень приятно, господа. Пожалуйста, войдите, — и, сделавшись вдруг церемонной, настоящей светской дамой, m-me Адель исчезла в глубоком придворном реверансе.

XXI

Мадам Адель

Мадам Адель была толстой брюнеткой лет сорока с громадным задом и бюстом; ее узкие глаза и почти отсутствующий профиль плавали в жире. Слишком ярко намазанные щеки нисколько не оживляли бледности ее лица. Насурмленные брови, жирные от помады волосы и свиные щеки ее красного лица делали из нее законченный тип «хозяйки».

Ее слишком короткие руки выглядывали, как крылышки, из лилового шелкового пеньюара; она устроилась всей своей развалившейся персоной между подушками Либерти на диване и разыгрывала теперь из себя светскую хозяйку будуара.

— «Японский салон», — сказал Изидор.

Нечто похожее на какомоно и веера из Иедо, весь хлам дешевых базаров украшал собой стены, неизбежно обтянутые красной материей. На потолке красные шерстяные рыбы, попавшиеся в сеть, вносили морской элемент в декорацию комнаты. M-me Адель почерпнула свое вдохновение в музее Гревен; она обязана была этими рыбами и этой сетью нише Сары Бернар. Ее долго преследовал образ восковой куклы трагической актрисы, небрежно лежащей среди шелковых тканей Востока, в каком-то призрачном хаосе бронзовых аистов, густой массы орхидей, смирнских ковров, плюшевых занавесок, бубнов, орлов, набитых соломой, индийских стеклянных изделий и японских рыб, плавающих меж клеток большой рыбацьеи сети, отяжелевшей от водорослей и водяных лилий.

Мрачность этой восковой куклы, опутанной волною белой ткани и показы-

вающей из-под желтого шелкового руна жуткую пустоту двух стеклянных глаз, показалась m-me Адель верхом искусства. Эта толстая Масетт* имела претензии на эстетику. Она долго жила в Тулоне и выставлялась там в «Фламбояне». Один морской офицер, безумно влюбившийся в нее настоящей животной страстью, одно время даже взял ее из этого заведения; она вернулась туда снова после, впрочем, трагического окончания этой идиллии. Офицер, одурманенный опиумом, застрелился из-за неверности публичной девицы и, окруженная ореолом благодаря пролитой крови любовника, Адель (тогда ее звали Аделиной), была вновь приглашена помощницей хозяйки на условиях, лестных для гордости женщины.

После знакомства с моряками, у Адель сохранился вкус к экзотическому и любовь ко всевозможным украшениям, которые она почерпнула во временной, незатейливой обстановке ее морских любовников, возвращавшихся с Дальнего Востока. Как все девицы военных портов, Адель постоянно вертелась среди курений опиума, которые мичманы и гардемарины импровизируют в своих холостых меблированных комнатах. Китайские ковры, мелкие безделушки из Аннама, индийские доспехи, камбоджийские идола и шелковые ткани из Японии быстро превращают жалкую меблированную комнату Тулона и Бреста в нечто похожее на святилище. Воспоминаниям, пробужденным Сарой Бернар из музея Гревен, была обязана «Родная мельница» японским будуаром, в котором мы теперь находились.

Толстая матрона принимала нас, угощая ликерами с островов. M-me Адель любила только сладкое. Это была смесь мараскина и крем-де-какао, которая приводила в недоумение Изидора, но содержатель не хотел противоречить своей бывшей пансионерке, думая лишь о том, как бы заставить ее говорить и развлечь нас ее рассказами.

Размягченная уже предшествующей выпивкой (m-me Адель соединяла в себе вкус к горьким и возбуждающим аппетит напиткам и страсть к сладким ликерам), хозяйка не заставила себя долго просить. Сначала пошли жалобы на тяжелые времена и трудность ремесла.

— Все дома банкротятся. Может быть, в провинции еще лучше, но в Париже только и можно сводить концы с концами. Хоть прикрывай.

И Адель перечислила заведения, некогда процветавшие, дома первого разряда и с прочно установленной репутацией, недвижимое имущество которых теперь сдавалось за отсутствием женщин. Прежде всего, теперешние мужчины не шли больше в публичные дома; страсть к спорту убила любовь.

— На что, по вашему, годится человек, сделавший двадцать лье на велосипеде или же побивший рекорд скорости в сто двадцать километров в час на автомобиле? Изнуренные, опустошенные, с мозгами, ушедшими в пятки, вот каковы все эти пожиратели километров. А когда они слезают со своих машин, они ни к черту не годны. Если у них есть сто су в кармане, они идут тратить их в бани. Вот еще учреждения, которые следовало бы прикрыть за безобразия,

* Тип грешницы во французской литературе (*Прим. пер.*).

которые там творятся.

Она-то уж это хорошо знает, благодаря своей специальной клиентуре. Ипподромы и автомобильные гаражи опустошили публичные дома; все эти бегуны и шоферы, лишенные любви, имеют только одну заботу, — укрепить свои мускулы. Они предпочитают идти потеть в бани Гаммама, чем прийти полазгать женщину, не говоря уже о тех, которые все отдают массирующим их банщикам. И m-me Адель подчеркнула это слово, сопровождая его двусмысленным подмигиваньем.

— И потом, видите ли, — и толстая женщина оживилась; бледные щеки ее вдруг вспыхнули, — все это ошибка полиции. Зачем терпит она всю эту прислугу, которая приманивает мужчин и создает конкуренцию нам, хозяйкам заведений; это просто шайка шлюх, которые приезжают с родины искать мест... Места, знаем мы это, они молят Бога, чтоб не найти никакого места в конторах, и в это время охотятся за мужчинами; а мужчины ведь так глупы! Они всегда воображают, что лишили невинности девственницу (девственницу из Бельвилля). Клиент же знает, что ему стоят лекарства после этих маленьких любовных приключений! Почему нравы не преследуют так же ожесточенно эту ходячую заразу? Нас ведь они не щадят. Забрать бы всю эту сволочь да отправить на набережную Орлож! Они заражают целую страну и вырывают у вас изо рта кусок хлеба, и все это приходит к нам из провинции, m-сье: в те вечера, когда на них устраивают облаву, на сто женщин не приходится и двадцати парижанок. Вот где настоящая холера для всех нас: уличная жизнь и шлюхи уличных кафе. Да! кончены наши хорошие деньки! Прежде, самая большая торговля была по праздникам и воскресеньям. Теперь же все парни удирают за город, а те, которые остаются в Париже, не идут к нам! В них влюбляются за их прекрасные глаза разные дуры, которые отдают им все... и даже деньги.

О! эти девки берутся снабжать даже постели Юга. Прежде, например, в Новый год и 14 июля мы прямо загребали золото. Ты ведь помнишь, Изидор, тогда-то я и была на Тронной площади. Мы надевали даже все три дня, которые продолжался праздник, подвязки трех цветов, а также трехцветные ленточки на наши рубашки, пышный бант на плечо и другой бант между грудями. Этим мы отдавали дань республике, а как нравилось это клиентам; тогда ведь во Франции были патриоты и я видела, как сильно клиенты возбуждались национальным цветом; они поднимали нам юбки и кричали: «Да здравствует армия!..» А в день похорон Виктора Гюго у нас кипела работа; весь город был на улице. Сколько народа шло в заведения!.. Мы все надели креповые банты на застежки наших подвязок. Надо же было почтить память такого гения, как Виктор Гюго. О! теперь я не открыла бы пивную около военной школы, а между тем, это еще единственный квартал, который приносит хоть какой-нибудь доход. Я стою за кокарду, господу, я всегда чувствовала слабость к военной форме; я была сестрой матросам Тулона, а теперь стала матерью кирасирам.

О! Тулон! И m-me Адель стала перебирать воспоминания об эскадре Тулона, вспомнила заразительную веселость его улиц, напоминающую детскую, шумную, оживленную толпу школьников, выпущенных из стен учебных заведений, Тулон и его безумное веселье с прыжками и смеющимися глазами отпу-

ценных в отпуск матросов.

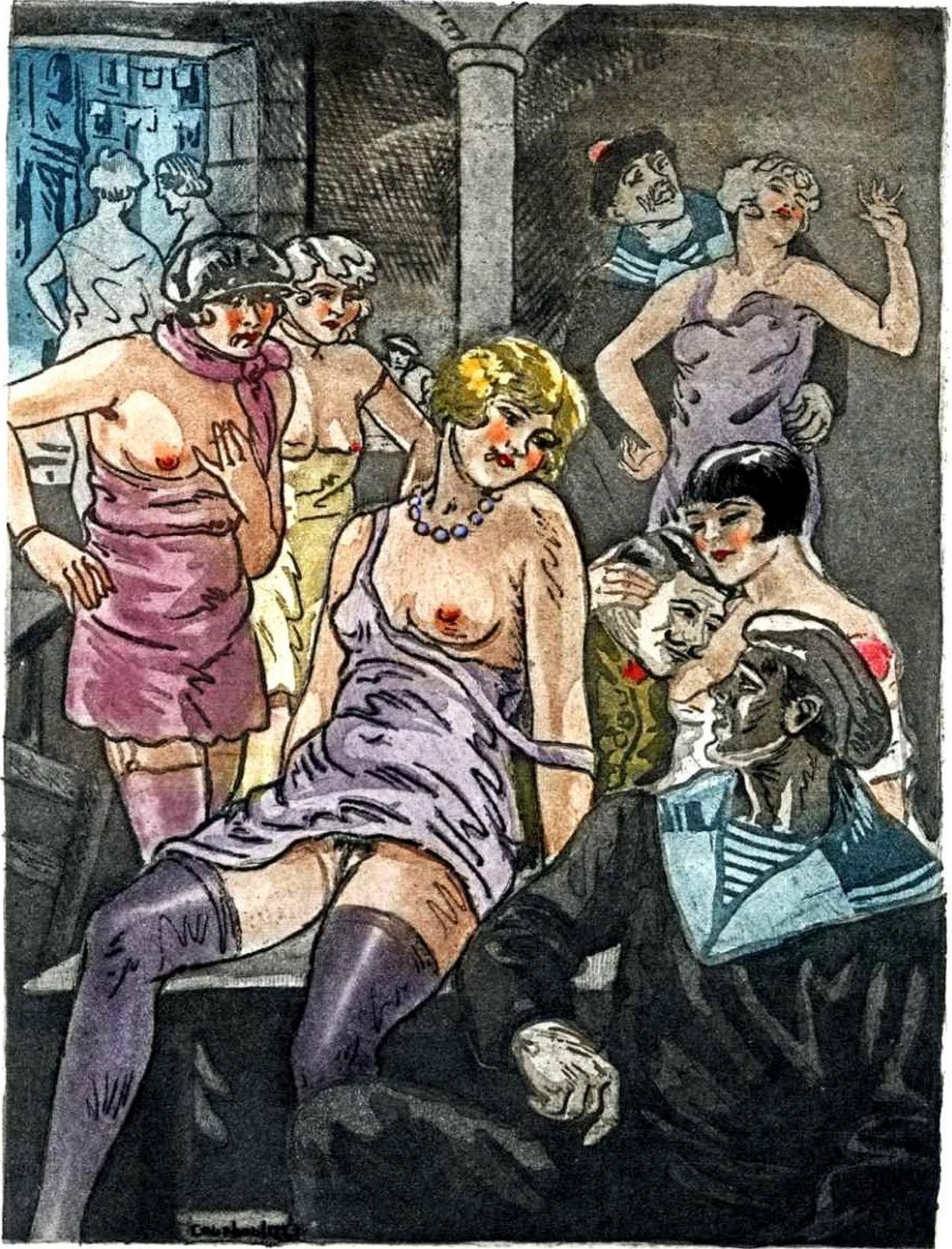
Глаза хозяйки стали вдруг снова почти молодыми под ее увядшими веками: девица вызвала в памяти легендарный Шапо-Руж и суетню этих улиц, известных всему югу и всей морской Европе.

— Шапо-Руж! Как часто следила я за приливом бушующей волны любви и радости эскадры и казармы!

И в то время, как *m-me* Адель остановилась на отрывочных и смешных рассказах о разных случайных встречах и приключениях, ночных безобразиях и идиллиях в барах, на именах улиц, которые она упоминала и где она таскалась из дома в дом: улица Траверс-Лиретт, улица Траверс-Марсово-Поле, площадь Паве д'Амур и улица Визитацион, я вызывал в памяти лабиринт этих смрадных переулков и тупиков, где карманы бретонских матросов опустошаются и содержимое их переходит в бумажные розовые пеньюары проституток самого низкого разбора... Квартал Шапо-Руж, его прерывающаяся вереница публичных домов, его жирные, грязные канавы и среди темноты узких и выступающих на улицу жилых помещений пламя газа, зеркал и никелированного металла баров, бары, открытые, как рынки, бары красные, как пожары, их кипение военными мундирами и женскими тряпками, их запах мускуса и анисета, вермута и красок, бары, оглашаемые воплями пьяниц, лязгом сабель, криками истеричных женщин и шумом разбиваемых стаканов, бары, лупанары матросов, любовные салоны солдат, растерзанных и шумных.

В одном из этих баров танцевали под гармонику. Между приемом двух гостей, пансионерки кружились, как волчки, в объятиях кавалеров, в вальсе, в польке, которые оплачивались десятью сантимами и, протанцевав танец, купленный кавалером, девица возвращалась и усаживалась за столик среди посетителей, пьющих пиво и лимонад и стерегла у большого, открытого на вонючую улицу окна приход нового клиента... Они танцевали так же, как пили, по профессиональной обязанности, для того, чтобы удовлетворить вкусам клиентуры, никого не обидеть, и для того, чтобы привлекать публику. Марсельские матросы танцевали друг с другом для удовольствия, и было чисто физическим наслаждением следить за движением их ног; этот вальс, который они танцевали почти ходя, прославился уже в кабаках Ниццы и Марселя, — вальс моко, в котором танцоры, близко соединившись друг с другом, принимают очень курьезное положение благодаря согнутым коленям, подчеркнутое еще более качанием всего корпуса. Со сложенными руками, с глазами совсем белыми, словно в гипнозе, бретонский матрос танцевал один; он имел вид молящегося; казалось, он преследовал какое-то видение и улыбался ангелам; он был в экстазе и совершенно пьян; лицо его было торжественное, озаренное великолепной бледностью — это было опьянение, напоминающее одухотворенные черты запрестольного образа... Чуть дальше, солдат колониальной пехоты стоял неподвижно, с опущенными веками и лицом, погруженным в корсаж девицы, охватив руками ее талию. Девица укачивала его машинально, с материнским видом, от времени до времени глядя его виски, и ждала, когда в нем заговорит желание.

Как движущийся калейдоскоп, *m-me* Адель вызывала теперь передо мной

уже далекие видения, но как печальны и отвратительны были воспоминания этой толстой и пошлой матроны, очутившейся теперь в двусмысленной пивной квартала Военной школы, этом специальном и укромном лупанаре, в котором продавались скорее клиенты, чем сами девицы.

Печальные идиллии публичных домов, где, благодаря фантазии и скучной жизни эскадры, распускается иногда голубой цветок идеала на навозной куче самой скверной и низкой проституции.

Монашеская жизнь, которую ведут моряки на военных судах, на этих обширных плавающих монастырях, развивает в них острую жажду ласки и экспансивности, вложенную во всех нас природой. Сойдя на землю, этот невольный подвижник мечтает о женщине, о жизни вдвоем, чего он бывает лишен в продолжение стольких месяцев; для бедняка, который не имеет ничего, кроме своей полочки, так же как для застенчивого и для новичка, неуклюжего и робкого, не умеющего завести знакомство, существует лупанар с его выставкой живого и прикрашенного товара; там матрос и выбирает женщину, бретонец же в особенности. Одиноким и далекий от своей родины, чувствующий себя как в ссылке на этом юге, он вновь находит в закрытых заведениях домашний очаг и семью; он выбирает ту скорее, чем другую, привлеченный ее хорошим приемом или же ее приветливой улыбкой; тогда он делается постоянным посетителем заведения и девицы, и, охваченный каким-то необъяснимым влечением души и тела по отношению к ней, он устраивается с ней, как муж с женой, любит и заботится об этом несчастном создании предпочтительно перед другими, без малейшей ревности к бедной жертве общественного темперамента.

И, в задумчивой грусти, я едва слышал, как m-me Адель рассказывала, с громким смехом, свое удивительное приключение с принцами крови в заведении на Берлинской улице, ее последнем этапе перед «Родной мельницей».

XXII

Воспоминания m-me Адель

— Я была тогда помощницей хозяйки на Берлинской улице; это был скорее дом зрелищ, чем учреждение для удовольствия. Клиентура мало занималась с девицами, она приходила, главным образом, чтобы смотреть, как занимаются с ними другие. Нас было там штук двадцать дам, отвечающих всевозможным типам красоты: была испанка, итальянка, гречанка, китайка, казачка, цыганка, японка, даже и негритянка, — каждая в costume своей нации, в костюмах скорее легких.

Это был, главным образом, дом искусства.

Там изучали пластические позы и устраивали живые картины.

M-me Адель, проникнутая достоинством дома, о котором рассказывала,

вдруг заговорила изысканным языком.

— Было там несколько человек мужчин, служивших при заведении. Есть ведь позы, которые требуют смешения полов. Это не были люди из общества, но и не то, что вы, может быть, предполагаете: парикмахеры без должности, прогоревшие борцы, акробаты без ангажемента и выгнанные шоферы; от них требовалась известного рода внешность. К несчастью, все эти люди были не блестящи и через неделю работы они становились непригодны к этому ремеслу. Всегда приходилось отказывать им. Мужчина сложен ведь не так, как женщина, и профессионалам клиентура всегда предпочитала незнакомцев, буржуев, встреченных на улице, случайных клиентов, ты понимаешь меня, Изидор?

— Еще бы, — откликнулся толстяк.

— Блаженные простаки, приведенные туда женщинами, которые им понравились, и не подозревающие даже того, что на них будут смотреть. То это был студент, то рабочий-кровельщик, то станционный агент (один из вокзалов был совсем рядом), приманенный туда одной из наших дам. Когда же не находили никого, то приводили посыльного с ближайшего угла, или же извозчика; но этим надо было платить, не говоря уже о том, что клиенты любили гораздо больше случайную публику, особенно же рабочий люд. Они так порочны, эти светские люди! Женщина, вся в шелку, и простой рабочий в бархатных панталонах, это доставляет им больше всего удовольствия. О! могу сказать, что в этом доме я нагляделась всего! Я видела, как русский князь позвал своих лакеев и велел им исполнять работу. Другой (мне сказали потом, что это был посланник Тюрингии) требовал, чтобы женщины были одеты, как мальчики, прислуживающие в церкви, а мужчина архиепископом, в кружевном стихаре, в лиловой шелковой ризе, с посохом в руке и митрой на голове; это тот самый, который любил, чтобы женщины были в это время совсем голые, с саблей, ударяющей по пяткам, и кирасирской каской на голове. Есть же сумасшедшие люди! Прежде всего, все богачи ненормальны! Они были бы чересчур счастливы, если б при их-то жизни они еще были вполне здоровы, а к нам приходили только богатые: подумайте, сорок франков за вход с персоны, двадцать для своих, постоянных посетителей, ни франком меньше, и дом был всегда полон публикой; сбор доходил до двух тысяч в вечер во время карнавала, а особенно в дни Grand-Prix. И сколько иностранцев приходило к нам, англичане, русские, итальянцы; все иностранные посольства!.. Самые крупные сборы бывали во время пребывания в Париже разных властителей. Я не скажу, чтоб приходили к нам коронованные особы; но я была бы рада, если б у меня было столько тысяч франков, сколько к нам приходило наследных принцев, камергеров, статс-секретарей, фельдмаршалов, офицеров и мадьяров! Прежде всего, дом наш значился в программе турне по Парижу принцев крови, этим уж все сказано, местье.

И m-me Адель обратилась ко мне:

— Спросите хоть Бисквита. Он водил многих туда; ни разу ни один иностранец с деньгами не уезжал из Парижа без того, чтоб не побывать у нас. А женщины, сколько к нам приходило женщин! И притом женщин светских, поверьте мне, а что касается кокоток, они бывали у нас все: кокотки квартала Мон-

со, весь Марбеф и вся улица дю Буа; но я говорю о настоящих великосветских дамах, герцогинях, маркизах и княгинях, и не только иностранки, но дамы «Фобура»*, как они сами называют себя, — одни со своими любовниками, другие со своими мужьями, так как были такие, которые приводили своих жен. Они приходили туда целыми компаниями, поужинав после театра, около двух часов ночи, и что за бриллианты были на них, что за плечи!.. Я видела в доме Тардра сорти-де-баль** ценою в двести луи! И что за дом, господа! Какая роскошь: зеленые растения на лестницах, прозрачные стеклянные ступеньки, освещенные снизу, и голубой ковер *Céladon*, снятый с модели в большом Трианоне, как говорила нам хозяйка; для избранных клиентов отводили комнату Марии-Антуанетты, да, господа, совсем такая же, как в Фонтенебло. В первый раз, как я вошла туда, я была поражена. Был там также зал Альгамбры, турецкий зал, весь в мозаике, который назывался «Дворцом Гренады»: почему, — я так и не узнала. Да! Можно сказать, что мы загребали золото лопатой в доме Тардра. Там я и сделала все свои сбережения, благодаря которым и устроилась здесь, так как, конечно, ведь не в Тулоне же я скопила деньги. Зидор, ты знаешь песенку:

Toulon, des gnons,
De l'oignon,
Mais pas de pognon***.

— Будь же прилична, Адель!

— А! Да молчи! Это делает меня на двадцать лет моложе. Словом, месье, если в моей жизни я и таскалась по скверным местам, то могу сказать, что на Берлинской улице я жила прямо в придворной атмосфере. У меня было там много случаев приблизиться к коронованным особам и, если я не сделала карьеры, то в этом виновата моя застенчивость, так как, однажды вечером, я держала в руках то счастье, которое может выдвинуть женщину и обеспечить ее будущее, но я не посмела.

— Нет, правда, Адель?

— Вот как это было!

И *m-me* Адель налила себе маленький стаканчик мараскина, который она смешала с крем-де-кафе.

— Однажды вечером, когда я была дежурная (я заменяла хозяйку), около нашего дома останавливается шикарный выезд и взволнованный швейцар бежит к нам и докладывает, что приехали принцы.

— Какие принцы? — спросил Бодармон.

— Какой ты осел! Да принцы крови, единственные, настоящие братья монгольского короля (монгольский король только что умер).

— Они в первом этаже, во «Дворце Гренады», рядом с комнатой королевы, — продолжал швейцар. — Их провели туда из-за их костюмов. Они напо-

* Фобур Сен-Жермен, где живет вся аристократия Парижа (*Прим. пер.*).

** Манто.

*** Тулон, задницы с лучком, но денег нет (*фр.*).

ловину турки.

— Да, это азиаты, — заметил хозяин, который кой-чему учился, — я пойду приму их. Что они желают? Конечно, посмотреть?

— Они пока ничего не сказали.

— Хорошо, я иду, — сказал патрон, который никогда не торопился. — Ты, моя милая, — и он обратился ко мне, — ты поди надень свое парадное платье, зеленое муаровое с кружевами. У тебя хороший бюст, турки любят это, и бриллианты, надень бриллианты хозяйки. Ключ у тебя, не правда ли?

— Надо вам сказать, что я пользовалась доверием: у меня были ключи от всего. Хозяйка уехала в Лурд на богомолье и я управляла домом; я бегу, живо одеваюсь и прихожу во «Дворец Гренады»; конечно, я стараюсь войти как можно эффектнее: поклоны, приседания, придворные реверансы. «Приветствую вас, господа, ваши величества, высочества», — пробормотала я. Это были два гиганта в длинных восточных костюмах из черного сукна, еврейского типа и очень красивые; у них были глаза газели и вьющиеся волосы, как шерсть у баранов, бриллианты на руках, ордена на груди, а на их меховых шапках были неподдельные эгреты; я была ослеплена. О! их можно было бы заметить даже в толпе, вид у них был: «не тронь меня», какого я еще ни у кого не видала. Они мне приветливо улыбнулись, а переводчик (с ними был проводник) шепнул мне на ухо:

— Не делайте авансов, они не любят женщин.

— Что? — спрашиваю я его.

— Они не любят женщин. Ну, понимаете? женщин! Они любят только девственниц, примите это к сведению, они пришли сюда посмотреть.

— Хорошо.

И, указав им маленькие окошечки в стенах (в «Зале Гренады» они были в арабесках), я гашу электричество и все мы четверо остаемся в комнате, — я между обоими принцами, но не смея коснуться их. Так заведено в доме: в салонах для зрителей никогда не оставляют мужчин одних; надо, чтобы всегда была там дама.

И вот началось представление. Тардр позаботился, чтобы группа была красивая, и действительно было недурно, но я видала это так часто. Там были только молоденькие и хорошенькие; патрон знал вкус своих монгольцев.

Братья короля приблизились ко мне, я слышала, как они фыркали от удовольствия в темноте. С глазами, устремленными на картину, они не упускали ничего из того, что видели; они дышали так порывисто и так шумно... как кузнечные меха. Тот, который был повыше, облокотился на меня. О! зрелище страшно волновало их. Хотя они и были братья короля, но королевское достоинство их было поколеблено. Переводчик подтолкнул меня локтем:

— Идите же, — сказал он мне, — я думаю, они созрели!

Но что-то словно парализовало меня: братья короля, короля, который только что умер!.. Словом, я сгруппировалась и, когда окончилась картина, электричество зажглось само собой и я осталась стоять между двумя принцами, красными от возбуждения, со странным выражением в глазах. Я не могла решиться.

Они велели подать свой экипаж, заплатили сколько следовало и приказа-

ли везти себя назад на набережную д'Орсе, где они остановились со своим гаремом, и, таким образом, я прозевала свое счастье.

От чего зависит иногда судьба женщины! Какая-нибудь нахалка не пропустила бы такого случая, а я, я привыкла уважать власти. Королевское достоинство, монархия, религия, правосудие — все это подрывает мою смелость; одни уж эти названия волнуют меня, как латинский язык в день конфирмации. О! я совсем не вольнодумка, я почитаю духовенство, я уважаю суд и люблю армию. Да здравствует Франция!

— Да, ты хорошая девушка, все это знают, но что это у тебя за шум, не режут ли уж они там друг друга?

Звон стаканов и разбитой посуды... и дверь с шумом раскрылась. Девушка кинулась к хозяйке:

— Мадам, мадам, м-сье Родье там все ломает, он пьян, как сапожник, он почти убил м-сье Роберта.

Крики женщин, брань пьяного мужчины, шум, драка, весь этот гвалт заставил нас вскочить с места.

— Я убью тебя, старая б...! — рычал Родье пьяным голосом.

— На помощь! Сюда! Приведите полицию, — выкрикивал фальцетом, икая и хрипя, человек, которого душили.

— Опять этот негодный Родье! — и м-ме Адель бросилась одним прыжком в зал; мы последовали за ней.

Иоланда, Агнесса и Жизель, три средневековые героини с жемчугами в гигантских прическах, вцепились ногтями и висели всею своею тяжестью на плечах драгунского унтер-офицера; Родье жадно наклонился над столом.

Маленький толстенький человечек бился на нем. Вытянувшись спиной на мраморе, он болтал судорожно своими двумя коротенькими ногами и бился, словно в агонии; крепкая рука держала его за горло,

Одной рукой Родье давил ему горло, а другой бил кулаком по лицу.

— Д..., тетка, гнилая падаль, губитель здоровья, читай молитву! — рычал вне себя унтер-офицер.

В свалке он сломал колечко у пояса и сабля била его по ногам. Три девушки, цепляясь за него, расстегнули нечаянно его куртку... и, растерзанный, с вылезшей из съехавших на бедра панталон развевающейся рубашкой, драгун с остервенением бил и душил свою жертву.

Онемевшие от испуга, оба кирасира следили за сценой, забившись в угол. Осколки блюдец и стаканов усеяли весь пол.

Почти лежа на скамейке, молодой человек небольшого роста, модный, в белом шелковом галстуке «Лавальер», с подведенными глазами и тонкими чертами лица, трясся, крича, как курица, и готов был упасть в обморок.

— Послушайте, Родье, — вступилась м-ме Адель и положила руку на плечо драгуна, — вы здесь не в казарме. Отпустите м-сье и прошу вас вести себя у меня в доме прилично.

— Ваш дом — зараза! Мне опротивел этот старикашка, зачем эта проклятая тетка делает мне глазки? Видеть не могу я эту свиную рожу, вот тебе, старый пес! — и он снова ударил кулаком по распухшему лицу клиента.

— Мадам Адель, — пищал несчастный старик, — я пожалуюсь в полицию, я заставлю закрыть ваш дом.

— Что вы говорите? — загремела угрожающе хозяйка.

— Подбавь ему, Родье, продолжай в том же духе! — подзадоривали две девицы, выпуская унтер-офицера из своих рук. Родье сдал ему горло еще сильнее и несчастный м-сье Роберт, испустив какой-то звук, потерял сознание. Его маленькое толстое тело вытянулось под тяжестью лежащего на нем унтер-офицера, а из кармашка его жилета, вдруг открывшегося, выскользнула горсть луидоров и покатилась под стол.

Девицы бросились собирать деньги.

— Он выплюнул деньги, — и Родье, повернувшись к нам, показал нам пьяное добродушное лицо.

— Послушай, Иоланда, дай-ка мне половину денег.

Хозяйка было рассердилась: он накачал ей такое скверное дело. Теперь ей надо будет возиться со всей этой грязной историей. Разве Родье хочет, чтобы заведение прикрыли?

На что унтер-офицер возразил:

— Он побоится болтать, вы о нем слишком многое знаете, вы можете засадить его, когда захотите. А потом, я знаю, что он любит, когда его бьют. Удары его возбуждают, это старая страстная кошка. Видите, я еще добрый парень, я даже не разбил ему пенсне!

И Родье поднял с пола пенсне своей жертвы.

Хозяйка с девицами суетилась около впавшего в обморок старика, натирали его распухшие щеки холодной водой. Молодой человек, сидевший на лавочке, пришел, наконец, в себя и предложил свой флакон.

Унтер-офицер смеялся, вне себя от радости. Пошатываясь, он обнял рукой молодого человека. Изидор Ледрю с интересом смотрел на его подмазанные глаза и напудренные щеки.

— А это кто такой? — спросил он хозяйку.

— М-сье Виконт Гонтран д'Озюльди, гадает на картах, — ответила толстая матрона.

— К вашим услугам, — пропел представленный высоким сопрано, как флейта, сделав движение, похожее на реверанс.

XXIII

Людин де Нерфлиз

— Что касается векселя графа де Баркура, вы можете его возобновить, мадам Кюбернгейм. Он составлен на сорок тысяч, не правда ли? Но о шестидесяти тысячах маленького Баркишнова Людин не хочет ничего знать. Он должен быть оплачен в «Лионском кредите»!.. Тем хуже, он будет опротестован;

мы не желаем возобновлять его на Вену и еще менее на Москву. Эти русские, мы уж их хорошо знаем! Как только из Франции, с них ничего не получишь.

— Я сделаю, как вы хотите, милая мадам де Файль, но, может быть, Людин плохо делает, что настойчиво не преследует маленького Баркишнова.

— Вы думаете?

— Да. Баркишновы одни из самых богатых людей в России; они всегда платят.

— Надо принять это к сведению. Они тянули, однако, целых два года с уплатой за колье в 1898 году, так что семья может теперь отказать ему.

— Я сделаю то, что вы хотите.

— Говорите!

— Я пойду отсюда к Анфору, судебному приставу. А что же Латиссен, не решается взять ту вещицу с изумрудами и жемчугами?

— Эту безделицу за пятьдесят тысяч франков? Ловки же вы! Латиссен знает цену деньгам, он начал ни с чем.

— Да что ему стоит? После трех скачек он вернет деньги назад; его лошади всегда приходят первыми.

— Да, но он знает, что один луи равен двадцати франкам, и потом, он вовсе не так уж влюблен, чтобы бросать такие деньги. Надо вам будет опять зайти, мадам Кюбернгейм.

— Так я ухожу. Скажите Людин, что я очень сожалею, что не видела ее.

И толстая продавщица бриллиантов с трудом поднялась со своего места.

Разговор этот происходил в роскошной столовой Людин де Нерфлиз. Желтоватые муаровые панно, оправленные в изящные деревянные рамы Louis XVI, отражались в зеркалах, искусно расположенных с расчетом продолжить перспективу; три больших двери-окна, сделанных по образцу Большого Трианона, выходили в сад особняка.

Старинные стенные часы и, над дверями, два трюмо во вкусе Ланкре, дополняли обстановку этой стильной комнаты. Друзья Людин обладали вкусом.

M-me де ла Файль, мать молодой особы, сидела в этой роскошной столовой одна. На столе, накрытом фрисландской скатертью, стояли два прибора и брошенная впопыхах на стул салфетка показывала, что кто-то внезапно вышел. Должно быть, Людин была вызвана в приемную по какому-нибудь важному, неотложному делу, если она так прервала завтрак.

Стенные часы показывали час дня. Высокого роста лакей в коричневой ливрее и в белых шелковых чулках стоял неподвижно, как живая кариатида, в углу зала.

Атмосфера придворного этикета царила во всем особняке куртизанки.

Одетая в черный тяжелый бархат, с кружевным убором на голове, m-me де ла Файль воображала себя матерью королевы. В отсутствие своей дочери, которая была сейчас занята, она, с высокомерной снисходительностью, делала выговор за подбострастное плутовство m-me Кюбернгейм, еврейке из Амстердама, дающей деньги под залог и занимающейся перепродажей бриллиантов.

Старая семитка вернулась снова к тому же вопросу:

— Однако, я очень желала бы видеть m-me Людин, у меня есть здесь (и

еврейка открыла свою шкатулку) единственная в своем роде вещь для нее.

— Посмотрим, — сказала небрежно королева-мать.

— О! это действительно редкий случай, который выпадает нечасто, сибирский сапфир и какой воды! Какой чистоты! Да вот, посмотрите сами.

И m-me Кюбернгейм подвинула футляр.

— Я узнаю его, — воскликнула m-me де ла Файль, разглядев камень на своей ладони, — он принадлежит Монтеро. Он был два месяца у Бушрон; мы не носим чужих бриллиантов, мадам Кюбернгейм.

Еврейка молчала, немного смущенная. Она опустила перепончатые веки на свои вывороченные, как у старой курицы, глаза, затем опять заговорила о том же.

— Я не отрицаю этого, но подумайте, какой случай, восемь тысяч, камень, который стоил пятнадцать! Ведь это даром!

— Я даю шесть, ни сантима больше!

Это была сама Людин де Нерфлиз, которая только что вошла скользящим шагом. Высокая и тонкая, волнообразно-гибкая, как породистая борзая собака, Людин де Нерфлиз, с ее тонким и определенным профилем и с ее перламутровой прозрачностью кожи, производила скорее впечатление ценной хрупкости, нежели действительной красоты. Ее тонкая шея, продолговатый овал очаровательного лица английской миледи и рыже-каштановые тени ее темных роскошных волос, делали ее скорее похожей не на женщину, а на волшебный предмет искусства. Длинное белое бархатное платье, отделанное рыжими кружевами и золотом, еще больше подчеркивало это сходство ее с химерическим образом. Это был вполне законченный тип женщины, созданной для роскоши, так как эта ослепительная белизна рук и лица была естественная у куртизанки. Все в ней казалось сделанным из самого тонкого, дорогого материала, но главное очарование этой женщины заключалось в необыкновенной чистоте выражения ее лица. Непорочность глаз ее даже пугала.

У Людин де Нерфлиз были глаза маленькой девочки, зрачки цвета серого агата, испуганные и в то же время жадные, и так очаровательно, так дико внимательные. Лиловатые синяки вокруг ее необыкновенных глаз придавали этому ангельскому личику вид изнасилованной девочки и один только рот ее, имевший, в силу какой-то иронии судьбы, довольно жестокое выражение, предостерегал от нее.

— Да, шесть тысяч. У меня все шесть билетов при мне, милая мадам Кюбернгейм. Не раздумывайте долго; через десять минут я уже не захочу больше покупать вашу вещь! — и красивая девица, взяв свою салфетку, села опять за стол.

— А m-сье Монлор? — спросила m-me де ла Файль.

— О! *monan*, не говорите мне о нем, вот каторга! Он никак не мог довести до конца, да и что за идеи, в его-то лета!..

— Да! не все только розы в жизни, — вздохнула сострадательная мамаша.

— Передай-ка мне виноград, я хочу освежить рот... А у него прекрасно держатся его вставные зубы, у этого господина маркиза! Эрнест, содовой воды и немного шартреза. Фи! он оставил у меня во рту какой-то свинцовый вкус,

фи, как противно!

И проглотив микстуру, приготовленную матерью, она обратилась к еврейке:

— Ну, милая мадам Кюбернгейм, — сказала она, подражая ее немецкому акценту, — да или нет, насчет сапфира мадам Монтеро?

— О! мадам Людин неблагоразумна.

— Нет! я не позволю больше обманывать и обирать себя. А вот и Генрио! — воскликнула молодая женщина, увидав на пороге двери высокого молодого человека, затянутого в куртку оливкового цвета. — Почему ты не пришел к завтраку? Как дела?

— У меня была утром модель.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— А! теперь мне все ясно.

— Людин!

— О! это меня не касается! Как же идут твои любовные дела? Поди поцелуй меня, дорогой; твой поцелуй освежит мне рот. Этот старикашка Монлор только что вышел отсюда...

— Как же поживает этот академик?

— Недурно, его негодность все увеличивается. Ты никогда не угадаешь, о чем он просил меня сегодня! О! мой друг, ответила я ему, вы, должно быть, не видали себя, вам бы нужно было подставить лебедку!

— У тебя недурные шутки, Людин!

— И дурные также, Но как находишь ты этот сапфир, Генрио?

— Хорош, но я его знаю! Это сапфир Монтеро. И для тебя он стоит восемь тысячч.

— Вот видите, мадам Людин, м-сье Генрио понимает толк в этом, он прав.

— Генрио! Да это простак; ты хорошо делаешь, Генрио, что не даришь бриллианты женщинам, тебя бы всегда надували. Ты накинул всего только две лишние тысячи. Мадам Кюбернгейм, я сказала шесть тысячч, отдаете вы камень?

Людин встала; прямые складки ее длинного белого платья увеличивали ее рост.

— Семь тысячч! Шесть тысячч пятьсот! — умоляла комиссионерша.

— Ах! да разве вы не знаете меня! — и голос куртизанки сделался свистящим. — Неужели же вы воображаете, что теперь еще те времена, когда вы продавали мне за семьдесят пять тысячч бриллиантовую ящерицу, которую вы потом взяли назад за семь тысячч и заставили меня возобновить векселя на полную сумму? О! то время прошло! Я теперь не так глупа, мадам Кюбернгейм, и если вы не желаете, чтоб эта история вашего ростовщичества попала в газеты, то соглашайтесь. У меня ведь есть несколько знакомых журналистов и редакторов, так что вы примите это к сведению; да потом, я чересчур глупа.. Я беру теперь сапфир за пять тысячч франков, или же историю с ящерицей вы прочтете завтра в газетах с вашим полным именем и вашим адресом. Я сохранила счета. И не корчите такую жалкую физиономию, иначе я вам ничего не даю. Если теперь вы не отдадите его за четыре тысячи, то можете уносить камень.

Это вам обойдется еще дороже.

— О! мадам Людин, вы хватаете меня за горло, вы разоряете моих детей; мадам де ла Файль, мадам Людин неблагоразумна.

— Меня это не касается, — заключила добрая безучастная мамаша. — Моя дочь у себя дома, она знает, что делает.

— Ну, довольно! Оставляете вы мне сапфир или нет? Вы мне надоели.

Толстая ростовщица оставила футляр на столе и удалилась, подняв к небу свои короткие руки.

— Ты, я вижу, знаешь теперь, как говорить с ними.

— Да, я научилась. Жизнь учит всему, милый Генрио, надо уметь защищаться.

И обернувшись в сторону m-me де ла Файль:

— Оставь нас, пожалуйста, одних, мама!

Старая дама послушно встала. Придворный поклон молодому человеку, поцелуй в лоб Людин, — и она удалилась достойным и тихим шагом актрисы «Французской комедии».

— Эрнест, подайте шерри-бренди и кюммель, — сказала Людин и, когда лакей подал ликеры, добавила: — Оставьте нас. А ты, милый, займись своей смесью, — обратилась она к Генрио.

Людин де Нерфлиз протянула тонкие ноги на стул. Своими очертаниями, видневшимися из-под светлых шелковых чулок, они напоминали два длинных жемчужных веретена. Запрокинув голову на спинку стула, Людин зажгала турецкую сигаретку, зевая:

— Так этот праздник, Генрио, будет в понедельник в Отейле?

— Да.

— Видел ты этого Мома-Ужасного? Меня он так возбуждает своим именем! Это ведь настоящий убийца, а? настоящий террор, и он убил многих людей!

— Да, кажется.

— И, говорят, он уродлив, говорят, все женщины влюблены в него?

— Они с ума сходят по нему.

— Как это странно. И он очень опасный?

— Очень, но никакой опасности для тебя: нам бояться нечего, мы его друзья.

— Нечего бояться? Я очень жалею, я бы хотела, чтоб было страшно.

— За этим дело не станет, тебе там что-нибудь уж преподнесут.

— Что ты говоришь?

— Ты разве оглохла?

— Какой ты грубый.

— Твоя школа. Но ты хорошо сделаешь, если оставишь дома твои жемчуга. Не следовало бы терять их в шестой раз.

— Негодяй!

— Но ведь ты их всегда находишь; там же ты их уж не найдешь.

Красавица улыбнулась:

— А будет интересно на этом балу?

— Очень, подумай только: бал апашей!

— Апашей! и это на острове? Надо переехать через реку?

- Да. В лодке. Лишь бы лодку не опрокинуть. Иначе нас найдут только в сетях Сен-Клу, трупарь в соку, как сказал бы Мом.
- Он говорит на арго?
- Только на нем и говорит.
- Как это интересно! А на этом балу будут только одни убийцы?
- И воры, сутенеры, пуассы*, как они говорят.
- И красивые девочки?
- Красивые и уродливые, но, главным образом, подростки.
- Подростки! — и глаза Людин вспыхнули странным блеском. — Каких лет?
- Да шестнадцати, пятнадцати, четырнадцати лет, девочки, удравшие из мастерских — словом, подростки.
- Ученицы, с истыканными от иголок пальцами и с косичками на спине?
- Я не ручаюсь тебе за косички, но ручаюсь за грязные пальцы. О! есть среди них и хорошенькие.
- А те две, которых ты подцепил на том балу у Итальянской заставы, они там будут?
- Без сомнения, для них-то я и устроил все это; и ты знаешь, одна из них просто прелесть; она похожа на Бланш де Невер.
- Не может быть!
- Но Бланш де Невер в шестнадцать лет, какой ты ее никогда не знала!
- О! мы обе так любили друг друга, — и Людин де Нерфлиз глубоко вздохнула.
- Не плачь, ты можешь снова начать.
- Если б Бог услышал тебя! А из мужчин кто будет?
- О! все друзья Мома, вся компания таких же работников, как и он сам.
- А из общества?
- Герцог де М..., Три Звездочки из «Жокей-клуба»; ты увидишь их друзей, водевилиста д'Этьена, который обещал придти с Одетт Эмьен из «Французской комедии».
- Неужели?
- Да, и Люси Вердейль, танцовщица, и принцесса Вашьяни.
- Но ведь это настоящий праздник!
- Самый настоящий и Три Звездочки, который не жалеет денег, снял совсем близко отсюда виллу.
- Что ты говоришь?!
- Правду. В Билланкуре, на острове, виллу графа Озора, того самого, которого семья запрятала в лечебницу. Он устраивает нам угощение в саду, и сад, говорят, великолепен.
- И ты устроил все это, мой Генрио?
- Нет, но идея была моя.
- О! дорогой Генрио, как это мило с твоей стороны! Я хочу поцеловать тебя, — и куртизанка, вскочив одним прыжком со своих двух стульев, подошла

* Шайка воров, жуликов, убийц и т. д. (Прим. пер.).

к художнику и, взяв его голову обеими руками, закинула ее назад и целовала долго его в губы. Молодой человек, укусив слегка ей язык, сказал:

— Довольно, Людин, не думай, что ты целуешь Бланш де Невер.

XXIV

Тома между двух огней

— ... Пассажиры в Френ, Ла-Санте, Малую Рокетт, Большую, а дамы в Сен-Лого!*

И Мом-Ужасный, бегая вдоль пути, с шумом открывал и закрывал дверцы к великому ужасу пассажиров, столпившихся в вагонах; целая компания злодеев сопровождала его. Там был Жюло, возлюбленный Терезы, Кудлатый, Лапа и несколько молодых сеньоров из Ла-Куртилья; словом, все сливки Бельвилля-Виллеты. В бархатных полосатых панталонах, в новых воротничках, в шляпах за три франка шестьдесят сантимов, только что выбритые, с выпущенной прядью волос на лбу, господа эти составляли почетную стражу Мома, массивная и уродливая фигура которого была облачена в этот день в костюм цвета маррон, купленный им на рынке (рынке Дю-Тампля). Желтые башмаки, рубашка без воротника и жокейская фуражка подчеркивали еще больше сходство его с бульдогом.

Почетный караул стоил своего предводителя. Вся эта шайка ринулась, толкая друг друга, в вагоны поезда, отстраняя кулаками спины испуганных пассажиров, ругая служащих и кондукторов и хлопая дверцами вагонов, рискуя отрезать пальцы людей, забившихся в углы.

— Пассажиры в Френ, Ла-Санте, Малую Рокетт, Большую, а дамы в Сен-Лого!

Мария Лутас, метресса Мома, покатывалась со смеху, упав на скамейку.

— Нет, до чего он смешон! до чего он смешон!

И девица открывала до самых ушей свой большой рот с тонкими губами, похожий на громадную рану.

Напор Мома-Ужасного и его шайки взбудоражил мирную станцию Бельвилля-Виллеты, которую поэтично окружали высокие тени Бютт-Шоммон. Был конец июля; длинные тополя совсем близкого парка стояли неподвижно и их зеленые верхушки смотрели в небо цвета голубого фарфора, едва подернутое небольшими облачками, как кусочками ваты.

— Пассажиры в вагоны! — выкрикивал кондуктор, запирая дверцы.

— Едемте, мы все в сборе, полезем наверх. Иди же, Мария, или я тебя по своему заставлю идти!

* Первые четыре — мужские тюрьмы, Сен-Лого (Сен-Лазар) — женская тюрьма (*Прим. пер.*).

И Мом бросился проворно по лестнице на империял вагона; другие побежали за ним, но посреди лестницы Мом остановился и, оглядев свою свиту, крикнул:

— А Тома где? что он делает?

— Тома!

И Жюло пожал плечами.

— Он ушел от нас на углу.

— Ушел! Почему?

— Из-за Мели, он и не собирается идти в Отейль.

— Черт его дери, он боится этой девки? Значит, у него нет характера, а его слово? Смеется он, что ли, надо мной?

— Но ведь Мели скандалистка.

— Мне наплевать на Мели. Он обещал мне быть на празднике и я пойду откопаю его.

И, сделав сальто-мортале, Мом миновал головы и очутился на платформе.

— Поезд ведь трогается, ты с ума спятил, Мом!

— А ну вас, трусы! Я обещал привести Тома и приведу его. Не пищи, Мари. Кудлатый, я поручаю тебе девчонку, не потопи ее. Я буду через час в Отейле. В табачной лавке, ладно? Рядом с виадуком.

И Мом повернулся на пятках. Тогда Кудлатый, высунувшись всем корпусом из вагона, крикнул:

— А девочки, которых нужно забрать в Батиньоле?

— Да, я и забыл. Черт побери! перемена фронта. Слезайте там и ждите меня на станции. Они только наполовину обработаны и не пойдут, пожалуй, без меня.

— Конечно!

— Позаймитесь с ними, пока я приду, там, напротив, есть трактир.

Поезд отошел.

Мом-Ужасный, оставшись один, мялся четырехугольным телом на своих массивных ногах и чесал себе голову. В нерешительности, сутенер старался придумать план à la Наполеон.

— Где найти Тома?

Он думал недолго; он ударил себя в лоб вдохновенным жестом и помчался, как стрела. Засунув руки в карманы, он пробежал одну улицу, другую, затем третью, повертывал направо, налево; он несся, как вихрь, и забывал даже покачивать плечами. Он замедлил шаги, только придя на Немецкую: тут он пошел своей обыкновенной походкой качающейся шляпки и, с ищущим взглядом, совал свой нос во все винные погреба, попадавшие на его пути.

Он вошел в два или три бара. Тома не было ни в одном из них; тогда Мом вновь поднялся по улице Ломьер и попал на улицу Мо.

Он остановился у большого пятиэтажного дома, от гнилого и грязного фасада которого несло пороком и нищетой; на окнах с грязными стеклами вместо занавесок были лохмотья, а комнаты сдавались на неделю или на ночь. Матовый стеклянный фонарь над решетчатой дверью говорил о том, что здесь были меблированные комнаты. Мом оглядел фасад; окно в третьем этаже было

приоткрыто. Это было окно комнаты, которую занимали Тома и его сожительница. Он хотел было свистнуть снизу, но опомнился. Мели могла быть там. Он пробрался в узкий коридор и натолкнулся на шумную толпу растерзанных ребятишек, вертевшихся на ступеньках. Штук десять маленьких сопляков забавлялись, скатываясь верхом по перилам лестницы. Его приход несколько не побеспокоил их.

— Эй вы, постельное семя, пропустите же пройти!

Только старшие подвинулись и вытянулись в струнку, узнав «Ужас».

— Может быть, вы ищете Тома? — расхрабрился один из них. — Он там наверху со своей женой.

— А! Мели там? Именно ее-то я и ищу.

— Мадам Мели! Она на втором этаже у итальянки. Я знаю наверно, я только что носила им водку, — решила заговорить маленькая девочка, уже знакомая с пороком; она думала, что у Мома интрига с подругой Тома.

— Хорошо, я иду туда. Спасибо, девчурка.

И, пошарив в своем кармане, он дал ей два су.

— М-me Мели! — закричала было девочка.

— Не нужно. Я зайду сначала к Тома. Мне надо сказать ему два слова.

И он поднялся потихоньку по лестнице.

Мом пробирался мягким шагом настороженного дикого зверя; дойдя до площадки лестницы, он постарался еще больше заглушить свои шаги. Одна из дверей была открыта; за ней слышались два женских голоса.

— Трефовый валет, деньги. Семерка червей, огорчение в любви. Валет червей, молодой человек, блондин. Ты видишь, он тебя любит по-прежнему. Король трэф, богатый человек; десятка бубен, удача. Видишь, Мели, у тебя прекрасные карты!

— Да, но этот валет пик, молодой брюнет, — говорил голос Мели, вдруг изменившийся. — Вот где несчастье. При знакомствах Тома, этот валет пик не предвещает ничего хорошего.

— Еще немного кофе? — шепелявила итальянка.

— Да, но без альфы; она мне ударяет в голову и вызывает мрачные мысли.

— Ну, я продолжаю: бубны, бубны и бубны; видишь, у тебя все удача.

«Прекрасно, — думал Мом, остановившись у двери. — Они погружены в карты, это продолжится еще около часа; и потом, Мели знает, что я ушел туда».

И, гибкий, как кошка, в три прыжка он пробежал другие два этажа.

Ключ супругов был в двери, Мом повернул его без шума и вошел легким шагом вора.

Тома валялся одетый на неоправленной постели с подозрительными простынями; спущенное с кровати кретоновое с розовыми цветами одеяло подметало пол, покрытый жирными пятнами. Сутенер не снял даже своих башмаков, ложась на постель. Он положил ноги на спинку кровати, подняв их выше головы, и спал тяжелым сном объевшегося животного, с прилившей к лицу кровью; легкий храп поднимал его грудь. Он распустил пояс своих бархатных панталон и расстегнул пуговицы жилета. Таз, наполненный мыльной водой и поставленный на полу, остатки колбасы на столе и окурки сигар на углу

камина дополняли беспорядок всей этой комнаты. Стаканчик водки, наполовину выпитый, и пакет табака находились рядом на ночном столике. Жадная муха сидела на жирных усах спящего; в комнате несло алкоголем, мускусом и табаком, и к сильному запаху животного примешивался запах плесени.

Мом растолкал спящего.

— Ну! что ты тут делаешь? Это я, Ужасный.

— А! это ты!

И Тома, потягиваясь, с липким от сна ртом, сел на постели.

— Ну! и чем дело?

— Ты, никак, с ума спятил! Неужто ты принимаешь меня за дурака! Вот уже час, как я жду тебя на станции. Ты ведь знаешь, что все должны встретиться там. Ты, однако, ловко удрал от нас на улице.

Тома слушал его, вертя в руках сигаретку.

— Я объясню тебе, Ужасный. Я ведь очень осторожен в моей супружеской жизни и не хочу иметь неприятностей. Мели ревнива и она подняла бы целый скандал, если б я пошел туда. Она ведь хорошая, и уже в тот понедельник, когда я был в «Альказаре», у нее появились подозрения. Она хорошая женщина, я за нее спокоен, я имею все необходимое — и был бы очень глуп, если б из-за двадцати франков рисковал потерять все это.

Мом нахмурил брови и сложил на груди руки.

— Ты выведешь меня из себя, честное слово! И это говорит мужчина! Не желаешь ли ты, чтоб я пошел попросить у нее разрешения? Я знаю, где ее найти. Она гадает на картах внизу, у итальянки.

— Ты выследил ее?

— Да: но она меня не видала, я ведь не так глуп. Ну идем, мы объяснимся потом, у винного торговца. Я вижу, ты трусишь, что она сейчас вернется. Странно еще, что она не заперла тебя здесь и не положила ключ к себе в карман! Нет, право, она теперь зорко следит за тобой. Она, видно, совсем не доверяет тебе. Вот что значит быть слишком красивым, Тома. Если бы у тебя была моя рожа; твоя жена не следила бы так за тобой.

— Хорошо, я иду. Иди вперед и жди меня на углу улицы Мо и постарайся, чтоб она не увидела тебя.

Красивый парень лениво встал и переменял свои тяжелые башмаки на туфли. Мом-Ужасный вышел, пожав плечами.

И, когда они сидели перед литром вина в полумраке задней комнаты винного погреба, Мол сказал:

— Ты слишком наивен, Тома, что отказываешься от денег. Это, впрочем, твое дело. Надо полагать, что у тебя набиты ими карманы.

Тома пожал плечами, а Мом продолжал:

— Сегодня тебе перепала бы не одна двадцатифранковая монетка, а целые кучки, слышишь? Двадцатифранковики превратились бы, может быть, в стофранковые бумажки, так как ведь это богачи, настоящие рыцари-джентльмены, которые будут кутить и которые, при дамах, не будут считать денег. Там ведь будут также и дамы из общества, искательницы женской любви, способные, впрочем, влюбиться и в такую красивую рожу, как твоя, и твоя милость

может сделать сегодня недурное дельце. Представь себя на содержании у какой-нибудь герцогини! Одним словом, будет шикарно и ты можешь выбирать среди отборных мужчин того, кто тебе понравится. Это во-первых. Но это не все; две птички, которые были тогда в «Альказаре», также приглашены. Они еще совсем новенькие, неиспорченные, и я имею виды на них.

Если умело взяться за дело, эти мышата будут зарабатывать, сколько мы захотим. Мы уговорим их, обойдем их похитрее и потащим с собой. Когда же мы будем в поезде, пускай себе Мели ищет тебя. Блондинка может заработать по крайней мере полсотни в день на Себасто, ее я думаю отдать тебе. Скажи теперь, что я плохой товарищ? Я оставляю брюнетку для себя, а тебе отдаю более красивую. Меня раздражает то, что тебя содержит только одна девка. Такой парень, как ты, может смело рассчитывать на двоих; у меня же четыре женщины: две в домах, Мари Лугас для хозяйства, а Мистенгет для забавы. Ты оставишь Мели как жену, а девочку возьми для удовольствия. Согласен ты на это?

Затем, вот еще что. Богач, у которого свой автомобиль, снял виллу для того, чтоб принять в ней нас, в Билланкуре, на берегу реки, виллу одного графа, который сидит в сумасшедшем доме, и я уже имею некоторые сведения; роскошный дом с богатой мебелью и вещами, которые стоят хороших денег. Три Звездочки снял ее только для этого праздника.

Он не живет там, ее стережет старая кухарка. Слушай меня хорошенько, Тома. Садовник молодой, его может завертеть одна из девчонок и в ту ночь, когда он не будет ночевать дома, с берега реки легко будет пробраться туда. Я знаю двух или трех лодочников, хорошие парни, они подвезут нас и помогут. Мы слезем в саду, свяжем старуху и проработаем до рассвета. Ты занимался прежде перегрузкой, ты опять вернешься к своему ремеслу, а укрыть вещи я беру на себя. Ну, Тома!

— О! чтоб уговорить кого-нибудь, равного тебе нет на свете.

— Ты идешь?

— Ну ладно! Я согласен.

— Получите, патрон, — и Мом бросил двадцать су на конторку.

Оба парня вышли; они пришли на станцию, не подозревая того, что жалкий силуэт бродяги шел за ними.

Забившись за угол бара, Улитка подслушал весь их разговор. Маленький бродяга следил за Момом с того самого момента, как тот вошел в дом на улице Мо. Он бросил следить за ним только за сто шагов до станции; хищная радость расширила его тусклые глаза.

XXV

Идиллия

Quand j'étais goss'line,
J'enviais ma frangine
Qui f'sait la rupine,
Chaqu' fois qu'ell' venait.
Pour fair' la darone,
Comme une baronne,
L'allure fanfaronne,
En fiacre ell' s'amenait.
D'là voir bien nippée
Moi, la mô'm' fripée,
Ça m'avait chipée,
Ça in'faisait d'l'effet.
Car c'est un bath rôle
En quittant la taule
D'iaisser pour la piaule
Un sigu' sur l'buffet.

— Браво, девчонка! Здорово спела! — и все общество аплодировало девочке, стоявшей на столе и певшей шансонетку.

Comprenant qu'ma mine
De girond' gamine
Pouvait être un'mine
De trésors précieux,
Connu' j'avais plus d'père.
De notr' vilain repaire
J'me suis fait la paire,
Sûr' de trouver mieux.

— А у девчонки ведь есть голос,— заметил Жюло из Ла-Куртиля, сидевший напротив нее.

Je m'suis dit: Niniclie,
Si tu veux un'niche,
Pour tâter tes miches
Faudra mettr' le prix.
Et le matin même
J'suis allée, tout' blême

Me fair' mettre eu brème.
Que va dire Henri?

И все парни подхватили хором, с расплывшимися от восторга физиономиями:

Il m'dit: «T'es gentille;
Viens à la Courtille,
Je t'offr' la croustille,
Mais faut turbiner!
Puis après la halte.
En montant l'asphalte.
J'm'dit: „Maint'nant, calte
V'ia ton atelier».

Это происходило в Пуэн-дю-Журе, на острове, под высокими трепетавшими тополями, в некотором отдалении от бала апашей; резкие звуки кадрили дребезжавшего пригородного оркестра долетали отрывками до публики, сидевшей за столиками.

Там собралась целая толпа девиц и парней, пришедших повеселиться с холмов Ла-Куртиля, Монмартра, Тернов, Мезон-Бланш и Монпарнаса, а также и из Гренелля и Отейля, которые были совсем близко отсюда.

В хорошие дни, по понедельникам, в Пуэн-дю-Жур стекалась вся парижская шайка жуликов, преступников и проституток с билетами, чтоб провести время под ивами острова и в его прибрежных кабачках. Эта армия порока назначала здесь друг другу свидания, счастливая тем, что может выставлять напоказ свои физические недостатки и свою нравственную нищету на этом мрачном и как бы прокаженном пейзаже, обезображенном к тому же фабричным дымом и временными постройками; постройки эти (жалкие лачуги из досок и толя) вырастали, как ядовитые грибы, на этой наносной почве бутылочных осколков и лоскутков засаленной бумаги.

Островок, где сутенеры и девицы изнемогают от танцев и объятий по понедельникам и воскресеньям, составляет сравнительно живописный уголок Пуэн-дю-Жура. Вековые тени и громадные деревья вносят поэзию и тайну полумрака в грубую животную атмосферу этого пригородного бала. Вековая гостиница и большие луга, окаймленные ивами, водяные лилии и чечевица, целая водяная флора, распутившаяся на другом рукаве Сены, называемом мертвым рукавом, составляют как нельзя более подходящую обстановку для драм в духе Декурселя.

Артисты достойны декорации. Широкие плечи и выпуклые подколенки у мужчин; у женщин — гибкие, хрупкие талии, тонкие ноги и бледные, малокровные затылки под тонкими жидкими волосами, — затылки, ожидающие жемчужного ожерелья или же руки убийцы-душителя.

Вся эта публика, одетая в лохмотья, прогуливается, показывая свои громадные челюсти, короткие профили догов и глаза, сверкающие пороком на мерт-

венно-бледных или же слишком красных лицах; лицах, с одинаковым у всех животным выражением. Запах пота и молодости, нищеты и чувственности, а также атмосфера смелости и силы и предчувствие опасности исходит от этой дикой толпы.

Людин де Нерфлиз упивалась этой атмосферой в продолжение целого часа, небрежно опираясь на руку Генри Марейля.

Переодетая (она, по крайней мере, так думала) в голубое платье из саржи, простота которого подчеркивала еще больше изящество ее линий и обращала на себя внимание публики, вот уже час, как она бродила на балу, с наслаждением вдыхая запах этого «дна» и возбуждаясь в душе блестящими взглядами парней, прикосновением их локтей и их зажигающими улыбками. С беззаботностью женщины, уверенной в своей красоте, она замечала только зажигающиеся при ее появлении желания и не подозревала, какие гнусные вождедения возбуждали изумруды в ее ушах и жемчуга на ее шее. Она не видела также враждебности девиц и, занятая вся своим пороком, принимала за одобрение фальшивый и жестокий блеск их подозрительных взглядов.

К счастью, Мом со своей шайкой составлял стражу этой пары. Ужасный держал в почтении весь зал, глухо раздраженный вторжением новых людей. Вся ватага, собравшаяся сегодня на остров, испытывала страх и удивление к «Ужасу». Леони и Роберта, две красивые девочки, подцепленные на балу в «Альказаре», были также в компании Мома; Роберта, которую Генри сравнил с Бланш де Невер, была блондинкой с васильковыми глазами.

Людин была того же мнения. Она сейчас же полюбила девочку и разгуливала по балу, одной рукой опираясь на Марейля, а другую — положив на плечо Роберты. Сопутствуемая художником с правой стороны и девочкой с левой, куртизанка громко хохотала и делала наглые замечания. Мом, к счастью, следовал за ними, сопровождаемый справа Марией Лутас, а слева Леони, другой мидинеткой.

Более осторожные герцог де М ... и Три Звездочки остались у входа и, следя острым взглядом за парами вальсирующих, предусмотрительно стояли позади Жюло и Тома; последние выстроились в первом ряду любопытных, выставя напоказ свои широкие плечи парней, слишком красивых для подобного веселья. Две женщины, закутанные в длинные плащи, скрывались также среди зрителей; это были танцовщица Вердейль и принцесса Вашьяни, неразлучная пара всех скачек и всех премьер.

Людин узнала их и обменялась с ними сочувственными взглядами франк-масонов порока, подчеркнутых едва заметной улыбкой Марейля: они условились не разговаривать друг с другом на острове. Было решено встретиться на вилле графа Озора, на рауте, который устраивал им Три Звездочки, и там поделиться впечатлениями под защитой высоких стен поместья.

Гордая победой, Людин водила свою девочку между столиками и кадрилиями и одним только уголком глаза показывала тонкие золотые волосы и ослепительную свежесть Роберты восхищенным и любопытным взорам двух женщин. Куртизанка торжествовала: шайка Мома увеличилась еще одной молодой парой; появилась девочка лет пятнадцати и сутенер лет семнадцати; оба бы-

ли прелестны цинизмом своей идиллии и своей бессознательностью и чистой.

— Девочка уже работает, — шепнул Бисквит мне на ухо, так как мы были там, Бисквит, Бодармон и я; и два мои гида объясняли мне подробно нравы этого гнойного дна и его сложную скрытую жизнь.

Людин и Марейль сразу влюбились в маленькую пятнадцатилетнюю проститутку и в ее молодого сутенера. Мом властно пригласил их сесть за столик:

— Там будет удобнее, подальше от бала, — заявил Мом.

Банда расположилась за тремя столиками под тенью тополей прибрежного кабачка; друзья пригласили друзей и все уселись вместе. На столиках столпились литры вина и абсенты и восхищенная Людин де Нерфлиз председательствовала в кругу девиц и бродяг, которые с увлечением вызывали подругу Тото, только что спевшую шансонетку:

Il m'dit: «T'es gentille;
Viens à la Courtille,
Je t'offr' la croustille,
Mais faut turbiner!
Puis après la halte.
En montant l'asphalte.
J'm'dit: „Maint'nant, calte
V'ia ton atelier».

Певица села. Она имела громадный успех. Все парни и даже сам Марейль не могли оторвать глаз от этого «кусочка женщины», тоненькой, миниатюрной и белой, как облатка, с тяжелыми черными волосами. Несмотря на свою хрупкость и молодость (ей едва было тринадцать лет), она выходила уже на тротуар и кормила своего возлюбленного.

Как ни влюблена была Людин в красавицу Роберту, она не могла не любоваться этим ребенком. Пара стояла друг друга: Тото из Ла-Виллеты, с его рыжими, как медь, волосами и его физиономией таксы, с острыми зубами, выступающими изо рта, был также «кусочек человека». Сложенный и уже плечистый, как настоящий мужчина, он выступал в сером пепельном костюме и обращался с девочкой с покровительственным видом. Нини обожала Тото; она пожирала его глазами и всем своим маленьким существом стремилась к нему. Она ведь пела только для него и теперь, пожираемая взглядами Людин и Марейля, она смотрела на него одного: она видела только своего возлюбленного и даже сам Ужасный был полон внимания к этому ученику-сутенеру.

— Он далеко пойдет, это настоящий сутенер. Он рожден для этого ремесла, — объявил радостно «Ужас».

— До чего они милы, совсем два амура. Полюбуйтесь на них, Марейль.

И Людин смеялась во весь рот, нежно пожимая руку Роберты.

— Человек, налейте еще стаканы! — скомандовал художник. Герцог де М... и Три Звездочки сели на краю стола. Жюло и Тома нашли своих друзей; они обменивались с ними мнениями по поводу скачек и угощали друг друга сига-

ретками.

Принцесса и танцовщица подошли незаметно. Устроившись за столиком в некотором отдалении, они слушали песню и впились любопытным взглядом в девочку.

— Она очень мила! — шептал Бодармону взволнованный Бисквит.

На что патрон заметил:

— Она принесла бы с собой золото в дом, но беда в том, что она чересчур молода; попробуйте-ка оборудовать это дело. Если вы будете держать такой товар, правосудие засадит вас в тюрьму; а между тем, когда господа эти бьют, — а они приходят к нам часто, эти шишки адвокатуры и председатели суда, — они всегда недовольны, что девица недостаточно молода. Они требуют всегда только первые ягодки.

В отдалении, в самом конце поляны, появилась другая пара. Высокая молодая женщина, затянутая в серое платье, в большой шляпе с белым газом, шла с человеком лет сорока; последний был в домашнем костюме, довольно плотный, но имел молодой и задорный вид. Они держались в стороне и ходили взад и вперед по лужайке, разговаривая друг с другом; дама вертела зонтом и как бы косила им траву, но от времени до времени глаза их обращались к столикам и Марейль моментально сдерживал свою насмешливую улыбку.

— Я знаю их, — бормотал мне Бодармон в затылок, — это водевилист д'Этьен и артистка «Французской комедии» Одетт Эмьен. Они по той же части. Хотите держать пари, что все это общество отправится на виллу, в Билланкур?

— Любовники и метрессы?

— Да, но это их ничуть не стесняет, каждый сам по себе. Они пируют все вместе, я их знаю уже давно. У Одетт есть дворец в окрестностях Мо, она приезжает туда на лето; они уже приходили несколько раз ко мне устраивать оргии. О! дама-то порочна! А он, главным образом, зритель.

XXVI

Бал апашей

— ...Прячься! прячься, Тома! твоя жена идет, скрывайся!

И между столиками поднялась суматоха; сутенер встал, весь бледный. Остальные бродяги окружили подошедшего; Полит был засыпан вопросами.

— Мели, Мели здесь?

— Да; она только что высадилась из лодки. Ее перевез Пип. Она здесь, и рыщет по балу; она ищет тебя, Тома, она вне себя!

Красивый парень сел снова, ноги его подкашивались от волнения. Герцог де М... и Три Звездочки, слишком осторожные, встали и ушли из-за стола.

— Вот напасть-то! — ворчал Тома. — Но я должен был ожидать этого. Кто

мог указать ей, где я? Я бы не пожалел пяти франков, чтоб только узнать это!

— С ней Улитка.

— Черт возьми! Да это он. Вот негодяй! Уж я ему задам!

— Вот она! вот она!

Парни вскочили все сразу.

— Полезай под стол, — кричал Мом, — а вы, товарищи садитесь. Зачем еще пришла эта проклятая скандалистка?

Тома, сев на корточки, последовал совету Мома. Согнувшись в три погибели между двумя рядами пивших товарищей, он сдерживал дыхание и готовился к буре,

— А вот и Мели. Присаживайся к нам Мели, ты нам не мешаешь, выпей с нами стаканчик.

И Мом-Ужасный, с расплывшейся в широкую улыбку физиономией, приглашал девушку сесть за их столик.

Людин де Нерфлиз, страшно заинтересованная красотой пришедшей девушки, разглядывала ее с любопытством. Мели, с лицом, мокрым от пота, с лихорадочными глазами и красными щеками, напоминала блестящий вызывающий цветок. Настоячивое восхищение демимонденки раздражало ее.

— Когда, наконец, перестанете вы глазеть на меня! Вы знаете, я не иду на эти комбинации, вы теряете попусту время. Хоть вы и расфуфырились, но я плюю на вашу рожу.

— Полно, Мели, — вступился Ужасный, — улыбнись нам и садись здесь.

— Ты не хитри, пожалуйста, со мной. Я ищу Тома, а ты знаешь, где он, и прошу тебя, не заговаривай зубы. Не удастся тебе, я так же хитра, как и ты.

— Ты ведь мне не поручала своего друга. Я за ним не слежу.

— Да, но ты водишься с тетками, хорошая у тебя компания, Мом; я никогда не ожидала от тебя этого.

— Чего? — смеялся Мом, решивший обратить все в шутку и нашедший, кстати, сочувствие у публики, которая была в восторге от разгоревшейся ссоры, упивалась каждым его словом и рассчитывала его удары.

— Чего! Ты занимаешься довольно странным ремеслом для мужчины. Ты состоишь сутенером не только у женщин, но также и у мужчин.

И, указав кулаком на Людин:

— Ведь не для мадам привел ты сюда Тома. Я знаю номер этой дамы. На нее стоит только посмотреть, одни глаза выдают ее. Не к чему было засаживать Фанни с Рынков; ты сам не лучше ее, коли сделался вербовщиком этой дамы. Негодяй!

И довольная тем, что нашла, на кого вылить свой гнев, она мотнула своей красивой раздраженной головой в сторону Нерфлиз. Демимонденке сделалось страшно. Мом-Ужасный нахмурил брови, широкая складка выступила у него на лбу и его друзья, знакомые с этой складкой, знали, что она означала; они потянули Мели за платье:

— Уходи, Мели, дело кончится плохо. Замолчи и уходи лучше.

— Нет, я останусь, я желаю знать, что Тома намеревается делать. Я уверена, что-то мне подсказывает, что он здесь; мне интересно видеть, позволит ли

он оскорблять свою жену.

И девушка стала перед Момом, сложив руки на груди.

Людин, пораженная красотой этой разгневанной самки, не спускала с нее глаз. В публике зародилась симпатия к женщине, так сильно влюбленной в своего друга. К Мому-Ужасному вернулось его хладнокровие.

— Без сомнения, он здесь. Мы ведь у себя на балу и доказательство то, что ты сама здесь! Разущи его, он ведь не спрятан у меня в кармане.

— Но он пошел с тобой. Вас видели вместе.

— Я вовсе и не говорил тебе противного. Он на балу, твое дело разыскать его. Ты же видишь, что его здесь нет — и перестань надоедать нам. Избавь нас от истории и скандалов. Если твой друг сбежал от тебя и ищет себе другую девицу, то это дело твое, а не наше. Разущи его. А нам ты надоела, можешь уходить отсюда.

Мели позеленела и стиснула зубы, губы ее сделались белыми. Нервная дрожь трясла ее всю и, освещенная сине-зеленым светом, она стояла, как привидение.

— Мы еще встретимся, Мом!

— Когда ты будешь менее пьяна от абсента. Ты едва держишься на ногах.

— Ужасный!

— И потом, вот тебе хороший совет: если ты хочешь найти своего друга, не ищи его среди женщин. У тебя больше шансов найти его среди теток.

— Сволочь!

— Ведь ты сама выдала его, моя милая, ты больше ревнуешь его к мужчинам, чем к женщинам; вероятно, ты имеешь для этого основание.

— Д...!

Все три стола проводили взрывом смеха удалившуюся Мели.

Она шла, шатаясь, с блуждающими глазами, словно пьяная от гнева и бессилия и сраженная в первый раз в жизни.

— Как она хороша! Вот счастье для сутенера иметь подругой такую женщину!

Мом-Ужасный выиграл первую часть своей победы.

Когда бледный силуэт Мели исчез, Мом-Ужасный оглядел все углы и заголки коротким и внимательным взглядом и быстро встал.

— Скорей, Тома, вылезай! Она убралась, а мы, господа... надо постараться улизнуть потихоньку. Она нас сторожит и не нужно, чтобы она видела, как мы выйдем.

Тома вылез с трудом из своей клетки. Он вытирал жирные от земли руки о свои бархатные панталоны.

— Мом, — сказал он Ужасному, — ты много лишнего наговорил моей жене; в другой раз не нужно так говорить с ней. В конце концов подумают, что я какая-то мямля.

— Мы поговорим после об этом, Тома. Теперь не надо задерживать дам, — и, посмотрев на часы, он добавил: — Пора, однако, отправляться!

Все стали собираться.

Надо было предупредить все хитрые планы Мели и усыпить ее подозре-

ния. Решили разделить на три группы. К несчастью, все четыре автомобиля стояли на набережной д'Исси, с той стороны мертвого рукава, а Мели, по всей вероятности, будет стеречь на этом берегу.

В Билланкур невозможно было попасть через остров, так как в двухстах метрах от бала начиналась военная граница. Надо было, чтобы друзья Людин и Генри Марейля вступили также в соглашение. Даже те, которые держались в отдалении, герцог де М... и Три Звездочки, должны были присоединиться к Люси Вердейль и принцессе Вашьяни; два или три сутенера будут провожать их и образуют одну группу. Эта группа должна была сесть в лодку напротив тополей и причалить к набережной Пуэн-дю-Жура. Лодка, причалив к правому берегу, перевезет их потом на левый.

— Тома, дай свою лодку Кудлатому. Если, к нашему счастью, твоя жена нападет на нее и погонится за ней, мы будем тогда в безопасности.

Мели будет следить главным образом за ним, Момом, и за Людин де Нерфлиз, которую она не выносит. Мом будет ее проводником и защитником. Куртизанка расстанется с художником и останется с ним, с Момом, и с Жюло; обе девочки из «Альказара» и циничная детская пара, девочка и ее сутенер, присоединятся к демимонденке. За ними уж непременно будет следить подруга Тома.

Между тем, Тома удерет, наполовину спрятавшись за своих двух товарищей, и доберется до Исси и заводов, расположенных на берегу. Все потом встретятся снова на вилле Билланкура.

Одетт Эмьен, артистка комедии, и д'Этьен, водевилист, уже предусмотрительно скрылись.

Разъезд начался. Вся компания удалилась группами; надо было также угадать военные уловки Улитки. Маленький бродяга должен был следить за ними из-за какого-нибудь угла.

— Это Улитка разболтал ей, он вечно вертится около ее юбок, как какая-нибудь собачонка, — ворчал красавец-сутенер с профилем скандинавского героя. — Право, я думаю, что он втюрился в нее. Надо будет расправиться с этой маленькой сволочью.

— Хорошо, хорошо, мы разберем это у себя в квартале, — вмешался Мом по-отечески, весь погруженный в исполнение своего плана. — Не волнуйся и в данную минуту постарайся улизнуть от своей баронессы.

— Вас ждут, эй! вы там! — крикнул он собравшейся группе принцессы и герцога де М... — Не удирайте так. Прежде чем отплыть, пройдитесь немного по балу. Не мешало бы вам показаться там. Так решено, сначала правый берег, а левый потом, из-за автомобилей. Встретимся все на мосту в Билланкуре. Мы же идем на ферму.

Группы расстались.

А тромбоны продолжали реветь, пистоны и флейты пронзали своими острыми криками отчаянную музыку дребезжащего оркестра. Тесно приклеившись друг к другу, танцоры и танцорки, девицы и парни скользили, вертелись, бегали по полу из утрамбованной земли под защитой навеса. Группа герцога де М... и принцессы произвела сенсацию.

— Клюет, клюет, — сказал Мом, выглядывая из-за угла строения. — Она преследует других, идем, живо! скрывайтесь поскорей. Эй, Щука, живо перевози нас, ты получишь хорошо на чай, а ты, Тома, скорее переезжай с нами. Твоя жена на другой стороне: попалась с головой, девка!

Мом только что заметил высокий силуэт Мели и ее вязаный розовый платок; она крупными шагами переходила через поляну. Девушка шла спиной к балу. Обе группы смешались и стали быстро спускаться к реке; длинная плоская лодка, которой правил Щука, скользила почти у самых ног гулявшей публики, шелестя травой и тростниками. Вода Сены в этом месте островка всегда жирная и загажена всевозможными отбросами прибрежных фабрик. Богатая растительность, водяная чечевица, хвощ и лилии растут в изобилии на этой навозной куче реки. Это как уголок оазиса или оранжереи, до того кишат здесь выросшие из гнили стебельки, зонтичные и копьевидные растения.

Нини и Тото, усевшиеся первыми в лодку, расположились уже на задней лавочке и целовались. Роберта и Леони сели рядом с ними и, поддерживаемая Момом-Ужасным, всегда галантным (дамский рыцарь!), Людин де Нерфлиз храбро поставила свою маленькую ножку на край лодки; Жюло и Тома и все остальные последовали их примеру.

Вдруг, с сжатыми кулаками, с жутким взглядом, из-за ивы показалась женщина и, подскочив к красивому белльвильцу, заревела:

— А! наконец-то я тебя поймала! Я была уверена, что ты здесь. Я измучилась, ища тебя! Ловко же ты, однако, скрываешься, но, слава Богу, я во время подоспела. Я не отпущу тебя больше.

Тома отодвинулся, страшно побледнев. Мом вступился за него:

— Чего ж ты волнуешься, Мели? Ведь тебе говорили, что он здесь. Идем с нами, ты не помешаешь, будем веселиться все вместе.

— Не с тобой, Мом, я говорю, ты можешь заниматься твоим ремеслом сколько тебе угодно. Продавай сколько желаешь мяса, но не смей продавать моего друга.

— Что ты говоришь?

— Я знаю, что говорю. Ну, иди же, Тома, пойдем домой.

Она взяла красивого парня за руку.

— Мадам ревнует, — дерзко сказала Людин.

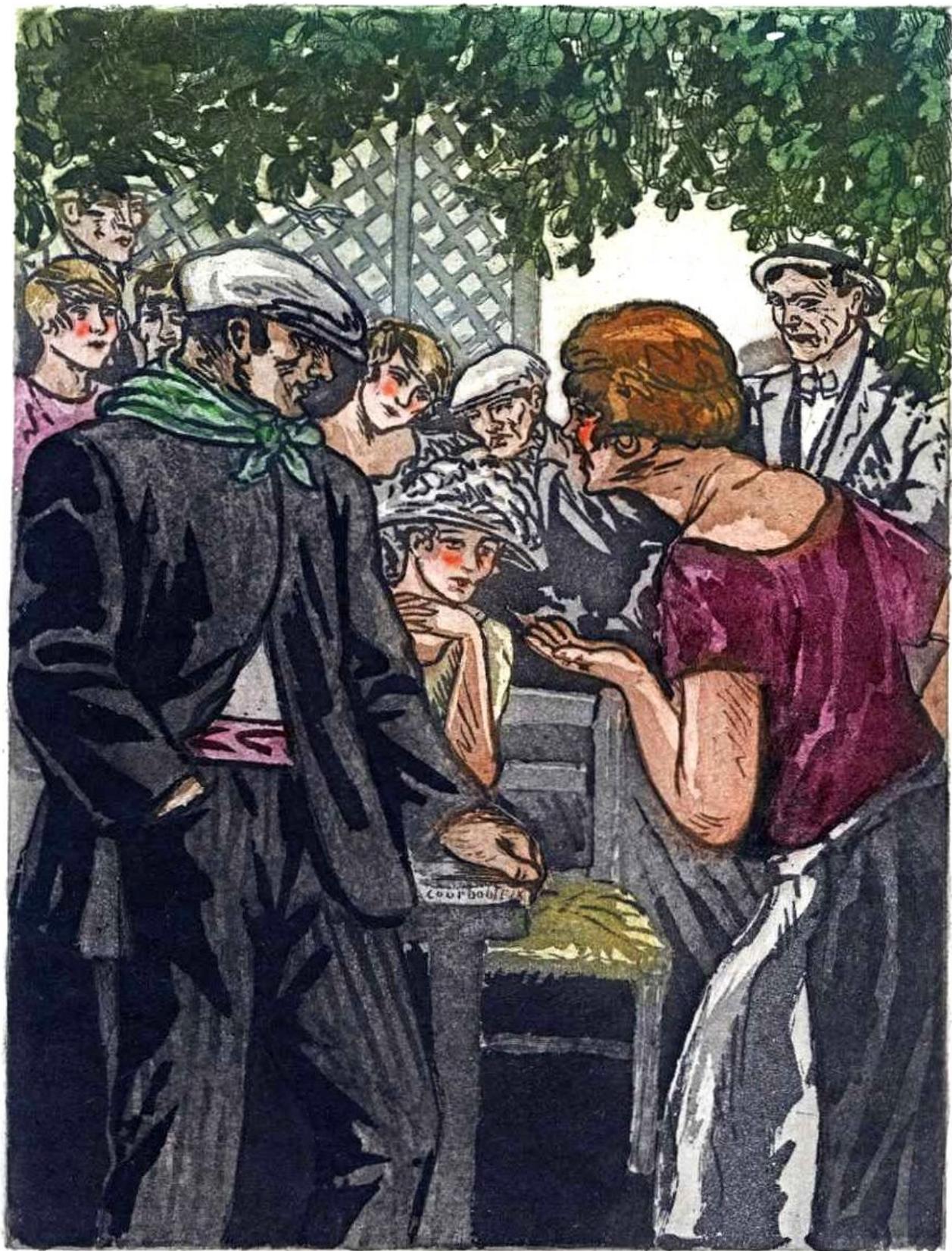
— Во всяком случае, не к вашей роже. Всем известно для чего вы здесь. Не мужчины привлекают вас сюда; я знаю ваш номер, достаточно взглянуть на вашу физиономию.

— Мели! — заревел Мом хриплым голосом.

— Нет здесь Мели, есть только любовница Тома. Слушай, Тома, мужчина ты или нет? Долго еще ты будешь позволять оскорблять меня? Тебе не стыдно таскаться с этой шайкой врилей и теток!

— Молчи, молчи, Мели! — умолял красавец-сутенер.

— Молчи!.. О! напрасно ты думаешь, что я буду молчать! Эй! вы там, — закричала она, обернувшись к группе человек в двадцать девиц и парней, прибежавших на шум ссоры, — идите, смотрите, что делает Мом-Ужасный. Он записался в проводники к теткам и врилям высшего света и в их поставщики в

свое свободное время; смотрите хорошенько, товарищи! у вас увозят ваших женщин, а вы, девицы, точите хорошенько ваши ногти — у вас увозят ваших мужчин.

Криками и бранью ответила публика на выходку Мели. Весь бал спустился на берег и свистал лодке с ее пассажирами: проститутки и бродяги приветствовали Мели. Трое бродяг, войдя в воду по щиколотки, уцепились за лодку и хотели ее остановить.

— Смерть теткам! — визжал фальцетом Улитка. — В реку их! выкупаем врилей в соку!

Минута становилась критической; вся глухая ненависть «дна» против роскоши и дерзости богатых вырвалась наружу, раздраженная злопамятством прежних пострадавших зол. Людин де Нерфлиз, мертвенно-бледная, покачнулась на ногах, сделавшихся вдруг мягкими; руки убийц легли на плечи Генри Марейля, Жюло и его друзья высвободили его. Мом понимал опасность момента.

— Заставь ее замолчать, — шепнул он Тома, — дело принимает дурной оборот. Да вели же ей замолчать, черт возьми!

— У! тетки! У! врильи, Убейте их, убейте их, — рычала Мели.

— Да вели, наконец, ей замолчать, влепи ей пощечину, разве ты не мужчина, что у тебя за кровь в жилах? репный сок, что ли? Проучи же ее! Что же, наконец, я, что ли, должен вмешаться?

— Только посмей, — остервенела красивая девушка, поднося свои ногти к щекам Мома-Ужасного.

— Так это битва девок? — насмеялся Мом. — Проваливай, или я тебя убью.

— Кис! кис! — кричала сгустившаяся толпа и в воздухе мрачно вырастали крики смерти. Ужасные крики откликались эхом на острове; полиция, предусмотрительно оставшаяся на балу, боялась показаться.

— Смелее, Мели! — шептал Улитка. — Смелее!

И красавица, возбужденная, подошла к своему любовнику.

— Сволочь, навозная куча! — крикнула она ему прямо в физиономию. Тяжелый удар кулака опустился на ее лицо и оглушенная девушка упала на берег.

— Замолчишь ли ты, наконец!

Тома, выведенный из себя, совершил поступок, достойный мужчины.

Генри Марейль, подталкиваемый Жюло и другими, прыгнул в лодку. Потихоньку Мом-Ужасный уперся одним веслом в песчаную почву берега и быстрым толчком оттолкнул лодку на середину реки.

Лодка, переполненная беглецами, подплывала к другому берегу, преследуемая смехом, свистом и бранью. Мужчины хвалили теперь поведение Тома: он хорошо сделал, что проучил свою жену. Женщины бросились к Мели, а затем вернулись на бал.

Облокотившись локтем на иву, Мели обмывала, плача, свое окровавленное лицо; Улитка, стоя на коленях на берегу, смачивал платок в жирной воде и подавал его ей; девушка прикладывала его к своим больным глазам, из которых один уже распух и начал синеть.

— О! негодай, мерзавец, — шептала она сквозь слезы, — я убью его, я убью его и избавлюсь тогда от него.

Маленькая рука взяла ее висевшую руку и Улитка, все еще стоявший на коленях перед ней, потянулся к ее талии.

— Если хочешь, Мели, возьми меня, — сказал маленький бродяга, — но ты будешь меня любить, скажи, будешь ты меня любить?

Уголок острова опустел. Ночь опустилась на высокие тополя и, пара за парой, танцоры покинули зал. Мели тихо всхлипывала. Облокотившись о стол, уродец держал ее руку в своей. Они пришли сюда, ища уединения, после того как все уже ушли. Жалобно и хрипло стонала варварская шарманка на берегу, по ту сторону реки, а на горизонте, потемневшем от дыма стольких заводов, колоссальная арматура Эйфелевой башни ступшеывалась понемногу и превратилась, наконец, сама в дым над виадуком Пуэн-дю-Жура.

XXVII

Умиравший дом

Мириль умирала. Осень развила болезнь чахоточной и ускорила ее процесс. Раздирающий кашель мучил ее теперь день и ночь, и, наклонившись над своим тазом проститутки, любимая Филибером пансионерка медленно выплевывала туда кровь своих легких. Ноябрь с его дождями окончательно уничтожил их и лежащая с 15-го октября в своей постели рыжеволосая красавица с зелеными глазами угасала, исхудалая и печальная, напоминавшая теперь умирающую «Даму с камелиями».

Участие хозяйки избавило больную от общей палаты больницы. Полицейские предписания требовали отправления всякой серьезно заболевшей пансионерки в больницу, но, при виде такого страдания, m-me Филибер вспомнила, что она несправедливо подозревала чахоточную. Из-за анонимного доноса она приписала заботливости и нежному участию Филибера похотливые намерения по отношению к Мириль, но она убедилась потом, что была неправа. Расправа с двумя виновными, этими стервами Жюльеттой и Ревеккой, раскрыла ей глаза на макиавеллистические планы этих двух тварей.

Так как Вероника была добра, она почувствовала, как увеличилось в ней чувство симпатии к Мириль, а с усилением болезни эта симпатия перешла в нежную и всегда встревоженную печаль. Этим quasi-материнским беспокойством по отношению к любимице мужа хозяйка старалась искупить свою прежнюю несправедливость к мнимой преступнице, которая была теперь обелена.

Горбунья обладала всеми сокровищами доброго сердца и, кроме того, она жила вдали от своих детей. Они никогда не приезжали в Обри: ей казалось, что будет лучше, если она отдаст своих двух дочерей к урсулинкам в Мо, а двух сыновей к иезуитам в Орлеан. Они не должны были знать, каким ремеслом

занимается их отец, и любящая натура, которой обладала хозяйка, лишенная сыновней привязанности, вылилась, наконец, в виде восторженной нежности на умирающую Мириль. Некоторые женщины испытывают такую сильную потребность самопожертвования и потом, если даже ничего и не было между ней и Филибером, ее обожаемый толстяк все-таки любил эту девушку и его, своего Филибера, любила и лелеяла горбунья в умирающей пансионерке.

По соглашению с ним, она скрыла положение Мириль от санитарной комиссии; больную переселили из ее комнаты, находившейся на третьем этаже, с окном в переулок Готре... Она была слишком мрачная и слишком холодная и Вероника устроила ее на втором этаже, около супружеской спальни, в бывшей комнате своих дочерей, комнате веселой, где было много воздуха, и выходившей в сад. С поступлением дочери в школу, она складывала там груши и яблоки из фруктового сада; консервы и варенье заполняли также шкафы этой комнаты. Все это перенесли в другое место: запах фруктов мог помешать больной. Мириль лежала теперь на кровати Марты, старшей дочери хозяев. Целые дни и ночи в ее обширной комнате топились камин и солнце светило там с десяти утра до четырех часов дня, но это бывало редко, так как вот уже больше месяца шел постоянно дождь, стуча в стекла, и верхушки больших кленов парка, расшатанные порывами ветра, наполняли дом своим печальным шелестом. По ночам, во время долгих бессонниц, Мириль прислушивалась к их безнадежному трепетанию. Она прислушивалась также к тяжелым шагам клиентов, спускавшихся по лестнице, а иной раз к глухим ударам кулака пьяниц, дергавших внизу дверь, особенно по ночам в субботу на воскресенье, когда ярмарочный день задерживал крестьян в городских кафе. И с горячей и разрывавшейся от кашля грудью, Мириль вспоминала праздники святых своей родины, когда она была прислугой на постоялом дворе в Плоермеле, и какая масса моряков и ломовых извозчиков собиралась в дни богомолья в общий зал «Трех дроков», — гостиницы, где она бегала в белом чепчике и коротеньких юбках. Запах карболки и креозота распространялся в закрытой комнате, и в пустом молчании ночи, словно усилившемся от проливного дождя, Мириль думала о бесконечной грусти осени у себя на родине... Гостиница, в которой она служила, была на самом краю деревни и выходила на большую дорогу и, в дождливые ноябрьские дни, ланды простирались далеко-далеко, плачевные и жалкие под прозрачной пеленой проливных дождей.

Par les vitres grises de la lavanderie,
J'ai vu tomber la nuit d'automne que voilà...
Quelqu'un marche le long des fossés pleins de pluie...
Voyageur, voyageur de jadis, qui t'en vas,
A l'heure où les bergers descendent des montagnes,
Hâte-toi! Les foyers sont éteints où tu vas,
Closes les portes aux pays que tu regagnes.
La grande route est vide et le bruit des luzernes
Vient de si loin qu'il ferait peur... Dépêche-toi:
Les vieilles carrioles ont soufflé leurs lanternes...

C'est l'automne: elle s'est assise et dort de froid
Sur la chaise de paille au fond de la cuisine...*

И ее прошлое служанки стучало ей в виски и, в то же время, стесняло ее бедные свистящие бронхи, и агония маленькой бретонки повергала в уныние весь дом.

Бедное заведение Филибера, оно сильно изменилось за четыре месяца! Какой-то несчастный ветер подул на бывшую общину дам благородного происхождения Обри! Внезапный уход Жульетты и Ревекки принес несчастье дому. Филиберу так и не удалось заменить двух негодяек. Напрасно рыскал он по Парижу и окрестностям, все женщины, которых он находил, только прошли через улицу Годре, но ни одна не осталась там. Вскоре пришла повестка из суда по поводу жалобы Ревекки, обвиняющей Филибера в побоях и увечье и требующей за это вознаграждения, и потянула Филибера в исправительный суд. Вот ужас-то и суматоха поднялись в доме и попытка самоубийства ошеломленной Эжени выдала, таким образом, тайну ее любви к патрону. Этот последний скандал окончательно скомпрометировал заведение Филибера; слух об этом проник в другие заведения (дамы ведь переписываются друг с другом). Процесс о побоях и увечье, да вдобавок самоубийство, — чересчур много для одного патрона. Женщины не хотели больше идти в заведение, где хозяин избивает своих пансионеров или производит на них такое сильное впечатление, что они лишают себя жизни из-за него; в то же время Анжелина, соблазненная предложениями Изидора Ледрю, содержателя заведения в Сен-Валери-ан-Ко, ушла от Филибера. Однажды утром она спустилась вниз со своими вещами и заявила, что уходит в другое место, но не хотела сказать, куда. Хозяин и хозяйка сделали псе, чтоб ее задержать, но не могли преодолеть ее упрямства. Так как она заплатила все свои долги, хозяева принуждены были ей уступить. Хитрая и настойчивая от природы, девица получила, кроме того, хорошие инструкции; она уехала со вторым поездом. Только через несколько дней после этого узнали, что она у Изидора Ледрю.

Филибер был зол за это на своего друга; между тем, он никак не мог пополнить пробел и заменить отсутствующих. Хотя он и предлагал крупные коммиссионные поставщикам и стал чаще ездить в Париж, но он привозил одну только дрянь: дичь из Сен-Лазара или же птицу слишком низкого достоинства. Не успевал он приезжать, как должен был снова отправлять назад этот плохой товар, который только вредил заведению.

Повсюду ходили о нем дурные слухи, которые удаляли хороших работников от его заведения. В Париже он должен был бороться с открытой враждой Мома-Ужасного, его угрозами смерти и недоброжелательством целой армии товарищей, терроризируемых Момом или же составивших шайку с целью служить его интересам, а между тем, Филиберу все еще не хватало трех женщин, можно даже сказать, четырех, так как Эжени, с того неудавшегося самоубийства, не могла больше идти в счет... У нее был совсем расстроен желудок, съе-

* «Сквозь серые окна прачечной / Я вижу осеннюю ночь...». Стихотворение А. Батайля (1872-1922).

денный квасцами и жавелем, который она проглотила. Несмотря на молоко и масло, которое она истребила в тот же день в большом количестве, ей постоянно жгло верхнюю часть живота. Она еще больше похудела, не переваривала больше никакой пищи и, не говоря уже о ее восковом цвете лица, торчащих ушах и синяках под глазами, как будто черных фонарях над защемленным и бледным носом, она была вовсе не привлекательна для клиентов. Ее теперь рвало почти на каждом шагу, что делало ее совсем негодной для работы.

Так как она была верна и привязана и так как, в общем, она повредила свое здоровье из-за патрона, ее также оставили из жалости. Ее приставили к белью и терпели так, как терпят старую негодную служанку в домах, когда ею тяготятся. Характер Эжени испортился с несчастьями и ее преданность была теперь в тягость всем.

Таким образом, недоставало в общем четырех дам. Из семи пансионеров, которые составляли в мае прошлого года полный комплект процветавшего заведения, осталось всего только три: Жеральдина, Мириль и Тотот.

В то время, когда приходили и уходили ненадежные заместительницы, только что поступавшие и сейчас же уезжавшие, Мириль и выбилась из сил. Чтобы угодить хозяйину и хозяйке, она разрывалась на части, брала на себя грубую работу и не отказывалась больше от занятий в дни ярмарки и в субботные дни. Ее нервность больной поддерживала ее до тех пор, пока она не покинула ее; и, стора в лихорадке, храбрая девушка должна была лечь в постель с ослабленными руками и ногами... Она не могла больше исполнять никакой работы, так что у Филибера оставалось всего только две девицы: Тотот и Жеральдина, другими словами, полное разорение...

Впрочем, вот уже две недели, как состав дома Филибера увеличился на две персоны. Он привез из Парижа некую девицу по имени Иоланда, одну из героинь «Родной мельницы», той самой пивной около Военной школы, где наскандалил унтер-офицер и которую прикрыла полиция. Скандалы ли специального характера в учреждении *m-me* Адель привлекли внимание властей или же жалобы соседей, а может быть и клиентов, слишком бесцеремонно обобранных? И в то время, когда все расходились оттуда, Филибер и подцепил там Иоланду. Несмотря на полусвободу, которой Иоланда пользовалась в пивной, она продолжала тосковать по закрытым заведениям, где она провела лучшие годы своей жизни. После околачивания, в продолжение недели, по парижским мостовым, она приняла предложение Филибера. Патрон привез также другую девицу, таскавшуюся по домам Безье, созревшую и искусившуюся во всех видах проституции Биттеры, где темпераменты пылкие, а любовные изощрения как нельзя более разнообразны. Это была сухая брюнетка с профилем козы, с худыми ляжками, узловатыми и волосатыми, как у ломового извозчика. Пятнадцать лет ремесла не угасили ее вулканического темперамента и, удовлетворив все страсти южных людей, это создание с инстинктами и профилем козы пожелало испытать любовные ласки севера. После неудачного пребывания в Париже, где ее волосатая худоба привела в ужас клиентов, она приняла предложение Филибера и успокоилась на людях центра. Жалкая, худая и малокровная девица, с костлявым затылком и жидкими волосами, отдающими в

конопляный цвет, ничтожная на вид, приглашенная сюда случайно из заведения на Еврейской улице в Орлеане, заканчивала собой новый персонал улицы Годре; но прозрачность ее жидкого тела отталкивала даже самые грубые вкусы. Ольга была похожа на сгнивший кизил, не успевший еще созреть, на один из этих несчастных плодов без сока, которые сгнивают еще в цветку, и, следовательно, Филибер мог рассчитывать только на двух первых девиц, Марину и Иоланду. Так что патрон сейчас же опять поехал на поиски, не успев еще даже как следует водворить этих трех девиц. Прошла уже целая неделя как он уехал, и Вероника сильно беспокоилась о нем в этом большом доме, который близился к банкротству и в котором дни и ночи раздавались приступы кашля Мириль, наполнявшие гулкие коридоры. Все что-то не ладилось на улице Годре: кредиторы грозили, дурные слухи циркулировали насчет кредитоспособности заведения и озабоченный вид мужа не мог утешить бедную Веронику. Его бывшая веселость исчезла и во время его коротких пребываний в Обри он все время сердился, ругал девиц и обращался грубо с бедной женой. Испуганная и дрожащая за мужа, она не узнавала своего Филибера и, кроме того, он уезжал как-то неожиданно, так же, как и приезжал. Без сомнения, он не говорил ей всего!

Утратив энергию, бедная женщина потеряла всякий авторитет у девиц; они жаловались теперь на стол, когда-то такой обильный и славившийся в городе. Не было больше хозяйского глаза. Хозяйка вела неумело дело со штрафами; она только раздражала девиц и не могла заставить их бояться себя. Среди общего неустройства и неизбежной гибели заведения, предоставленное женщинам, погибало в эти грустные дождливые ноябрьские дни, омраченные, кроме того, приближающейся смертью Мириль.

Мириль умирала.

— Как ее здоровье, а? Не лучше? Я слышала, как она кашляла сегодня всю ночь. Вот суматоху-то подняла!

— О! наш дом превратился теперь в больницу.

И Тотот подвинула немного стул, чтобы дать место подошедшей бледной Ольге, которая только что вошла в зал. Это был час завтрака, час, который девицы закрытых заведений предпочитают всему остальному. Встав поздно и освежившись после ночной работы, они знают, что имеют впереди четыре или пять часов в полном своем распоряжении до прихода клиентов. Прилив последних начинается только за некоторое время до обеда.

Завтрак собирает девиц всех вместе. Они любят засиживаться за столом, ведя длинные разговоры, в распущенных широких пеньюарах. Они рассказывают друг другу свои ночные происшествия и бессознательно, в своей болтовне, составляют скандальную хронику местного сладострастия... В провинции, не считая скандальных событий, которые раздражаются от времени до времени для оживления однообразных разговоров, все сводится к местному гостеприимному дому.

*J'ai rêvé de t'aimer parmi des fleurs étranges;
J'y cueillais en donnant des roses et des lis,*

Des voix de chérubins et des harpes d'archanges
Y rythmait, notre extase et nos pàs assouplis.

Иоланда вошла в зал. В длинном розовом фланелевом пеньюаре, она все еще сохранила на своих выкрашенных волосах тот маленький чепчик с жемчугами средневековой развратницы и с уст ее не сходил сентиментальный напев, который приводил в раздражение клиентов из военной школы; каков поп, таков и приход. Так же как и ее бывшая хозяйка m-me Адель, Иоланда была отравлена ядом литературы, она была поклонницей Средних веков и элегий и была полна снисходительности к запрещенной любви между особами одного пола.

— Что будем мы есть сегодня? — спросила она, наклоняясь к плечу Тотот, ища предлога, чтобы прикоснуться своей мягкой грудью к лопаткам девушки. — Вот как, устрицы! Шикарно!

— Не удивляйся очень-то, они теперь ничего не стоят. При этом противном дожде, они, ты думаешь, не портятся в корзинках? Горбунья купила их, вероятно, задаром.

И Жеральдина, синий чулок этого дома, томная блондинка и размазня со ртом, обезображенным подозрительной краснотой, старалась есть изящно и, беря устрицу большим и указательным пальцем, осторожно подносила ее к своему носу.

— Что я говорила, они пахнут дождевой водой. Можно заразиться тифом. Хозяйка находит, что здесь еще мало больных, просто несчастье! — И она села, зашуршав нижней шелковой юбкой (Жеральдина особенно заботливо следила за нижними юбками). — О! теперь уж не то, что было раньше!

— Раковины нельзя перевозить с места на место!.. их надо есть тут же, на месте, иначе они портятся. Вот на юге, это совсем другое дело! Что такое ваши устрицы, даже из Аркашона, в сравнении с морским ежом, с ракушкой или же с венеркой. А морские блюда! Это так вкусно, прямо восторг! Особенно в Безье!

На что Тотот заметила:

— Как ты надоела нам с твоим югом и твоим Безье. Чего ж ты не осталась там, если тебе там так нравилось?

— Мадам любит путешествовать, — насмехалась Иоланда.

— А ты, разве ты никогда не скиталась? Ты, может быть, и родилась здесь? — возразила Марина, сжав кулаки и нагнув голову вперед, как защищающийся баран.

— Я, да; я путешествовала, но я ни о чем не сожалею.

— Но, может быть, ты воображаешь, что тебя жалеют?

— Не подеритесь еще из-за устриц! Мы, слава Богу, одни, а то еще придет сюда хозяйка или же эта дохлая Эжени. Вовсе не аппетитно видеть за столом этот флакон ипекакуана!

— Ее постоянно рвет, избавьте нас от ее присутствия.

— Бедная! — вздохнула Тотот, которая была добра. — Ее рвало сегодня все утро. Можете быть покойны, вы не увидите ее сегодня. Что же касается хозяй-

ки, она наверху, с больной.

— А если она наверху, то она уж не уйдет оттуда, — вздохнула Жеральдина. — Она ее так любит, она любит ее больше своих дочерей. И до чего же глупы женщины. Это после того, что произошло между ней и ее мужем.

— А может быть, она чувствует нежность к ней? — сплетничала извращенная Иоланда. — Я знала хозяек, которые были не прочь...

— Да, но не Вероника, ты ее не знаешь! Она рождена, чтобы быть монахиней.

— Но только за Бога она приняла Филибера, — и Тотот продолжала тоном профессиональной философии: — Я не могу понять, как это можно так влюбиться в мужчину.

— А я понимаю, — сказала биттерийка страстным голосом, — так как у нас на родине есть интересные мужчины!

— Должно быть, ты им не очень-то пришлась по вкусу, — насмеялась рассерженная Иоланда, — если приехала искать счастья сюда.

— Не говоря уже о том, что ты и у нас не понравишься никому, — протянула Ольга вялым голосом, — здесь не любят волосатых женщин.

На что обиженная южанка возразила:

— Пускай уж лучше я буду такой, как я, чем такой, как ты. Я не пачкаю белья, по крайней мере.

— Что ты хочешь этим сказать, треска ты этакая?

— Треска? Я не отмечена, как ты. Посмотри на себя, с твоей татуировкой!

И она указала под кашемировым пеньюаром татуированное плечо девушки. Ольга натянула быстро белый шерстяной платок на инициалы «Д. П.», написанные тушью на верхней части ее левой руки.

— И у тебя даже не хватило смелости написать полное имя твоего возлюбленного, — смеялась Марина.

На что Тотот заметила, громко рассмеявшись:

— Ты не угадала, шафрановый ты цвет. «Д. П.» значит «Долой полицию». Она побоялась написать полными буквами из-за центрального полицейского бюро.

— Антропометрического отделения, — пошутила Марина.

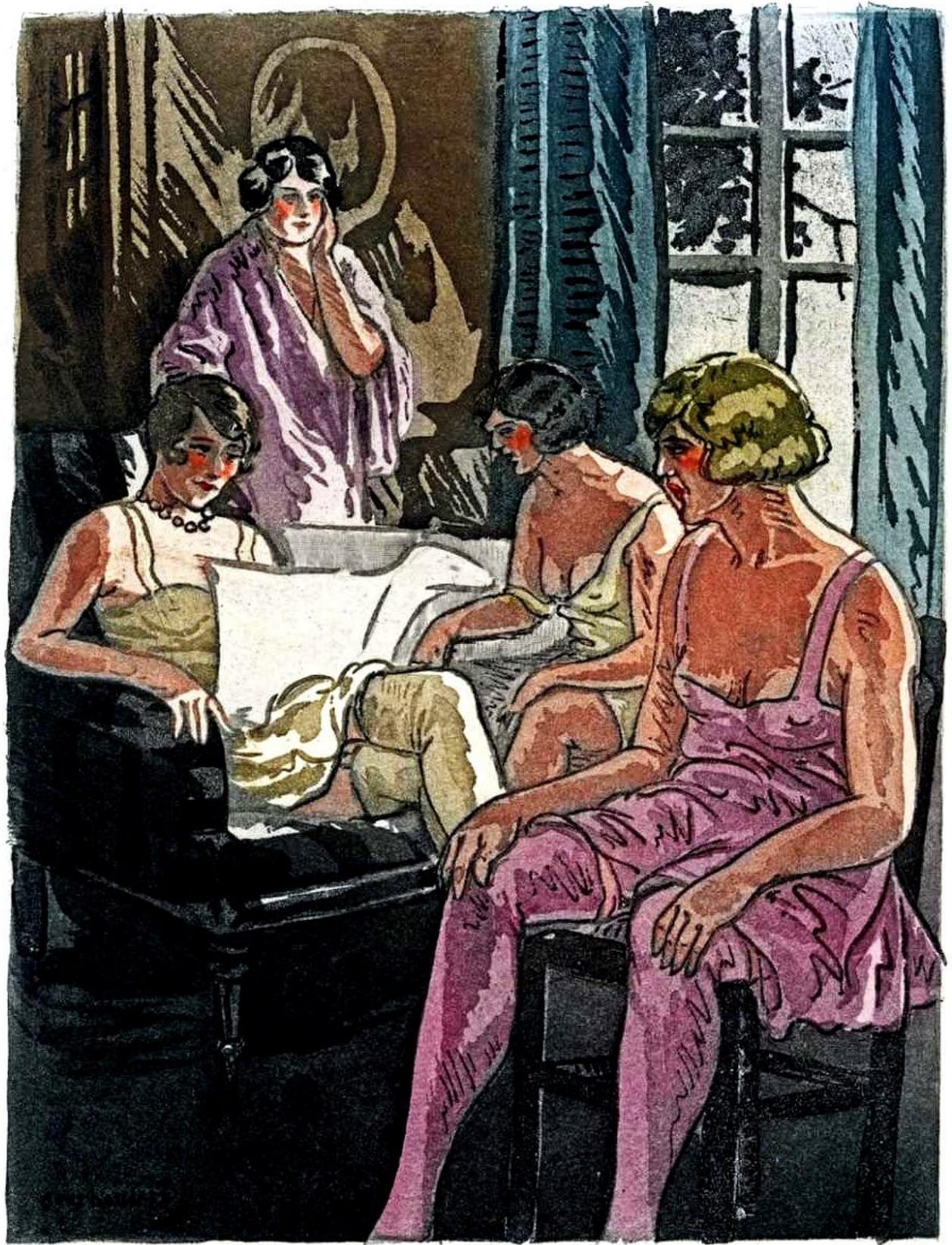
— Ты хочешь этим сказать, что я воровка? Да ты знаешь, это первые буквы имени единственного человека, которого я любила, — и все бледное лицо Ольги покрылось ярким румянцем.

Инстинктивным жестом она взяла в руки свой нож.

— Перестаньте, вы желаете, чтобы хозяйка пришла сюда? — прервал спокойный голос Жеральдины. — Не можете вы, наконец, сидеть спокойно? Нельзя даже почитать газету.

Синий чулок заведения положил на стол газету «Petit Parisien», которую она принесла из своей комнаты, несмотря на правила. Но в доме все шло спустя рукава после последних событий. В отсутствие патрона и в то время, как хозяйка засиживалась у Мириль, дамы делали, что хотели.

Каждое утро Жеральдина, которая страшно любила читать газеты и книги, приносила с собой за стол массу брошюр и свою газету «Petit Parisien». Ей

приносил их один подпоручик 130-го полка, влюбившийся в нее за ее изящные манеры. Она читала ее за столом, презирая болтовню подруг, и еще более старалась подчеркнуть свое отличие от них, притворяясь, что не интересуется их ничтожными разговорами. Иногда, однако, во время кофе, по просьбе одной из дам, она читала им вслух всевозможные происшествия. Тогда она старалась заботиться о своей дикции, оттеняла фразы и торжествовала над незнанием других, гордая тем, что училась кой-чему. Тотот слушала ее с вытаращенными и большими, как плошки, глазами и все слушали молча.

— Меня трогает Жеральдина, — говорила крестьянка. — У нее голос учительницы в школе! Ты имела бы успех на сцене!

И все девицы приходили в восхищение.

Угрозы хозяйки водворяли спокойствие.

— Что нового в газетах? — спросила Иоланда.

— О! ничего особенного, — ответила Жеральдина. — Я только еще прочла передовую статью, я еще не просматривала дневных происшествий.

— А исчезновение этих двух полировщиц? их еще не разыскали?

— Конечно, тут замешаны какие-нибудь торговцы живым товаром.

И все девушки засуетились с вытянутыми в сторону Жеральдины шеями.

Одно событие интересовало тогда весь дом Филибера и все однородные дома: исчезновение двух маленьких работниц, двух учениц, считавшихся вполне порядочными и живших еще четыре месяца тому назад в своих семьях. Они исчезли в конце июля и все поиски полиции до сих пор оказались бесплодными. Справки местных полицейских участков установили, что обе работницы, за две или за три недели до исчезновения, немного закутили. Их видели два или три раза на балу в «Альказаре» у Итальянской заставы, сидевших за одним столиком с сутенерами. Наконец, в понедельник 19 июля, их заметили на балу апашей, на островке Робинзона в Пуэн-дю-Журе, одном из наиболее прославившихся своей дурной репутацией пригородных мест, и в очень странном обществе: обществе спортсменов и журналистов вперемешку с публичными девицами и бродягами.

Один из наиболее опасных рецидивистов, Адольф Биге, известный под именем Мома-Ужасного, сопровождал в этот день на остров компанию светских людей, пришедших туда из любопытства. Неизвестно, участвовали ли также две исчезнувшие работницы в этом псевдо-турне великих князей. Это была тайна! Обеих полировщиц видели около четырех часов на острове Робинзона пьющих за столиками с вышеупомянутой компанией. С тех пор их больше не видали. Эта история с девочками, взволновавшая одно время весь Париж и печатавшаяся в газетах под названием «Торговля белыми», интересовала теперь только специальный круг людей, круг публичных девиц, а главным образом — девиц закрытых заведений.

В это утро, любопытство дам Обри-лез-Эпинет было обмануто: «Petit Parisien» даже и не упоминал о деле двух полировщиц.

XXVIII

Читая газету

— О! на этот раз есть новое!

И Жеральдина уселась за стол, развертывая газету. Она подготовила свой выход и подождала, когда сядут все девицы, чтоб показаться на пороге зала. Жеральдина произвела желанный эффект.

Все носы поднялись из-за тарелок; дамы только что кончили есть закуски.

— Что такое? что такое?

— Новое то, что одна из девочек найдена.

И Жеральдина, сев между Тотот и Иоландой, передала последней газету.

— Прочти, милая Ио-Ио. Я голодна, а этот маринованный тунец возбуждает аппетит. Вот тут, на третьей странице: «Тайна выясняется».

И Иоланда, высморкав нос и откашлявшись, чтоб прочистить голос, начала читать:

«Тайна выясняется. — Читатели помнят об исчезновении двух молодых работниц-полировщиц, Роберты Видаль и Леони Гобен, родители которых были в отчаянии и о которых полиция не имела никаких сведений с июля текущего года. Этих двух молодых девушек видели в последний раз на балу апашией, на островке Робинзона, между Исси и Пуэн-дю-Журом, в обществе публичных женщин и сутенеров. Адольф Биге, называемый Момом-Ужасным, наиболее опасный рецидивист Бельвилля, сопровождал их на этом балу. Этот Адольф Биге, вор и предводитель шайки, один из наиболее опасных злодеев всей армии преступников, терроризирует вот уже целый год Париж и его окрестности. Все заставляло предполагать, что обе несчастные девушки были завербованы этим негодяем, проданы им и отправлены в какие-нибудь отдаленные заграничные заведения, и поиски были направлены во все дома Лондона, Роттердама и Нью-Йорка. Ужасное открытие, сделанное вчера в трюме баржи, заброшенной в мертвом рукаве острова Сен-Жермен, в Билланкуре, снова возвращает этому делу, казавшемуся забытым, животрепещущую злободневность. Бродяга, который был застигнут третьего дня ночью на набережной д'Исси, направился к одной из барж, чтобы переночевать в ней... В мертвом рукаве реки есть постоянно баржи, вышедшие из употребления и предоставленные на гниение благодаря небрежности жителей. Не успев войти, он выбежал оттуда, громко крича, и привлек внимание рыбака. На зов этого последнего прибежала публика соседнего ресторанчика и стала расспрашивать человека. Бродяга, стуча от ужаса зубами, указал пальцем на лодку и пробормотал, что там труп; люди пошли на берег с фонарями и открыли в трюме, под кучей гнилой и вонючей соломы, разложившийся труп. Предупрежденный об этом полицейский комиссар отправился на место в сопровождении врача, который заявил, что смерть

последовала по крайней мере два месяца тому назад; несмотря на это, признали, что труп этот был трупом совсем молоденькой женщины со светлыми волосами, так как ее белокурые волосы с блестящим желтым оттенком прилипали еще к черепу, кишасшему червями. На этот разложившийся, холодный и вонючий труп и хотел лечь бродяга, искавший ночлега. На другое утро тело было отнесено в морг. В двенадцать часов дня его признали за труп Роберты Видаль, одной из двух молоденьких девушек, исчезнувших 19 июля и, как думали, проданной Адольфом Биге, прозванным Момом-Ужасным. Одна из подруг жертвы, зашедшая туда случайно, узнала несчастную девушку по серебряному кольцу с бирюзой, которое было у нее на пальце, и по лоскутку материи ее платья из синего перкаля с белым горошком. Семья, немедленно уведомленная об этом, также узнала платье и кольцо. Сыскная полиция не сомневается, что Роберта Видаль была увлечена на эту баржу каким-нибудь негодяем, и там, в уединении берега, изнасилована и убита им и, может быть, многими другими сообщниками; берега всех этих окрестностей посещаются ночью подозрительной публикой. Что касается другой молодой девушки, Леони Гобен, опасаются, что она потерпела ту же участь, но в другом месте острова.

Адольф Биге и сопровождавшие его в понедельник 19 июля сутенеры снова усиленно разыскиваются; есть, впрочем, предположение, что преступление совершено не ими.

Полиция отдала приказ об исследовании русла реки на всем протяжении острова».

— Подумаешь, — воскликнула Тотот, — чему подвергаешься, когда любишь покутить!

— Меня так мороз подирает по коже, — заявила биттерийка. Она развалилась на столе с локтями, подперев подбородок, чтоб лучше слышать. — О! эти парижане!

На что Иоланда, пожав плечами, ответила:

— Эти парижане!.. Как будто не убивают женщин в провинции! Если бы у меня было столько тысяч франков годового дохода, сколько девиц убили между Авиньоном и Марселем, пари держу, что я была бы богачка. Что вы там ни говорите, но нигде так не весело, как в Париже.

Тогда биттерийка заметила:

— Так что же вы торчите здесь?

— Я? я отдыхаю здесь так же, как и вы, так как вы приелись там всем на юге.

— Ах, отстань! Ты уж мне давно надоела...

— А вы не читаете самого интересного, — прервала их Жеральдина своим спокойным голосом. — Пойдите, дайте мне газету.

И обведя свою аудиторию взглядом, она продолжала:

«Последние известия. — След найден. По наведенным справкам полиции, в день исчезновения Роберту Видаль и ее подругу Леони видели в сопровож-

дени не только Адольфа Биге с его шайкой, но также и в компании двух спортсменов и одного очень известного художника, бывшего там с одной из наиболее шикарных парижских демимонденок. Артистка “Французской комедии”, танцовщица из “Ла Скала” в Милане, имевшая долгое время шумный успех в “Эдене”, и даже настоящая принцесса была в этот день на острове апашей, а также один драматический писатель, известный по пьесам в “Амбигю”. Весь этот “свет”, после короткого пребывания на островке, отправился заканчивать день на одну из соседних вилл, принадлежащую графу Озору. Адольф Биге и полировщицы были приглашены и увезены с другими девицами и сутенерами на виллу графа, снятую для этого случая одним из спортсменов».

— Какова хитрость, а! Эти богачи, — перебила Тотот.

«Было предложено угощение дамам и пиршество затянулось далеко за полночь. После же этого празднества, несчастные работницы-полировщицы были увлечены на берег и убиты там своими спутниками. Госпожа Л. де Н. и господин Г. М. вызваны на завтра к судебному следователю Барра. Аресты неизбежны. Говорят о госпоже О. из “Французской комедии”; но эту артистку слишком протезирует правительственный мир, там много хлопчут о том, чтоб устранить ее от неприятностей судебного следствия, и все заставляет думать, что она не будет потревожена».

— Конечно, всегда несправедливости, — ворчала Тотот. — Если бы это была одна из нас, не стали бы стесняться и отправили сейчас же в Сен-Лого.

— Без сомнения! — и Марина кивнула головой. — Я сидела в предварительном заключении за меньшую провинность, чем эта.

— А! ты сидела в тюрьме? — поддразнивала Ольга лукаво.

— Да, из-за драки с ножами двух типов, двух моих клиентов; ни одному из них я не хотела отдать своего сердца.

— Ну ладно, если ты начнешь рассказывать нам твои любовные истории... Нет уж, избавь! Если каждая из нас начнет болтать все глупости своей собачьей жизни, то этому никогда не будет конца.

— Молчи, молчи, — закричали все девицы, а Ольга в особенности, так как она ненавидела Марину.

— Да, пожалуйста, заткни свой канализационный рукав, иначе из него выбегут крысы.

Громкий взрыв хохота встретил выходку Ольги; биттерийка, смущенная, не нашла ничего другого, как эти слова:

— Да! что и говорить, эти богачи ужасно развращены! Развратить двух бедных работниц и заставить грязных бродяг убить их, и все это только для своего удовольствия, ну, не ужасно ли это? Только в Париже и можно видеть подобные ужасы.

Жеральдина, слегка задетая, захотела показать свои знания.

— Милая моя, — и она обратилась к Марине, — ты совсем не в курсе исто-

рии твоей родины. Маркиз де Сад был родом не из Парижа, а из Марселя.

Весь стол вытаращил глаза; последовала минута молчания.

— Маркиз де Сад? Что это такое?

— Это удивительный тип по этой части. Нельзя сделать что-нибудь более скверное. Этот человек делал такие мерзости и жестокости! Он также и убивал. Он любил кровь в любви, заживо удушал женщин и устраивал у себя оргии; он угощал сначала своих гостей шпанскими мушками. Были такие, которые умирали от этого.

— Но его, по крайней мере, казнили?

— Он умер сумасшедшим в Бисетре, сумасшедшим от любви; он ел свой кал...

— Ах! свинья! — воскликнули хором все девицы.

— Это уж не так скверно, как то, что он вытворял до сумасшествия; но он был зато талантлив. Я дам тебе прочесть одну из его книг, тебе, Иоланда, ты сумеешь оценить ее: «Жюстина или несчастья от добродетели», «Флоренса или несчастья от порока».

— Ах! это хорошие названия и правильные, — вздохнула Ольга.

— Я дам тебе также прочесть «Философию в будуаре»; но не давай их никому.

— Но этот маркиз де Сад, каким же образом случилось, что он остался безнаказанным? — спросила заинтересованная Марина.

— Он ведь был маркиз. Это происходило до революции, — ответила Жеральдина, пожав плечами.

— А Революция не отрезала голову этому мерзавцу?

Биттерийка не могла успокоиться.

— О! он был ловкий, он, вероятно, вывернулся. У нас, например, республика? А разве будет что-нибудь всем этим дамам «света», скомпрометированным в деле Билланкура? Одна за границей, другая танцует в Вене; это ведь принцессы. Третья спит с правительством. Что же касается этой Л. де Н., это тоже какая-нибудь шлюха высокого полета, которая также выйдет сухой из воды и которую судья еще проводит до кареты.

— Л. де Н., — сказала таинственно Иоланда, — я знаю, кто это.

— Неужели?

— Она приходила довольно часто в «Родную мельницу», и m-me Адель, моя бывшая хозяйка, видела ее часто на Лондонской улице. Было даже время, что она приходила туда по три раза в неделю. Она развращена до мозга костей и любит страшно эти кутежи. О! эта не отказывает себе ни в чем.

— Ты знаешь, кто это? — спросили с любопытством все женщины.

— Еще бы мне не знать! Это Людин де Нерфлиз, бывшая метресса курляндского короля. Вот деньги-то загребает! Миллионами! Две девочки, которых убили — это не удивляет меня, если тут принимала участие Нерфлиз.

— Что хочешь ты этим сказать?

— Что Нерфлиз способна на все. Она из «любопытных». А с этим далеко зайдешь, не правда ли, Дидин?

Жеральдина важно кивнула головой. Вошла толстая кухарка Элоиза и при-

несла рагу из барашка.

— Как там наверху? — спросила небрежно «синий чулок» заведения.

— Наверху, о! сегодня вовсе не хуже. Если б только перестал этот проклятый дождь. Барышня кушала сегодня хорошо; я носила туда котлетку, мадам заставила ее скушать и теперь читает ей газету.

— Какую, — спросила Жеральдина, — мою?

— Нет, газету «Le Journal». Надо же ее развлечь.

И толстая кухарка удалилась.

Дамы набросились на блюдо.

Вдруг Тотот отодвинула свою тарелку.

— Хорошо все-таки быть образованной и так хорошо уметь читать, чтение так увлекает. Удивительно, чего только ни узнаешь из газеты! А больше нет ничего в сегодняшней газете, Дидин?

— Тебе все еще мало того, что мы прочли? Что, разохотилась, лакомка!

И она раскрыла небрежно газету:

— Вряд ли есть еще что-нибудь; я сейчас посмотрю.

Она пробежала рассеянным взглядом столбцы газеты.

— Вот! кое что для нас, «Драма в публичном доме». Посмотрим, в чем дело.

И Жеральдина начала, скандируя слоги:

«Два петуха жили дружно, появилась курица. Надо перевернуть эту поговорку, чтобы объяснить кровавую сцену, которая разыгралась вчера утром в доме № 839 на улице Сент-Апполин. Этот дом, как известно, занят публичным домом. Две пансионерки этого заведения, по имени Ирма Лорьо и Ноэми Бежар, были старинными подругами; обе девицы знали друг друга еще раньше в различных домах, где они состояли в качестве пансионерок. Они сошлись опять на улице Сент-Апполин к их великой радости».

— Понимаю, — прошептала Иоланда, лукаво подмигнув глазом, — еще одна нежная парочка.

— Дай же кончить! — и заинтересованная Тотот толкнула ее локтем в бок.

«Подруги не расставались, а остальные пансионерки смеивались над этой дружбой. Ничто так не обманчиво, как внешность. Вчера утром Ирма Лорьо, имевшая любовником сердца некоего Жозефа Одифре, по ремеслу слесари, на самом же деле ее сутенера, узнала по адресу письма, врученного Ноэми Бежар, подделанный почерк своего любовника. В последнюю отлучку из дома, когда слесарь отправился гулять с обеими девицами, недоверие Ирмы уже было пробуждено тысячью разных мелочей, которые она заметила между Одифре и своей подругой. Во время завтрака, в полдень, Ирма Лорьо поднялась под каким-то предлогом в свою комнату. На самом же деле она произвела обыск в комнате Ноэми Бежар. Обшарив ее платье, она нашла заинтриговавшее ее письмо и, несмотря на подделанный почерк, сразу узнала руку Одифре. Некоторые особенные выражения Жозефа и на-

меки на их последнюю прогулку не оставили в ней ни малейшего сомнения. В бешенстве она спустилась в столовую, где все еще были в сборе, и сунула письмо под нос Ноэми Бежар.

— Ну и что же? — возразила та. — Мне это было приятно; не я ведь начала.

— Что?

— Я говорю, что ты ему надоела, да впрочем, ты и сама это знаешь, так как прочла письмо.

— Какая нахалка! — перебила Ольга.

«Словом, произошло крупное столкновение между двумя женщинами. Ноэми Бежар, которая была высокой и сильной, кинулась на свою соперницу и стала наносить ей удары кулаком по лицу, как вдруг она подкосилась на ногах, испустив громкий крик. Ирма Лорьо, вне себя от гнева, нанесла ей в нижнюю часть живота два удара ножом.

Жертва, положение которой очень серьезно, была немедленно отправлена в больницу Сен-Луи.

Девушка же Лорьо отведена в полицейское депо. Преднамеренность убийства уже установлена против нее, так как в руках у нее был не столовый нож, а небольшой кинжал, за которым девушка Лорьо и ходила в свою комнату, чтобы убить подружку».

— Ну вот, довольно с вас, милые кошечки. Это был для вас прямо лакомый кусочек, ведь да? — и Жеральдина снова положила газету на стол.

— Вот глупость! Убивать друг друга из-за мужчины! до чего это смешно и наивно! — и Иоланда неопределенным жестом резюмировала происшествие.

— О! я понимаю, что можно все сделать из-за любви, — возразила горячая южанка. — Если только любишь человека.

— Ну, болтай чепуху о любви. Только дуры способны погибать из-за мужчин! Ну какой толк из того, что эти две идиотки влюбились в кота?

— Одна очутилась в тюрьме, а другая в больнице, — согласилась благоразумно Ольга.

— Я нахожу, что ничего нет лучше маленькой подруги. О, Боже! влюбиться в мужчину при нашем-то ремесле. Неужели еще мало этой несносной дневной и ночной работы? И темперамент же у вас; видно, что вы не страдаете чашоткой.

Бывшая служанка пивной защищала свою собственную слабую струнку.

Вошла Элоиза и принесла кофе.

— Но есть ведь еще одно ужасное преступление в газете. Ты нам не все прочла, Жеральдина, — и Тотот потянула к себе «Petit Parisien». Вот здесь, «Подвиг сутенеров».

— Еще! так сегодня день событий? То были женщины, а теперь мужчины. Ну-ка, дай мне, Тотот.

И Жеральдина завладела газетой и снова начала читать с теми же прие-

мами дикции:

«Подвиг сутенеров. — Господа эти не укрощаются. Кровавая драма повергла в ужас весь квартал Монтан-Сент-Женевьевы.

В понедельник вечером, по выходе с народного бала, бывшего около залы Октоар, один провинциальный содержатель публичного дома, обегавший в этот вечер весь квартал в поисках за новыми пансионерками, был окружен шайкой неизвестных сутенеров и зарезан. Ему нанесли девять ударов ножом. Несчастная жертва, кроме того, была до того обезображена ударами сапог в лицо, что сначала нельзя было даже установить личность убитого, так как убийцы унесли с собой бумаги несчастного, а также деньги и бриллианты, бывшие при нем. Жертва дышала еще по доставлении ее в больницу, но, несмотря на все усилия, она отдала свой последний вздох час спустя, не приходя в сознание. Письмо, найденное зашитым в подкладке его платья, позволило установить, что...

— Я не могу, я не могу... О! какой ужас!.. какое безобразие!.. О! какой ужас!.. — всхлипывала Жеральдина, вся побледнев. Девушка опрокинула голову на стол и, с расширенными зрачками, вдруг остановившимися, она бледнела все больше и больше, готовая упасть в обморок.

— Что случилось? что случилось? — и все женщины, вскочив с мест, столпились вокруг нее.

— Читайте сами! — ответила та упавшим голосом, отбросив судорожно руками листок газеты.

Пансионерки набросились на «Petit Parisien», как собаки на добычу, но почти сразу зрачки у всех зрачки расширились, одна и та же дрожь пробежала по всем телам и, тяжело дыша, с чертами, перекошенными от ужаса, ни одна не могла удержаться, чтобы не воскликнуть:

— М-сье Филибер, м-сье Филибер! наш патрон! Какое несчастье!

Жеральдина пришла понемногу в себя. Тотот, ошеломленная, лежала грудью на столе. Марина и Иоланда, более владевшие собой, впились глазами в газету:

«Письмо, найденное зашитым в подкладке его платья, позволило установить, что имя человека, убитого на улице Монтан-Сент-Женевьев, — Филибер Одижон, содержатель закрытого заведения в Обри-лез-Эпинет, около Орлеана (департамента Луары)...

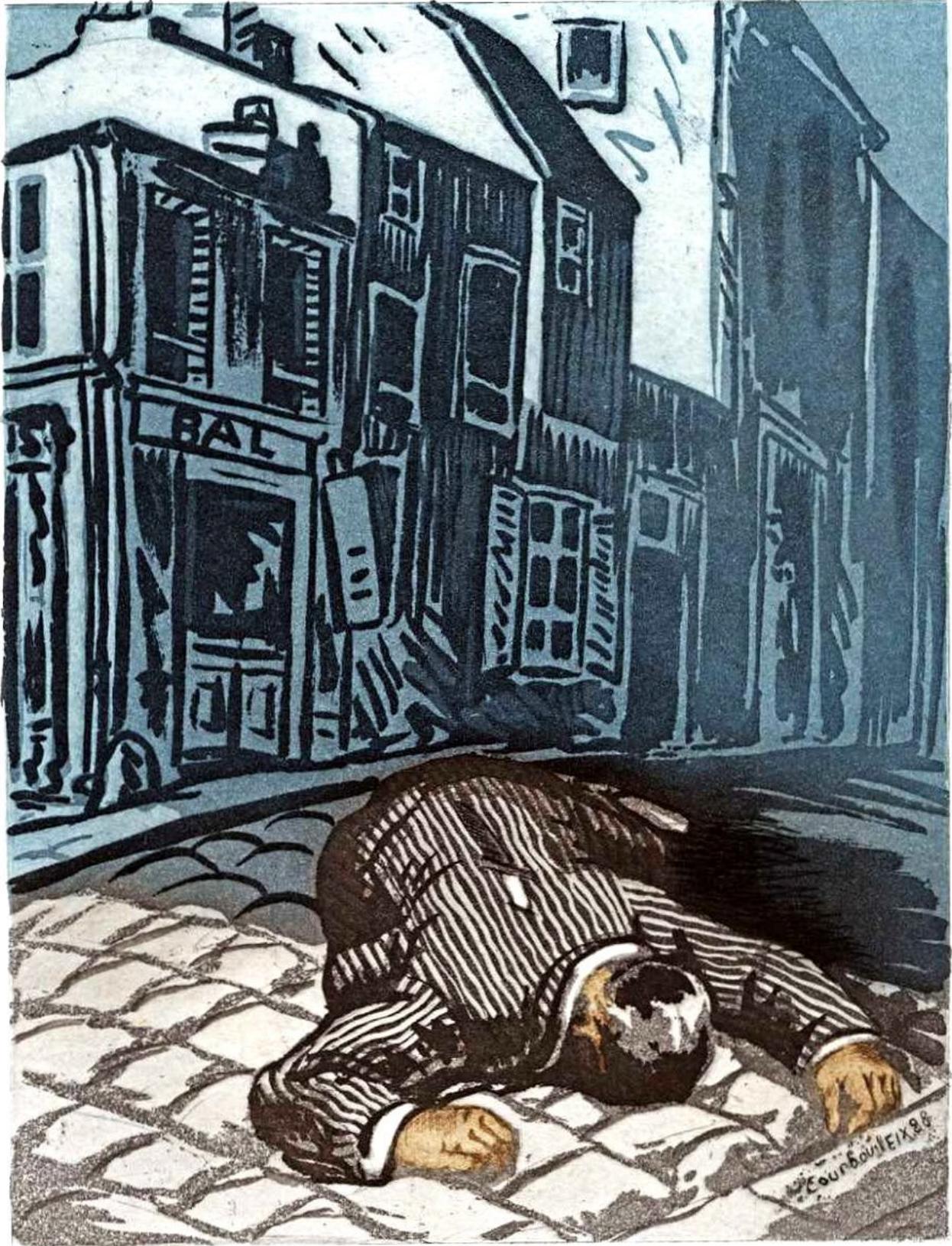
— Ну да, конечно, это наш хозяин, конечно...

Иоланда прочла сообщение о происшествии почти по складам.

Ужасное молчание тяготело теперь среди опечаленных женщин; слышно было отчетливо, как дождь хлестал по стеклам; он шел целую ночь и продолжал идти с самого утра. Ставня, отстегнутая ветром, стучала на втором этаже.

— А мадам, бедная мадам! — всхлипывала Жеральдина.

— А мы, что будет теперь с нами? — рыдала, закрывшись руками, Тотот.

И снова водворилось тяжелое молчание в опечаленном публичном доме.

Вдруг душераздирающий крик резко раздался по всем комнатам. Это был не крик, а безумный рев, ужасная зловеющая жалоба женщины, которую убивают, или собаки, которая воет, предвещая смерть. Девицы встали, все одинаково опечаленные в душе; прошла минута молчания и затем раздался другой крик. На этот раз это было как бы уханье совы, которое протянулось и отдалось так трагически по пустым коридорам дома, что все женщины, кроме Жеральдины, оставшейся почти лежать на стуле, бросились к двери, толкаясь на лестнице, и направились к площадке второго этажа. Крик исходил оттуда.

Девицы остановились теперь нерешительно у двери комнаты Мириль, где, они чувствовали, случилось несчастье. Иоланда, наконец, решилась открыть дверь. Продолжительные рыдания наполняли комнату: две женщины находились в ней, тесно обнявшись друг с другом и лежа на одном краю постели. Одна из этих женщин лежала в кровати; рубашка сползла с ее худых прозрачных плеч и лицо ее было закрыто распустившимися волосами. С длинными всхлипываниями, которые встряхивали ее всю, она плакала на груди другой женщины, сидевшей у ее изголовья, чья голова упала на ее подушку. Сидевшая была в обмороке. Это была хозяйка, m-me Филибер. Та, которая держала ее в своих объятиях, наполовину голая и совсем слабая, обливавшая ее своими слезами и покрывавшая поцелуями, была Мириль. Ее рубашка была покрыта розовыми пятнами крови; кровавые струйки, вырывавшиеся из ее легких через рот, падали изо рта на ее грудь. Номер газеты лежал развернутый на кровати, след ногтя виднелся на прорванной газете под рубрикой дневных происшествий: «Подвиг сутенеров».

Они также прочли об этом.

Одинаковое горе раздавило обеих женщин и агонизирующая Мириль старалась оживить впавшую в обморок вдову, обливая ее своими слезами и кровью.

У обеих убили человека, которого они любили.

— А Эжени, — подумала вслух Тотот, — надо также предупредить и ее!

XXIX

Понятие о чести

«Что делаете вы в Венеции и какую кружевницу, какую контессину, вырвавшуюся из мемуаров Казановы, или какого гондольера Карпаччио могли вы встретить в городе дождей, чтоб еще сидеть там в ноябрьские туманы? Да вы сгниете в этой Венеции мертвой воды и заплесневелого мрамора, насквозь пропитанной дождями! Венеция в ноябре! Только вы и можете решиться на такое препровождение времени. Большой канал, вероятно, походит теперь на Темзу.

Вы знаете, прошло ведь больше четырех месяцев с тех пор, как вы уехали. Вы покинули Париж в конце июля для Ментоны и затем для Корсики, так как вы до того особенный человек, который делает все шиворот-навыворот, что вы едете на Ривьеру во время летнего зноя. В Ментоне вы процветаете в июле, а в Аяччио в августе: вы человек мертвых городов, так как никто не поверит, что вы проводите два месяца в горах. Я вас слишком хорошо знаю. Затем вы пробыли целый месяц во Флоренции, против чего я возражать не буду, так как родина Данте восхитительна в сентябре.

Вы флиртовали, в продолжение пяти недель, с художниками школы Омбри, а 8-го октября вас встретили на площади Святого Марка. Я знаю вашу преступную слабость к маленьким венецианским улицам и канальчикам, но, право, трех недель для этого совершенно достаточно; можно вдоволь наглядеться. Но что вы еще 25 ноября сидите в городе Дездемоны и Бианки Капелло, приехав туда 18 октября, это уж заходит за границы моего понимания.

Тем более, что у вас там гнилая осень; в этом году метеорологические бюллетени из Венеции совсем неутешительны; постоянные бури, наводнения!..

У вас там два раза Адриатическое море гуляло на площади Святого Марка. В Париже очень удивлены вашим отсутствием. Ваше продолжительное пребывание в сырых лагунах интригует и заставляет болтать ваших друзей и врагов. Хорошо осведомленные люди приписывают вашей “ссылке” мотивы, в которых неудобно сознаться. Так приезжайте же к нам скорее и опровергните немедленным приездом циркулирующую легенду о том, что вы пленник венецианских тюрем... тем более, что вы пропускаете грандиозный скандал, погибая целую вечность в Италии. Весь Париж в волнении; на этих днях разразилось одно из тех дел, которые снабжают материалом, в продолжение двух месяцев, хроники и разговоры клубов и салонов: одно из тех приключений в области нравов, которые характеризуют эпоху и, позднее, предоставляют целое общество на суд возмущенного негодования историков.

Эта история совсем в духе XX века, в том смысле, что самые низменные преступные “подонки” общества перемешаны здесь с наиболее изысканным светским элементом. Хотя вопрос о ядах и любовных напитках с целью очарования царствующего монарха здесь и отсутствует, тем не менее, эта история обещает столько же шума, как когда-то, в царствование Людовика XIV, дело о ядах. Там замешаны несколько прекрасных дам, имена которых не сходят с уст парижан.

Они принадлежат скорее к демимонду, впрочем, одна настоящая принцесса, правда, итальянская, замешана также в это дело, а вас нет, мой милый Менар, вас, человека наиболее осведомленного в пересудах и сплетнях будуаров и альковов.

Все Цитере угрожает опасность и сам Лесбос не вполне спокоен, а также и некоторые мертвые города, в библейском смысле слова. Этот чисто парижский скандал мог бы быть озаглавлен: “Paris qui marche”. Теперь вы все знаете, и я даже слышу, как вы заржали от удовольствия. Я не скажу, чтоб эти дамы и мужчины устроили черную мессу, но они сделали почти то же самое, а может быть, и хуже.

Даже клубы, и те скомпрометированы, так как герцог де М... и Три Звездочки замешаны также в эту историю и, без сомнения, дело обошлось не без искусства и литературы. Генри Марейль, разумеется, также тут фигурирует, он был организатором празднеств. А если принимает участие Генри Марейль, следовательно, замешана и m-elle де Нерфлиз.

Эта единственная пара не расстается никогда, ни в горе, ни в радости и, для процветания их дома, всякая реклама хороша. И даже этот несчастный д'Этьен вызван к судебному следователю. Он, как говорят, принимал участие в оргии, которая повлекла за собой следствие, и его прелестная подруга, Одетт Эмьен, также приглашена в суд. Она была замечена полицией в веселой и несколько подозрительной компании, состав которой стараются теперь восстановить.

Но что же такое произошло, спросите вы меня? Не мешало бы вас помучить немножко, это научило бы вас, как нехорошо покидать на четыре месяца ваших друзей.

Вот в чем дело: все это прекрасное общество составило тайную и анонимную ассоциацию, девизом которой могло служить следующее изречение: "Все естественное и неестественное свойственно природе человека". Дамы желали смотреться в родственные им души под эгидою мужчин, а мужчины искали ответа в прекрасных, родных им душах под эгидою дам.

Для удовлетворения этих взаимных фантазий, герцог де М... и Три Звездочки искали жертв в предместьях; у них, конечно, было больше свободного времени, чем у Марейля, который был занят портретами, или д'Этьена, который пропадал на репетициях.

Когда охота оказывалась удачной, де М... и Три Звездочки давали знать своим сообщникам и все собирались на маленьком празднике, заимствованном у греков или римлян времен упадка империи, причем всегда старательно меняли место сборища. К своему несчастью, герцог де М... и Три Звездочки связались, для поисков за дичью, с одним из самых ужасных преступников Парижа, одним из тех рецидивистов, которые держат в страхе весь город и окрестности, настоящим предводителем шайки, «Ужасом» на жаргоне этого мира, имя которого Адольф Биге, а прозвище Мом-Ужасный. Его бесчисленные злодеяния давно обратили на себя внимание полиции, но он всегда умел до сих пор избежать ее происков. Этот Биге, у которого есть друзья и сообщники во всех кварталах Парижа, оказывал им неоценимые услуги; он водил де М... и Три Звездочки по балам, которые пользуются самой скверной репутацией, по всевозможным притонам и вертепам, направлял их выбор и доставлял им, с удивительной ловкостью, всю пришедшуюся им по вкусу дичь мужского и женского пола.

Адольф Биге и его друзья также принимали участие в кутежах наших жуиров. Этот преступный элемент вносил еще больше остроты в дело и прелестные дамы вовсе не гнушались ими. К несчастью, последний кутеж, устроенный этими утонченными искателями новых ощущений, имел неприятные последствия.

Две молоденькие работницы-полировщицы, из которых одной было едва

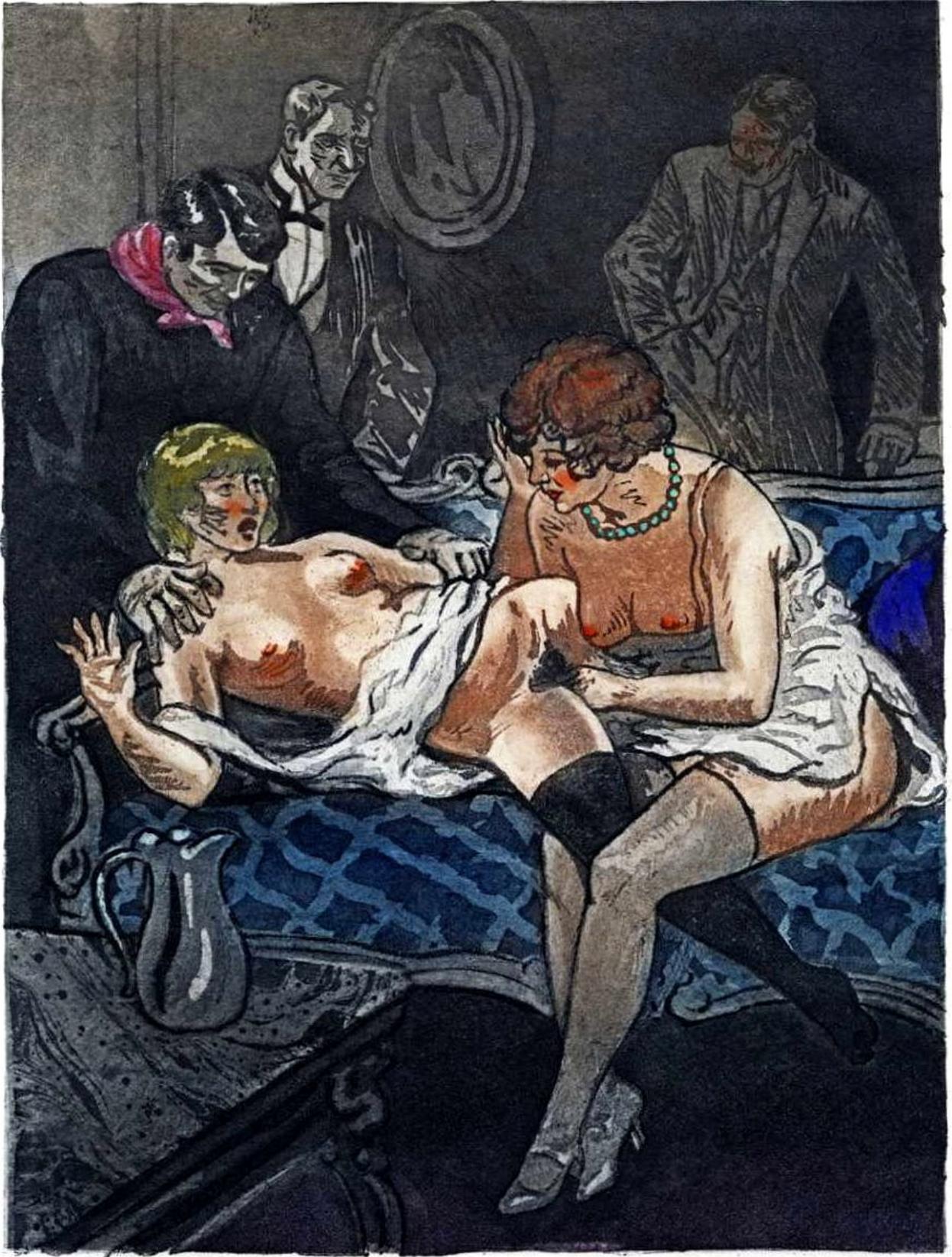
семнадцать, а другой восемнадцать лет, приведенные туда Адольфом Биге, не появлялись более. Прошло около четырех месяцев с тех пор, как потеряли их следы, и, так как этот Адольф Биге, грабитель, атаман шайки и вербовщик светских людей, был, кроме того, поставщиком девиц в публичные дома, что называется на арго “торговец мясом”, то и предполагали, что обе девочки были завербованы этим негодяем и отправлены в какое-нибудь заграничное заведение. Впрочем, вы, конечно, читали “Торговлю белыми”; но одно ужасное открытие только что осветило всю эту загадочную историю трагическим светом.

В разложившемся трупе, найденном на дне трюма баржи, заброшенной в мертвом рукаве острова Сен-Жермен, узнали одну из разыскиваемых работниц, более молодую и красивую из двух, по имени Роберта Видаль; и суд не сомневается, что несчастная девушка была заведена туда и убита этим Биге или одним из его компании. В данную минуту даже уверены, что и другую работницу постигла та же участь.

Теперь поймите, милый друг, насколько серьезно становится положение нашей компании эпикурейцев: обе жертвы Адольфа Биге были приведены им на бал апашей, на остров Робинзона в Пуэн-дю-Жур, где их ожидали герцог де М..., Три Звездочки, m-elle де Нерфлиз, Генри Марейль и другие. Полиция видела их там и заметила, так как появление столь элегантного общества произвело некоторую сенсацию на балу публичных женщин и бродяг, и отъезд наших спортсменов произошел не без инцидентов; Адольф Биге даже должен был мобилизовать всех своих друзей, чтоб дать им возможность уехать.

Оттуда все это элегантное общество отправилось полдничать на остров Сен-Жермен, на виллу графа Озора, снятую на этот день герцогом де М.... Вы знаете виллу Озор с ее прекрасным садом; можно сказать, что вилла была специально предназначена для этого, так как вы ведь знаете, какого рода пиры задавал там граф и почему семья засадила его в лечебницу.

Что произошло на банкете, никому не известно! Ни один из приглашенных не похвастался этим. Стены владения Озор очень высоки и обе работницы исчезли как раз по окончании пира; с тех пор их больше не видели. И вот этот труп, найденный в негодной барже, вблизи самой виллы, проливает теперь мрачный свет на всю эту историю. Обе девочки были изнасилованы, затем убиты сейчас же по выходе из виллы Озор. Явились ли они, во время пира, неудобными свидетельницами и желала ли компания обеспечить себе их молчание, вот что хочет выяснить теперь следствие. А может быть, они просто явились жертвами грубых животных, воспользовавшихся ими? Этот самый Адольф Биге еще не найден. Пока, m-elle де-Нерфлиз, герцог де М... и Три Звездочки проводят все свое время в суде; д'Этьен, очень недовольный всем этим, ждет с минуты на минуту, что его также вызовут. В Министерстве художеств всеми силами стараются выгородить красавицу Одетт Эмьен, у нее там много друзей; она может лишиться из-за этой истории своих прав действительного члена “Французской комедии” и уйти из театра, что было бы, признайтесь, очень жаль: красивых женщин не так уж много у м-сье Кларти. Кроме того, называют потихоньку и другие имена. Люси Вердейль посчастливи-

лось: она приглашена в настоящую минуту в Вену, где танцует в “Коппелии”; таким образом, она избегнет допроса и ограничится только письмом оттуда; принцесса Вашьяни также за границей. Раз Люси Вердейль приглашена в Вену, принцесса тоже там, как этому и следует быть.

Наиболее скомпрометированы во всем этом деле герцог де М... и Три Звездочки, которые устроили пир, и m-lle де Нерфлиз, для которой, как говорят, и была приведена убитая полировщица...

За недостатком точных сведений, в суд сыпятся анонимные письма, в которых, в наиболее ясных и смелых выражениях, обозначаются роли каждого и мотивы убийства. Главное обвинение взваливают на Адольфа Биге и на Людин де Нерфлиз. Предполагают здесь месть женщины; Людин так красива и ее положению так завидуют.

Вот, мой милый, тот громкий скандал, который вы пропускаете. Есть еще масса подробностей, которые я не могу доверить бумаге. Прилагаю при сем несколько вырезок из газет; “Le Journal” и “Gil Blas” подробнее всего пишут об этом. Словом, вот клочок парижской жизни, который в данный момент революционирует все салоны».

Письмо застало меня в Венеции, белой и бездомной благодаря выпавшему снегу; в Венеции со свинцовыми водами, сделавшимися похожими на воду канализационных труб от контраста с белизной снега. Фасад старых дворцов, казавшийся грязным и жалким под ослепительной от белизны инея резьбой, еще больше подчеркивал скверную сторону гнилого города под преходящей белизной горноста я морозного дня. Зима — большой враг солнечных городов: ослепительная чистота ее феерий предательским образом обнаруживает все недостатки и изъяны. Я покинул без сожаления Венецию, обесчещенную снегом, и вернулся в Париж.

Я действовал там с некоторой осторожностью. Как ни хотелось мне получить скорее все сведения, я не забывал, что и я также был на острове Робинзона в знаменитый понедельник 19-го июля, когда оказалось скомпрометировано столько людей. Я вовсе не желал быть вызванным к судебному следователю в компании с m-lle де Нерфлиз и Генри Марейлем. Будучи уверен, что товарищи Мома-Ужасного (Адольфа Биге) должны были знать об этом деле гораздо больше, чем правосудие, и что только в кругу сутенеров и патронов я узнаю тайную сторону этого дела, я отправился на поиски Бодармона и Бисквита.

Бисквит, по-видимому, переехал в другое место; два письма, адресованные к его приятелю-кабатчику и оставленные без ответа, заставили меня предположить, что бывший пекарь покинул Париж. Но где найти Бодармона? У меня вовсе не было охоты ехать в Мо в декабре, да еще застал ли бы я его дома? Как и все эти люди, содержатель заведения был всегда в разъездах.

«Золотой пояс» заставлял тогда бегать весь Париж в «Фоли-Бержер». Я знал, какой специальный круг людей привлекают на улицу Ришер сеансы борьбы: букмекеры, завсегдатаи скачек, барышники, сутенеры, все те люди, которые живут вне общества. Вся эта компания страстно любит атлетический

спорт. Я уж не говорю о рабочих предместий, которые находят возможным спускаться с наиболее отдаленных холмов и усердно следить за борьбой чемпионов всего мира, где бы эти сеансы ни происходили. Это знамение времени. Деньги, скорость и сила: вот три могущественных двигателя современного общества.

Итак, я отправился в «Фоли-Бержер» со смутной уверенностью, что встречу там кого-нибудь, кто даст мне верные сведения. Я не провел и двадцати минут в променуаре, как увидел облокотившегося у двери одной ложи Эрнеста Бодармона. Патрон был один, хотя и в центре группы людей, внешность и манеры которых не оставляли ни малейшего сомнения в их социальном положении.

Бодармон! Я был спасен. Я поработал локтями и добрался до толстяка. Собирались начать второй сеанс. Я ущипнул его за руку. Патрон обернулся с нелюбезным видом.

— Это я, Бодармон, не сердитесь.

— Вы, м-сье Менар? Я уж думал, что вы умерли. Какими судьбами? Вот уж больше четырех месяцев вас нигде не видно.

— Я был за границей, я вернулся вчера.

— При всем том, что происходит здесь, вы хорошо сделали, что заехали. Так вы пришли посмотреть борьбу?

— Вы видите, как и вы.

— Вчерашний сеанс был интересен, но сегодня, до сих пор, скорее слабо. Очень приятно все-таки увидеться с вами после того, как мы так долго не виделись.

— С 19 июля, на балу апашей, в Пуэн-дю-Журе.

— Совершенно верно, больше четырех месяцев.

— Сколько воды утекло с тех пор, сколько произошло событий!

— А! вы в курсе дела, м-сье Менар, вы также знаете!

И лицо содержателя сделалось мрачным.

— Конечно, знаю; я ведь читаю газеты. Как это ужасно! Эта маленькая Роберта, блондиночка, и такая хорошенькая; убить ее и запрятать в баржу! По всей вероятности, Мом-Ужасный устроил эту штуку?

— О! этот негодяй! — и вся добродушная физиономия Бодармона изменилась вдруг и сделалась ненавидящей; затем, понизив голос, он сказал:

— Не будем говорить здесь об этом, здесь слишком много ушей; пока Мом еще не пойман, надо остерегаться всех. Никогда не мешаю быть осторожным.

И он сделал движение, чтобы выбраться из толпы.

— Вы на него очень сердиты, на Мома? — спросил я, заинтригованный. — Вы не были в ссоре с ним четыре месяца тому назад!

— Мом! Да вы, значит, не знаете, что он сделал, вы ничего не знаете?

— Его подозревают в убийстве этой девочки. Да, я знаю.

— Молоденькой полировщицы? О! он сделал гораздо хуже этого. Но вы же ничего не знаете. Он убил Филибера!

— Филибера?

— Ну да, Филибера, патрона Обри; ну да, вашего друга, нашего друга, того

самого, с которым...

— Филибер! Филибер умер!

— И похоронен. Мы отвезли его на кладбище, завтра будет уже две недели; все друзья его были в Обри. О! были прекрасные похороны. Но не надо стоять здесь, м-сье Менар, я задыхаюсь от жары, мне надо поговорить с вами. Борьбу мы всегда успеем посмотреть, идемте.

И, помогая себе локтями, он протолкался сквозь толпу.

Я последовал за ним, ошеломленный. Филибер! убили Филибера! А его бедная вдова! Сердце мое сжалось при мысли об отчаянии его жены, и когда мы уселись за столик в саду, опустошенном спектаклем, как пневматическим колоколом. — борьба увлекла всю публику в променуары, — Бодармон заказал два бокала и заговорил немного хриплым голосом.

— Итак! случилось то, что должно было случиться с того момента, как Мом сказал, что убьет Филибера; он и убил его. Мы все знали, что между ними кончится плохо, Мом его уж слишком не выносил, но, вы знаете, хотя все и ожидали этого, тем не менее, когда эти вещи случаются, то всегда поражают вас как громом, а это был тяжелый удар для меня, так как Филибер был мой друг и, я могу сказать, мой лучший друг. Бедный старик! Мы знали друг друга больше двадцати лет... О! дружба и ненависть товарищей, это уж на жизнь и на смерть. Несчастный Филибер, его ведь все предупреждали,

Впрочем, он остерегался Мома, он уж не осмеливался больше сам ходить на балы, он действовал через своих поставщиков, он принимал все меры предосторожности, что ему, однако, не помешало быть зарезанным ножом, четырьмя ударами в спину и тремя в нижнюю полость живота, в один из понедельников вечером, при выходе с народного бала Монтань-Сент-Женевьевы. Его настигли, конечно, предательски, и те, которые убили его, удрали. Полиция не могла открыть преступников в продолжение целой недели; я же, как только прочел об этом на другой день в газете в Мо, то сейчас же догадался, кто его убил. Мом достаточно хвалился тем, что убьет его: «Он издохнет только от моей руки», — говорил он. Он сдержал свое слово, но, так как я не доносчик, то и не буду болтать.

Бедный Филибер! Я отвез его в Обри. Если бы вы видели лицо его бедной жены, — совсем лицо распятой. Приживи я еще лет, я помнил бы, м-сье Менар, ее крик при выносе тела. Мы привезли его в Обри в гробу (все было сделано в морге), так что несчастная женщина не видела изуродованного лица мужа, но она видела, как привезли колесницу в дом; все жители были на улице, весь город был на вокзале, так как история наделала шума, газеты были полны делом об убийстве. Обыкновенно в этих домах похороны устраиваются втихомолку. Смерть пугает всегда клиентов и все хотели, чтоб гроб внесли и вынесли через сад, но Вероника ничего не хотела слушать. Филибера вынесли из его дома ногами вперед, через главный подъезд, как принца, и повезли в колеснице, украшенной кистями; это были похороны первого разряда, м-сье Менар, и весь фасад публичного дома был затянут черной материей.

Весь персонал следовал за гробом в глубоком трауре, исключая его Мириль, маленькой, рыженькой, вы помните, конечно, и Эжени, той, у которой был вид классной дамы; они обе были больны слишком серьезно, чтобы выходить. Мириль умирает от чахотки, в данную минуту она, пожалуй, уж умерла, а та, другая, которая хотела лишиться себя жизни из-за Филибера, больше уж не поправится. О! что касается любви, то Филибер на это не мог жаловаться; он совершил много побед! А на кладбище, m-me Филибер вдруг залаяла, как собака, и испускала такие крики, которые переворачивали нам всю душу, у нас у всех сжалось сердце; там было много патронов, приехавших проводить его! Были представители от всех заведений на пятьдесят лье кругом, и крупные патроны, которые приехали из Парижа, а сколько венков, сколько венков! были там даже венки в сто франков! и какая масса цветов! О! его уважали все, и надо же было, чтоб эта сволочь Мом... И как только не боится эта гадина?

В ту минуту, когда полиция разыскивает его повсюду из-за убийства в Билланкуре, он нападает на открытой улице Монтань-Сент-Женевьев на Филибера, и полиция снова упускает его! Бедная девочка, какие у нее были прекрасные глаза, помните вы, m-сье Менар? синие, как небо, отражающееся в воде; а как m-me де Нерфлиз любовалась на нее! Говорят, что она сильно замешана во всем этом деле и газеты далеко не снисходительны к ней; и подумать, что Мели сообщает им все сведения. Вы помните, какой скандал она подняла на балу апашей? M-me де Нерфлиз ей вовсе не пришлось по вкусу. Чего она только ей там не наговорила! Кстати, о Мели; вы не знаете, что случилось с Тома, с этим высоким блондином с глазами доброй собаки, которого она так ревновала? Да! произошла масса событий с того бала; Тома ведь также умер, его убили как-то ночью на площади Биллеты около канала, в конце августа. Его нашли утром убитым восьмью ударами в спину. Его отправили в больницу, он прожил еще два дня и не захотел никого выдать.

Я уверен, что это Мели велела убить его за пощечину, которую он влепил ей на балу в Пуэн-дю-Журе. С тех пор, говорят, она была какая-то странная. Она даже не навещала его в больнице и это наводило многих на размышления. Улитка, тот маленький бродяга, который постоянно вертелся у ее юбок, был убит на той же неделе; и все товарищи видели в этом убийстве последствия бала апашей.

Улитка с ума сходил от любви к Мели. Из мести (женщины такие скверные, когда они злы на кого-нибудь, а эта была опаснее всякой другой), она велела Улитке убить Тома, затем, когда умер ее друг, она возненавидела Улитку и заставила другого убить его. При такой внешности, как у нее, и при таком заработке ей достаточно только кивнуть и любой согласится для нее на всякие преступления. Среди этих парней есть такие, которые готовы убить отца и мать за одну ночь любви с ней, но заметьте, что это за среда, m-сье Менар! Мели не выдала Улитку так же, как и товарищи не выдали Мели и как никто не выдаст Мома-Ужасного. Убийцы и развратники, но не доносчики. У каждого свое понятие о чести; однако, если б я был Биге, я доверял бы Мели только наполовину. Несмотря на то, что она никогда не выдаст, в данном случае она

должна иметь против него зуб, так как он развратил ей ее Тома, а с женщинами надо всегда остерегаться.

Но обо всем этом нечего особенно печалиться. А вот бедная m-me Филибер! Это совсем другое дело. Сколько на ее долю выпало горя и неприятностей, слишком уж много для нее одной. Да! и такая хорошая женщина!

Дом погибает, вы знаете? Нет больше денег, одни долги. Этот проклятый процесс с Ревеккой о вознаграждении за расправу, учиненную Филибером, который перешел в апелляционный суд 20-го числа сего месяца, и потом разные неприятности наряду с этим, которые сильно задели ее самолюбие... Монастыри, при которых воспитывались ее дети, прислали ей их назад из-за скандала смерти отца, о которой напечатали во всех газетах.

Проклятые рясы! Они великолепно знали и раньше обо всем, но из-за семей других учеников они не захотели держать ее детей. Дети теперь в Обри. Старшему восемнадцать лет и они знают теперь, каким ремеслом занимался их отец. Все это слишком тяжело для m-me Филибер. Я езжу туда от времени до времени, чтоб поддержать ее. Если вас не очень затруднит, вы хорошо бы сделали, если б съездили к ней на этих днях, m-сье Менар. Это было бы доброе дело и вы облегчили бы ей немного ее горе; Филибер вас очень любил.

XXX

Мадам Филибер

И я решил поехать навестить m-me Филибер в Обри.

Аргументы Бодармона убедили меня и потом, по совести говоря, разве не должен был я сделать этот визит вдове Филибера, чтоб выразить ей сочувствие в постигшем ее горе? Да кроме того, я должен был сделать это в память умершего.

Мы назначили день с патроном. Путешествие из Парижа в Обри покажется нам, по крайней мере, менее длинным вдвоем; мы поедем туда к завтраку и уедем, когда начнет смеркаться. С разницей в десять минут (летом все поезда отправляются немного раньше, чем зимой), мы поехали тем же поездом, которым я ехал в Бос семь месяцев тому назад через поля, засеянные рожью; тем самым, который высадил меня в веселом маленьком городке, имевшем праздничный вид благодаря великолепному солнечному майскому дню. Я снова видел прилавки рынка и его оживленную и забавную суету в средневековой декорации маленькой площади; снова предстал в моем воображении силуэт Филибера, похожего на Пантагрюэля, веселого и цветущего, такого счастливого тогда, среди этой пестрой толпы, этих веселых шуток и игривых напевов торговки прилавков. Живой и веселый городок Обри-лез-Эпинет в это утро, под шелковистыми облачками ясного неба, в забавной рамке всех его старых зданий, выступающих на площадь, больших черепичных крыш, проре-

занных маленькими окошечками, и грибной панорамы больших красных зонтов рынка, запечатлелся в моей памяти, как акварель Лелуара для какого-нибудь роскошного издания произведений Рабле.

И как хорошо провел я тот вторник на улице Годре! Прошло с тех пор семь месяцев и теперь была середина зимы. Филибер умер, и так трагически; поля были покрыты снегом и, забившись в угол вагона второго класса, я ехал выразить сочувствие вдове по бесконечным печальным долинам, одеревеневшим от морозов.

Откинувшись назад напротив меня, в другом углу вагона, Эрнест Бодармон сидел молча. Я нашел его на станции в назначенное время. По-видимому, те же грустные мысли занимали и его, так как он не произносил ни слова; его разговорчивость, его оживленность покинули его и, уткнувшись носом в стекло, он упорно смотрел одним глазом в маленький кружечек, образовавшийся от его дыхания среди ветвистых узоров мороза; он смотрел на телеграфные проволоки, которые поднимались и опускались и опять поднимались на фоне низкого свинцового неба.

Я, со своей стороны, занимался тем же самым, бессознательно следя за черным полетом больших стай воронов, которых беспрестанно тревожил ход поезда. Они тяжело поднимались над снежной белизной полей, чтобы снова спуститься немного подальше, а мчавшийся поезд продолжал развертывать их полет, как какой-то траурный шарф, в пространстве печальных полей и грустного неба.

Одинаковое чувство давило нашу грудь. Чтобы стряхнуть его с себя, я достал пачку газет, купленных мною в станционном киоске, и развернул «Le Journal». Это движение вывело патрона из его оцепенения.

— Кстати, я забыл вам сказать... — на душе ведь так грустно! Мом арестован.

— Мом-Ужасный?

— Да, третьего дня днем. Я прочел об этом вчера вечером в «La Presse»; да! все-таки есть на свете справедливость! Это немного облегчает душу и случилось-то это как раз накануне того дня, когда мы едем навешать бедную Веронику. Подумать, что будто нарочно так вышло! Но это должно быть в сегодняшних газетах! — и, развернув «Gil Blas», он воскликнул: — Ну, так и есть. Даже целый отдельный столбец: «Сенсационный арест».

Я, со своей стороны, открыл «Le Journal». «Ловля бандита» — было заглавие статьи. Разница была только в заглавиях, редакция же факта была та же самая.

С целью возбудить любопытство читателей, описывались всевозможные подробности и перипетии обхода полиции в деревянном бараке, служившем пивной и находившемся на военной границе между воротами Монруж и Аркейль. Туда, по анонимному доносу, отправился начальник сыскной полиции в сопровождении восьми своих агентов два дня тому назад, чтобы устроить облаву на известного Адольфа Биге, прозванного Момом-Ужасным, одного из наиболее опасных сутенеров, замешанного в нескольких делах об убийстве, из которых позднейшим было убийство содержателя заведения; несчастному

было нанесено несколько ударов ножом при выходе с народного бала на улице Монтан-Сент-Женевьев, в последних числах предшествующего месяца. Пять месяцев разыскивали Адольфа Биге вследствие исчезновения двух молодых девушек по имени Роберта Видаль и Леони Гобен, двух работниц-полировщиц, причастных к известному делу Билланкура. Романтическое описание таинственных мест, среди которых был пойман преступник в одну из зимних безлунных ночей, придавало драматический характер сопротивлению бандита и его сообщников. Мом и его друзья отчаянно отстаивали свою свободу. Только после того, как обе стороны боролись около десяти минут, удалось овладеть этим исступленным; трое из агентов были ранены. Адольф Биге оказался носителем целого арсенала: у него нашли три ножа, два револьвера и целый запас пуль; двоим из сообщников этого злодея задалось спастись.

Я стал читать вслух:

«Предполагают, что выдача убежища, в котором был арестован Мом-Ужасный с его товарищами, является делом мести женщины».

— Что я вам говорил! — воскликнул Бодармон. — Здесь пахнет Мели.

«Последнее известие. — Вчера днем, когда стало известно об аресте Адольфа Биге, некая Амели Буке, поднадзорная проститутка, живущая на улице Мо в Ла-Виллете, пожелала видеть начальника сыскной полиции для того, чтобы сообщить ему некоторые интересные подробности относительно Адольфа Биге. Когда она была введена к нему, то заявила, что донос, повлекший за собой арест Мома, исходил от нее. Девушка Буке, уже замешанная в одном деле о краже и ночном нападении и два любовника которой были убиты в течение двух недель в сентябре месяце, находилась уже давно под надзором полиции; девушка Буке задержана».

— Ну, вот Мом и попался, — подумал Бодармон вслух, — Мели доведет его до гильотины, с ней он дешево не отделается... Она сама поплатится пятью годами тюрьмы, но уж выболтает все до конца, до тех пор, пока у нее не пересохнет во рту. И нашатаемся же мы теперь в суд. Это обещает нам интересные заседания, м-сье Жак; если Мели опустошится, Мом будет готов для гильотины.

— А она опустошится, — заметил я, говоря бессознательно на арго, — я видел девушку. С такими глазами не прощают.

— И она будет вполне права, — ответил Бодармон. — Убить этого милого Филибера! Если б я выиграл три тысячи франков, я не был бы так счастлив, как от того, что я только что прочел в газетах. Но вот мы и в Обри, м-сье Жак, мы сейчас приедем. Время нам не показалось очень длинным. Знаете, что я вам скажу, мы позавтракаем в буфете... мы стеснили бы эту женщину, если б приехали к ней прямо к столу. Да кроме того, вовсе нет охоты есть в компании со всеми этими девками в пеньюарах. Мне уж опротивело слушать всю их чепуху, особенно в доме покойника! Потом, знаете ли, я не пойду с вами на улицу Годре, вы лучше пойдете сначала один.

М-ме Филибер будет тронута вашим визитом. Я приду к вам только к четырем часам. У ней, бедной, есть много о чем рассказать вам! И потом, вы увидите ее детей. О! они очень милы, очень воспитаны и очень ласковы со своей матерью; хорошее религиозное воспитание, вы понимаете, м-сье Жак!

Мы уселись в буфете на вокзале.

— У старшего, которому восемнадцать лет, прекрасные манеры; кажется, он хочет сделаться священником. Старший сын Филибера — священник! Кто бы мог ожидать. Да! и потом, я вам и не сказал, Мириль умерла. Она умерла через десять дней после похорон Филибера. Я не мог присутствовать при ее похоронах. Это было большое горе для мадам, она любила ее, как своего ребенка... Знаете что, я зайду за вами около четырех часов, так как у меня есть дело в городе, надо мне заняться немного их заведением. Надо заплатить кой-какие долги, успокоить кредиторов, я ведь должен сделать это для моего бедного друга. У Вероники голова не тем занята. Этот дом придется продать дешево, разве только Вероника выйдет опять замуж; в нашем деле не то, что у вас, женщина одна не может управлять заведением. Дом-то на ее имя, но мы являемся всегда только мужьями мадам.

— Как? — спросил я, заинтригованный.

— Да, таков закон; в нашем деле мы ничего не значим, признается только хозяйка, но она должна быть замужем для соблюдения нравственности. Нужно, чтоб дом был семейный! Вас это поражает? Но это так.

— Так после смерти одного из супругов вдовствование вам запрещается, вам и всем вашим?

— Терпится только законный срок. Наше дело разрешается только людям семейным. В сущности, это ведь чисто буржуазная профессия.

* * *

— ...Мадам! мадам! это не клиент, это м-сье Жак Менар!

И Жеральдина, узнавшая меня, кричала во все горло, опершись рукой о перила; голос ее раздавался по всей лестнице.

Я последовал за ней в прихожую. Остальные женщины, вставшие все при моем появлении в зале, теснились с любопытством на пороге двери. Что это за непрошенный гость, который пришел навестить вдову и не смотрит на них? Одна Жеральдина знала меня, так как Тотот была в городе с клиентом, заплатившим за ее отлучку.

Дверь на первой площадке открылась.

— М-сье Менар? Кто это такой? — спросил голос.

— Да журналист, приятель вашего мужа; он обедал у нас пять месяцев тому назад.

— А!

И силуэт горбуньи в глубоком трауре нагнулся над перилами.

— М-сье Менар, о! как это мило с вашей стороны! — и бедная уродица бе-

жала ко мне с лестницы по мере того, как я поднимался ей навстречу. — Вы узнали, вы узнали!

— Меня не было во Франции, мадам Филибер, я был за границей, иначе я бы приехал раньше.

— О! я не сомневалась, что вы приедете.

Две теплых слезы упали на мою руку.

Мы уселись в большой комнате второго этажа и Вероника представила мне своих двух сыновей, Проспера и Филибера, застенчивых и сконфуженных, в черных костюмах, и своих двух девочек, Аделаиду и Жанну, испуганных и немых, с большими печальными глазами, в темных платьях сироток.

— Вы видите, весь этот маленький мир чувствует себя, слава Богу, хорошо, — сказала она. — Когда монастыри прислали мне их назад, я была сильно огорчена, а потом я перестала жалеть об этом. Что было бы со мной без них? Только благодаря этим маленьким ангелочкам я еще живу. О! они очень милы со мной, я могу только похвалить их. У них совершенно натура их отца. Старший хочет стать священником, это для меня большое утешение, но призвание детей, вы знаете, оно продолжается столько, сколько оно продолжается... Идите, детки, вы придете снова за мной в три часа. Каждый день, в три часа, мы ходим на кладбище.

И дети вышли с поповскими поклонами и косыми взглядами по моему адресу.

— О! я пережила такие минуты, м-сье Жак, — сказала вдова, — на меня обрушилось такое горе! На мою долю пришлось больше, чем я заслужила!

И бедная женщина зарыдала.

Она плакала тяжело, медленно, длинные слезы текли по ее щекам, как дождь. Я подошел к ней и взял обе ее руки в свои; эти бедные руки, с опухшими от подагры суставами, тряслись от нервных вздрагиваний. Она задыхалась от всхлипываний, не будучи в состоянии произнести ни слова, и все ее горе свободно выливалось наружу, преображая это несчастное страдальческое лицо, которое делалось от того почти прекрасным.

«Et c'est par les yeux, qu'est parti mon coeur».

Я не хотел нарушать молчания. Сквозь оконные рамы виднелись печальные пустынные аллеи сада, усыпанные и заглушенные снегом, и ржавые ветви густых деревьев. Серое небо усиливало еще больше это грустное настроение. Я бросил беглый взгляд вокруг комнаты: это была брачная комната Вероники и на камине букет и флердоранж под стеклянным колпаком свидетельствовали о ее горе; фотографии в рамках, стоявшие этажами вокруг зеркала, увековечивали лица семьи. Креповая лента и веточка буксуса украшали одну из этих фотографий; это была фотография умершего.

«J'ai rêvé de t'aimer parmi les fleurs étranges».

Голос женщины долетал до немой комнаты, растягивающий звуки и уста-

лый. Это пела скучающая Иоланда; затем голос затих, закрыли снова дверь. В соседней комнате зашептались дети и горбунья вытерла слезы.

— И между тем, м-сье Менар, все были очень добры ко мне! это я могу сказать, и я встретила только друзей, много внимания и любви! Филибера все так любили! все приехали из окрестностей и даже из Парижа и никто не пожалел венка, и было столько же цветов, как на похоронах у каноника Рубера. Надо сознаться, что в нашем деле люди не скупые; я была так тронута при виде того, как все уважали моего мужа и, могу вам сказать по секрету, что м-сье Громмар приходил в четыре часа утра и отпевал покойника, потихоньку от всех, так как вы знаете, в маленьких городах на нас смотрят как на отверженных. Да, м-сье Громмар сделал это для меня и для Филибера (Филибер ему продал дешево оранжерею в мае). Это маленькое доказательство его дружбы мне очень помогло, так как урсулинки из Мо и отцы-иезуиты из Шартра прислали мне детей через два дня после статей в газетах. Они не могли больше держать у себя сыновей и дочерей человека, убитого при таких обстоятельствах, так как эта ужасная смерть наделала много шума, м-сье Жак, и об этом узнали во всех окружающих департаментах. Начальство знало прекрасно и раньше, но из-за родителей других учеников они должны были прислать мне моих детей, и я, у которой и без того уже было столько горя, я должна была принять еще и этот удар. У меня упало сердце, когда я увидела, что мне отсылают моих детей как каких-то зачумленных, словно детей парий или прокаженных. Мои бедные невинные детки! И тогда м-сье Громмар, который приходил накануне втихомолку, чтобы утешить меня, видя меня в таком отчаянии, сказал мне:

— М-ме Филибер, есть в жизни события, против которых нельзя идти, нужно только покориться им. После такого шума, который вызвала смерть вашего мужа, отцы-иезуиты и сестры-урсулинки не могли держать у себя ваших детей. Вы занимаетесь делом, которое нравственность не одобряет. Если дети ваши здесь, значит, церковь решила, что должна с ними расстаться.

— Так мой старший, который хочет стать священником, бедный мальчик! Он не имеет права следовать своему призванию?

— Это другое дело, — ответил кюре, — только еврейский Бог преследует грех родителей до третьего поколения. Мы уважаем будущее даже тогда, когда осуждаем прошлое, и ваш сын будет хорошо принят везде, куда он придет во имя Бога; к тому же, если он примет священство, он бросит своих, своего отца, свою мать и с ними весь мир, чтоб отдаться вполне служению Богу.

И затем, чтобы доказать мне свое уважение и расположение к моему мужу, он предложил мне прийти прочесть короткую службу, рано утром, в комнате покойника, но так, чтоб никто не знал об этом — из-за других священников и во избежание скандала в городе. Да, для нас, м-сье Жак, он сделал отступление от правил и это было большое одолжение; это был бальзам для моего большого сердца; этой радостью, м-сье Менар, я обязана вот этому мальчику!

Вероника встала, подошла к камину и принесла оттуда две фотографии.

— Посмотрите, как он похож на него, — сказала она, ставя рядом портреты сына и отца, — это те же глаза, тот же нос, целиком портрет моего бедного мужа, когда ему было восемнадцать лет и каким я его никогда не знала. О! я

прекрасно знаю, чем обязана я этому мальчику! Только благодаря его призыванию священника отпевали его бедного отца. М-сье Громмар сам сказал мне: «Один спасется через другого».

Вероника держала обе рамки у себя на коленях и впиалась в них глазами. Забывшись, в немом созерцании она унеслась мечтами в призрачную, печальную область воспоминаний. На кончике ее тонкого носа дрожала слеза.

— Подумать только, что я его и не видала совсем, — вздохнула замечтавшаяся вдова. — М-сье Бодармон, который привез его, не дал даже открыть гроб, так как мне было бы слишком тяжело видеть, как его изуродовали. Мой бедный муж, как они замучили его! Такой добрый человек, который никому не делал зла, каким образом мог он возбудить против себя такую ненависть? Ведь таким образом не убивают человека для того только, чтоб обокрасть его! У меня было всегда какое-то предчувствие всякий раз, как он уезжал в Париж. О! этот Париж, этот проклятый Париж, который берет у нас все и не возвращает нам ничего из того, что мы любим!

И вдруг, приняв трагическую позу, она погрозила кулаком призрачному Городу (жест этот я видел часто у многих матерей и многих стариков); затем она встала, направилась к камину и положила туда еще полено, чтобы развести огонь.

Я решил дать другое направление разговору.

— М-сье Бодармон часто навещает вас? — спросил я ее.

— О! м-сье Бодармон очень хорошо относится к нам... Если б вы знали, как он был добр ко мне все это время, он так много хлопотал, и без него... Да, он бывает здесь часто.

— Я от него узнал все подробности!

— Меня это не удивляет, он так предан памяти Филибера; он ведет теперь все мои дела, так как, вы понимаете, я не могу думать теперь о чем-нибудь другом и заниматься вопросом о наследстве.

И, помолчав немного, она продолжала:

— Вы знаете, ведь я должна теперь продать дом. Закон не разрешает, чтоб во главе заведения была одна женщина; или же я должна выйти замуж. Но разве я могу думать теперь о замужестве! Представьте себе меня, дающую одного из этих господ в отцы моим детям? Да! я продам, но теперь не время продавать и, кроме того, дела заведения сейчас очень плохи.

— Да, я знаю, у вас, кажется, неприятности... А эти дамы, с ними не очень трудно ладить?

— О! эти дамы очень милы, они делают все, что могут. Это добрые создания.

И вдруг все ее бедное лицо перекошилось от страдания:

— Вы знаете, Мириль умерла.

Я видел, что она готова заплакать. Она крепилась, как бы всеми силами борясь со своим горем.

— Да, я знаю, — сказал я тихо, испугавшись звука своего тихого голоса. Последовала минута молчания.

— Я положила ей в руки в гробу карточку Филибера и купила ей на пять

лет место на кладбище. Я не хотела, чтоб ее положили в общую яму.

И она опять задрожала. Глаза ее блестели лихорадочным блеском:

— Она его так любила!

Я схватил инстинктивно руку этой доброй женщины.

— О! я больше не ревновала ее, — и бедная уродица улыбнулась душераздирающей улыбкой, — это было так естественно, что она его любила. Я ей все простила, бедной девочке. Она хорошо сделала, что умерла, ничего хорошего не ожидало ее в жизни!

И вдруг, с долгим рыданием, она воскликнула:

— Видите ли, м-сье Жак, любят сильно только тех, через кого страдают.

— Мaman, это мы, уже три часа, — одна из девочек открыла дверь. Другие дети стояли там, в шляпах, совсем одетые, в черных перчатках и пальто, надевших в рукава.

— Ах, да! правда, пора идти на кладбище. Позднее будет холодно. Простите, м-сье Жак, мне надо пойти взять мою шаль и шляпу. Вы не идете с нами?

— Да почему же нет, мадам Филибер? Напротив, мне будет очень приятно проводить вас и навестить могилу моего бедного друга.

— Это очень хорошо с вашей стороны, м-сье Жак, я узнаю ваше доброе сердце.

И вдова пожалала мне украдкой руку.

— Послушай, Аделаида, принеси скорее тросточку и шляпу м-сье Жака. Он проводит нас на могилу твоего отца.

Мы спустились гуськом по ступенькам лестницы из песчаника.

Два часа спустя мы с Бодармоном катили обратно в Париж, забившись по углам вагона вечернего поезда. Мы встретили патрона на повороте одной улицы, почти сейчас же по выходе из дому. Дети узнали его, маленькие девочки побежали к нему навстречу. Добряк ходил с нами на кладбище. Вероника догадалась, что это он привез меня. Она нежно побранила его, между тем как ее влажные глаза благодарили его. Посидев немного у двух совсем одинаковых могил, засыпанных снегом, мы вернулись на улицу Годре, где надо было закусить слегка, чтобы не обидеть вдову, и выпить пунша с девицами, чтобы доставить им удовольствие. Бодармон отвел Веронику в сторону, чтобы переговорить с ней о делах, в то время как Жеральдина рассказывала мне о Мириль; затем мы отправились на вокзал и уехали с вечерним поездом в Париж.

Вагон тяжело трясся на ходу в темноте ночи.

— Вы ничего не говорили ей о Моме-Ужасном? Вы хорошо сделали, м-сье Жак, ей и без того придется многое перенести, когда будет разбираться в суде ее дело, так как вы можете себе представить, сколько шума поднимет оно. Бедная женщина! Она не покупает больше газету «Le Journal» из-за детей, чтобы они ничего не узнали об отце, и я настрого запретил Жеральдине болтать то, что она вычитывает в своем «Petit Parisien». И еще этот процесс с Ревеккой, который назначен на этих днях в суде; какое несчастье! этого только еще не хватало... Не везет ей, совсем не везет. Никого нет в виду, кому бы можно было продать дом; я объездил все кругом, так как с ней я и не решаюсь заводить

разговор об этом.

И, помолчав, он спросил меня:

— Заметили вы на кладбище, как она отошла, чтобы навестить могилу Мириль; знаете, что она там делала? Я нарочно прошел мимо нее на обратном пути: там на снегу очутился букетик цветов, которого раньше не было. Она отнесла его потихоньку к ней на могилу. Я ведь говорил вам, м-сье Жак, что это Божья душа.

XXXI

Надо жить

— Итак, сударыня, потрудитесь сказать мне, что делали вы 19-го июля на балу апашей, на острове Робинзона в Пуэн-дю-Журе?

— Я вам сейчас это скажу. Герцог де М... пригласил нас, меня и еще кое-кого из артисток, закусить на виллу графа Озора, в Билланкуре. Чай был назначен в пять часов и, раньше чем отправиться туда, мне и некоторым другим из нашей компании захотелось взглянуть на этот бал. Герцог де М... рассказывал нам о нем.

— Бал этот место очень опасное, исключительно посещаемое публичными женщинами и сутенерами. Вы знали это, сударыня?

— Без сомнения. Именно эта исключительная публика и притягивала нас туда.

— Вас интересовали типы дна? А вам не было страшно?

— Я была не одна. Меня провожал Генри Марейль.

— Да, я знаю, художник.

— Потом, нас было там много.

— Да, я знаю, м-лле Люси Вердейль, принцесса Вашьяни, м-лле Эмьен из «Французской комедии», а из мужчин герцог де М..., Три Звездочки и м-сье д'Этьен, водевилист.

— Совершенно верно.

— Но не было ли еще кого-нибудь с вами?

— Из нашего круга? Нет.

— Так это были единственные мужчины и единственные дамы, которые были с вами?

— Да.

— Сударыня, следите внимательно за вашими ответами. Я, вероятно, недостаточно ясно говорю. Итак, вы, эти дамы и эти мужчины, были на этом балу совершенно одни, несмотря на преступников и специальную публику, которая обыкновенно посещает эти места? Не было ли каких-нибудь инцидентов, когда вы собрались уезжать с острова? Я слышал о какой-то сцене, о каком-то скандале?

— Действительно, одна из этих девиц искала предлога к ссоре со своим любовником. Он сел с нами в одну лодку, дело чуть было не кончилось плохо.

— А! этот человек сел с вами в одну лодку! Он ведь, кажется, поехал пить чай с вами? Человек этот был сутенер, вы не могли не знать этого, а его метресса — публичная женщина, поднадзорная. Это был Тома Меринго. Он был убит месяц спустя, в течение августа, и отчасти из-за сцены, которой вы были свидетельницей. Вы этого не знали, сударыня?

— Я этого не знала.

— Но ведь еще другой сутенер сопровождал вас на остров. Не один только Меринго был с вами?

— Я не знала даже и имени этого Меринго, месье.

— Но вы не могли не знать имени другого сутенера, совсем молодого и исключительно некрасивой наружности, которая должна была вас поразить. Месье Генри Марейль назначил ему свидание на берегу Пуэн-дю-Жура. И он водил вас и показывал бал. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить. Имя его Мом-Ужасный. Он откликнулся на это имя в вашем присутствии.

— Мом-Ужасный! Действительно, теперь я, кажется, вспоминаю.

— А! вам кажется. Этот самый Мом-Ужасный и дал вам возможность уехать, когда собравшаяся с бала толпа грозила устроить вам плохую штуку, вам и вашим друзьям. Без этого парня, пожалуй, вы не отделались бы так дешево. Тома Меринго ударил довольно грубо свою метрессу и все это отчасти из-за вас. Вы помните теперь? Вы видите, я довольно хорошо осведомлен обо всем, вам даже нечего сообщать мне. Ваше положение будет зависеть только от правдивости ваших ответов, так как вы являетесь здесь немного более, чем свидетельницей и, если бы я верил известным инсинуациям, я мог бы распорядиться, чтобы вас арестовали.

— Меня, месье?

— Вас, мадемуазель. Еще вопрос. В этот день на балу были не только сутенеры и публичные девицы. Были там еще две молодые девушки, две совсем молоденькие девушки, которые ждали вас на острове и которых Мом-Ужасный привел для вас.

— Для меня?

— Да, для вас, сударыня. Не заставляйте меня настаивать. Эти молоденькие девушки не покидали вас весь вечер. Вы увезли их с собой на виллу графа Озора и они присутствовали во время чая. Одна из них была очень красива, та, которая была помоложе... Обе были красивы, но одна в особенности: блондинка, с голубыми глазами. Постарайтесь вспомнить. Ее звали Роберта. Вы отдавали ей заметное предпочтение. Вы после этого больше не видали этой молодой девушки?

— Нет, месье.

— Конечно. Вы не знаете, что с ней случилось?

— Нет, не знаю.

— Так как вы не читаете газет. Хорошо! Я вам скажу тогда, что с ней случилось. Слушайте меня хорошенько. Две молодые девушки, по имени Роберта Видаль и Леони Гобен, работницы-полировщицы, жившие у своих родных,

исчезли с 19 июля сего года. Последние особы, с которыми их видели, окаживаетесь вы, сударыня, и один из наиболее опасных рецидивистов, Адольф Биге, известный под именем Мома-Ужасного. Вы гуляли с Робертой Видаль и с Адольфом Биге; с ними вас видели, когда вы входили в виллу графа Озора, в тот самый день, 19-го июля, около пяти часов.

— Но мы отправились туда целой компанией пить чай.

— Прекрасно, но эта Роберта была приведена туда Адольфом Биге для вас. Вы желали познакомиться с ней. Для чего?

— Но, месье, я очень чувствительна к красоте.

— Прекрасно. Очень любопытны также, мы понимаем друг друга. Итак, одну из этих пропавших молодых девушек только что нашли, то есть не ее, а ее труп. Найденное, недели три тому назад, в заброшенной барже у острова Сен-Жермен разложившееся тело было признано за труп Роберты Видаль. Было установлено, что Роберта Видаль была завлечена в западню, изнасилована и убита вечером 19-го июля Адольфом Биге или кем-нибудь из его друзей.

— Но это ужасно, месье!

— И очень важно для вас, мадемуазель.

— Для меня?

— Слушайте меня. Вас видели в вечер убийства в обществе предполагаемого убийцы и его жертвы.

— Но меня не впутывают, надеюсь, в...

— Вас не впутывают, но правосудие желает выяснить дело. Вы должны объяснить подробно, как провели вы ваше время с пяти часов до того момента, как вы вышли из владения графа Озора, то есть приблизительно до полуночи. Что происходило во владении графа? На вас рассчитывает правосудие, чтобы получить все нужные сведения.

— На меня! Но я ведь была не одна, месье, нас было десять или одиннадцать человек.

— Я знаю и именно потому предлагаю вам говорить правду, одну только правду. Предупреждаю вас, что у меня есть уже кое-какие показания. Я проверяю. Малейшие противоречия могут быть опасны для вас.

— Но, месье, если я не знаю показаний других, как же я могу...

— Говорите правду. Правда имеет оттенок, который никогда не обманет судью. Может быть, вы предпочитаете очную ставку? У меня здесь сидит девица Амели Буке, метресса этого Тома Меринго, который был вскоре убит.

— Но, месье, эта девка обвинит меня во всем, эта девка меня ненавидит.

— «Эта девка!» Подумали ли вы, сударыня, серьезно о том, каким ремеслом занимаетесь вы?

— Но, месье... я хочу сказать, что эта женщина ревнует ко мне.

— Амели Буке не ревнует к вам, сударыня, она даже очень подробно объяснила причины вашего присутствия на острове. Вот почему вы приглашены сюда. Вы должны объяснить, как провели вы эти семь часов во владении графа Озора, в обществе названных Роберты Видаль и Леони Гобен. Заметьте, что я оставил вас на свободе. Это потому, что я уверен, что вы можете оправдаться.

И все вопросы были в таком же тоне. Господин де Канде, судебный следо-

ватель, которому было поручено это дело, допрашивал свидетелей без всякой пощады. Людин де Нерфлиз, вызывавшаяся ежедневно в суд, выходила оттуда ни жива, ни мертва. Эти допросы составляли радость прессы и высшего демимонда, восхищенного завязавшейся борьбой между не очень-то податливым судьей и одной из наиболее шикарных и блестящих представительниц этого круга. В суде находили, что господин де Канде слишком уж беспощаден к этой красивой особе, все преступление которой, в общем, состояло как в излишнем любопытстве к чужой красоте, так и в большой расточительности своей собственной красоты по отношению ко всей вселенной. Правда это была или неправда, но о господине де Канде ходили слухи, что он был несчастлив в супружеской жизни и его жестокость по отношению к Людин де Нерфлиз имела вид личной мести. Белокурая куртизанка, явившаяся в суд с уверенностью в своей молодости, легендарной роскоши и quasi-европейской красоте, с престижем великолепного выезда в двадцать тысяч франков, приезжала теперь туда в одном из самых скромных костюмов и на простом извозчике. Генри Марейль провожал ее до двери кабинета следователя и ожидал ее в коридоре с другими подсудимыми. Его допросили один раз и очень кратко и это было все. Благодаря влиянию высших сфер, Одетт Эмьен была избавлена от допроса; у артистки были друзья. Герцог де М... предусмотрительно отправился в Лондон. Говорили, что он в Каире. А Три Звездочки смело посещал суд. Среди адвокатов ходили слухи, что он сильно скомпрометирован. Люси Вердейль и принцесса Вашьяни были за границей и прислали свои показания письменно; икупительной жертвой оказалась бедная Людин. Господин де Канде не выпускал ее. В «свете» были убеждены в ее невиновности, но было в моде притворяться, что веришь в противное, и забавляться этим заблуждением. У нее была ужасная очная ставка, в кабинете следователя, с Амели Буке, прозванной Мели, поднадзорной проституткой Ла-Виллеты, способной, как говорили, на самые ужасные злодеяния. Эта Мели взвалила на Людин де Нерфлиз самые тяжкие обвинения; она приписала ей убийство Роберты Видаль и даже заявила, что Людин была виновата в смерти ее любовника, Тома Меринго, убитого в течение августа. Все симпатии общества были на стороне этой Амели Буке.

Мели же выдала и помогла арестовать Адольфа Биге, бандита, признанного теперь за руководителя преступления. Давнишняя ненависть возбуждала Мели и Мома-Ужасного друг против друга. Под этими именами были известны в этом кругу эти два существа. Взаимное восхищение их натурами преступников долгое время связывало Мома и Мели в какой-то непонятной солидарности; между девицей и сутенером не было никогда иных отношений, кроме некоторого рода бесполой дружбы, образовавшейся из одинаковой ненависти и одинакового возмущения против законов, полиции и общества. Это были, бессознательно для них самих, две натуры анархистов в постоянной борьбе против всего, что установлено людьми. Мели и Мом присвоили себе право грабить и обирать все кругом себя; это были два диких зверя, выпущенных на свободу среди цивилизации, но из этих двух безудержных натур Мели была наиболее прекрасной. Она любила исключительной и дикой любовью человека своего квартала, бывшего грузчика с канала, которого она превратила

в сутенера. Этот Тома Меринго был по натуре работник, порядочный и честный, но со слабым характером. Одаренный исключительной физической красотой, после окончания военной службы он сделался предметом ухаживаний бульварных девиц.

Охваченная дикой страстью самки к этому красивому самцу, Амели Буке подчинила его себе и приручила по своему капризу и, благодаря влиянию сильной природы на более слабую, она сделала из этого честного работника обыкновенного пошлого сутенера. Тома позволял содержать себя своей метresse, неспособный по своей натуре к грабительству или ночным нападениям, как все, ему подобные. Мели любила его почти чистой любовью, так как в жизни этих девиц клиенты не считаются, и ни за что в жизни она не обманула бы с кем-нибудь другим своего любовника сердца. Эта импульсивная натура не допускала ни обмана, ни измены в любви. Она соединяла в одинаковой ненависти и в одинаковом презрении любовные извращения и сентиментальные измены. Одаренная такой внешностью, Мели могла бы стать одной из наиболее блестящих демимонденок. Ее неукротимая страсть к Тома и к свободе приковала ее к тротуару.

В натуре Мома-Ужасного не было той неистовой откровенности. Его врожденная жестокость, его потребность властвовать и повелевать соединялась в нем с низменной хитростью барышника. Изворотливый, как сводня, он извлекал деньги из всего и продал бы свою сестру и даже свою мать, если бы кто подвернулся. Господин и повелитель четырех или пяти женщин, как в домах, так и на улице, которые, терроризируемые им, содержали его трудом своей проституции и слушались одного его взгляда и жеста, он не задумывался при случае извлечь пользу и из наружности своих друзей.

Таким образом он и вовлек колебавшегося Меринго в знаменитый кутеж в Пуэн-дю-Журе и это, невзирая на свою дружбу к Мели. Он привел этих двух девочек, Роберту Видаль и Леони Гобен, чтоб удовлетворить любопытство и развлечь избалованных девиц вроде Людин де Нерфлиз и Люси Вердейль. Он взялся снабдить пресыщенную пошлость какого-то спортсмена и герцога наивной грубостью и плебейской неловкостью неуклюжего Тома Меринго.

Вот чего не могла простить ему Мели. Мом расплачивался теперь за развращение ее любовника. Ударенная по наущению Мома своим другом, который никогда не поднимал на нее руки, в присутствии всех танцоров бала апашей, Мели Буке была теперь жестоко отомщена. Любимая и обожаемая уже несколько месяцев маленьким бродягой ее квартала, известным под именем Улитки, она, эта красивая девушка двадцати шести лет, обещала себя и отдалась этому невзрачному парню с условием, что он убьет ее любовника, и после того, как Тома Меринго был отправлен на тот свет, «разукрашен ударами ножа», как она выражалась на своем арго публичной женщины, эта Гермiona из предместья вдруг возненавидела своего Ореста и, неделю спустя, велела убить его другому сутенеру, одному из ее бесчисленных обожателей, сходивших с ума по красоте ее груди и ее крупному заработку на тротуаре.

И подобную фурию нажили себе врагом Мом-Ужасный и Людин де Нерфлиз.

Снедаемая ненавистью и безумно оплакивая день и ночь человека, которого она велела убить, Мели не могла больше ни о чем другом думать, кроме своего Тома; она продолжала жить только для того, чтобы отомстить за него, охваченная безумной жаждой убийства и постоянным искушением самоубийства; поддерживаемая исключительно мыслью насытить свою безумную жажду мести, Мели уединилась от всех в своем квартале и там, сдерживая внутреннюю бурю, kloкотавшую у нее в груди, она притворялась равнодушной перед Адольфом Биге, скрывая свою ненависть и подстерегая случай, который выдал бы ей Мома.

Как ни сильно был скомпрометирован Адольф Биге в деле Билланкура, против него были одни только подозрения и, кроме того, у нее были с ним раньше другие счеты. Она ждала первого громкого убийства Мома и, на другой день после смерти Филибера Одижона, содержателя заведения в Обри, она ходила следом за убийцей из притона в притон и, точно удостоверившись в его убежище, предала его.

Во время допроса Мели с дикой радостью обвиняла себя сама. Она рассказала, подтверждая числами и ужасающими подробностями времени и места, о подстроенном ею убийстве Тома Меринго и затем убийстве Шарля Дюрана, прозванного Улиткой, совершенном ее последним любовником, Жюло-Кудлатым. Со злорадным и торжествующим смехом предала она Адольфа Биге и всю его шайку, так как это Мом и его приятели развратили ее Тома; затем она обвинила Мома в преступлении Билланкура, не менее подробно описав место, часы и числа; она назвала все имена жуиров, замешанных в дело, о которых, вероятно, предварительно справилась, и, соединяя их всех в своей мести обманутой самки, она проявила при этом особенную жестокость по отношению к Людин де Нерфлиз. Ее Мели находила наиболее виновной из всех. Судебный следователь был ошеломлен. Никогда в жизни не встречал он такой силы обвинений. То, что обнаруживалось при судебных допросах, волновало весь Париж. От Мели ожидали сенсационных разоблачений. У этой женщины вырывались слова, которые приводили в восторг клубы и салоны. Говоря о своем любовнике, так свободно преданным ею на смерть, она употребила выражение: «Я вырвала его из своего сердца», взволновавшее все прекрасные души парижской интеллигенции. Все симпатии были на стороне публичной девицы Ла-Виллеты, и можно было предвидеть, что и пресса будет за Мели.

Дело оказывалось в чисто парижском вкусе.

Тем не менее, я состроил недовольную мину в тот день, когда получил повестку у явиться в суд не позднее как через два дня. Я также был вызван по делу Билланкура. Каким образом могла эта чертова девица узнать мое имя или, скорее, как могла она вспомнить его? Я был представлен ей в притоне Фобурдю-Тампля и, несмотря на состояние, в котором она находилась в тот понедельник, в конце июля, на острове Робинзона, она все-таки узнала меня. Итак, я должен был также фигурировать среди свидетелей по этому плачевному делу. К счастью, в тот самый день, когда я должен был предстать перед судом, оно вдруг осветилось новым фактом.

Леони Гобен, другая исчезнувшая девочка, про которую думали, что она

убита так же, как и Роберта Видаль, только что оказалась найденной в одном из публичных домов Филадельфии. Проданная и отправленная Адольфом Биге и долгое время терроризируемая в заведении, где ее держали пленницей в неведении местного языка, она рассказала своему французскому клиенту, которого ей послала судьба, про заточение, жертвой которой она стала, и об ужасных событиях, благодаря которым она очутилась там. Сначала недоверчивый, клиент был тронут затем отчаянием несчастной и, предчувствуя жуткую драму в этих альковных излияниях, счел своим долгом заявить об этом консулу... По просьбе консульства в это дело вмешалась полиция; были предупреждены родители девицы Гобен, которые пожелали взять ее обратно, и несчастная жертва Мома плыла теперь во Францию, водворенная на родину за счет казны.

Ошеломленный и гнусный злодей, каким был Адольф Биге, сознался во всем. Мои показания не имели больше никакого значения, так что господин Канде задержал меня всего на какие-нибудь десять минут. Когда я проходил по залу, где публика ожидала своей очереди, я столкнулся с парой, которая оглянулась при моем проходе. Почти в то же время на мое плечо опустилась рука.

— М-сье Бодармон! Вы здесь, вы также из-за этой проклятой истории Билланкура?

— Нет. Мели пощадила меня и не назвала. Я очень доволен. Я сопровождаю здесь одну знакомую; вы не узнали нас, проходя мимо. М-ме Филибер! Ведь это она.

— Мадам Филибер?

— Да, мы здесь!

Горбунья подошла застенчиво. В глубоком трауре, казавшаяся еще меньше ростом под длинной креповой вуалью, которая как-то придавливала ее, она протянула мне руку, затянутую в черную шведскую перчатку, и сказала взволнованным голосом:

— Мы пришли по нашему делу, оно только что разбиралось.

— Какое дело?

— Да процесс с Ревеккой о вознаграждении за увечье, с этим верблюдом Ревеккой, как ее называл добрый, славный Филибер. Вот хлопот-то наделала она нам! Два процесса из-за одного несчастного удара кулаком.

И содержатель заведения поднял свои толстые руки к сводам, чтобы призвать в свидетели небо.

— В конце концов, дело ваше кончено и как вы того желали, — сказал я м-ме Филибер.

Но Бодармон возразил:

— Как желали! Вовсе нет. Девка получила пятьсот франков; она требовала десять тысяч, но у нас были расходы, а считая тысячу франков за визиты доктору да за лекарства, это обошлось нам недешево.

— Увы! — вздохнула вдова.

— Но будьте уверены, м-ме Филибер, — сказал Бодармон, — если бы в суд явился ваш муж, он бы так дешево не отделался. Судьи пощадили вас ввиду вашего траура. Вдова, сироты... По совести говоря, они не могли взыскивать с вас так строго, ведь не вы же изуродовали эту девицу.

— Изуродовали! Изуродовали! Вовсе не он испортил ей глаз!

И Вероника подняла глаза к небу.

— Наконец-то мы отделались... и вы также, м-сье Жак? Следователь держал вас не очень-то долго... Видели вы сегодняшние газеты?!.. А!.. какова история!.. Другая-то, Леони Гобен, которую нашли в публичном доме в Соединенных Штатах... о! Мом здорово вляпался, песенка его теперь спета... Но не надо стоять здесь... М-ме Филибер, вы знаете, что нас ждут в буфете.

Толпа хлынула в обширный зал. Маленькие двери лестниц, ведущие в залы заседаний, выпускали партии свидетелей, истцов, обвиняемых на свободе и вереницы адвокатов; это была настоящая толкотня молодых адвокатов, сюртуков, мужских костюмов, дамских туалетов, в которой попадались также торопящиеся судебные приставы и солдаты Национальной гвардии; несколько заседаний только что окончилось, было около пяти часов и, подобно громадному пчельнику, все здание суда жужжало.

— Идемте же, мадам Филибер, здесь вас задавят, и потом, Проспер ждет нас.

— Проспер!

Бледное лицо вдовы вспыхнуло вдруг под крепом.

— Проспер — это мой брат, — подчеркнул Бодармон, — он приехал из Америки.

Он спрашивал взглядом м-ме Филибер. Вдова покраснела еще гуще.

— И м-сье Жак не лишний, — продолжал патрон. — Идемте, м-сье Жак, вы выпьете с нами вина и мы вам скажем, в чем дело. Лучше вам сказать теперь; рано или поздно вы все равно сами узнаете, да потом, вы нам не чужой. Я нахожу, что вы должны узнать об этом одним из первых, не правда ли, мадам Филибер?

— Как вы желаете, — вздохнула горбунья. Ее голос дрожал.

Мы пошли по маленькой винтовой лестнице, которая ведет в буфет; спуск там крутой и я помогал горбунье спускаться со ступеньки на ступеньку... Высокий парень, лет сорока, сидел за столиком перед грудой тарелок.

Наше появление заставило его встать.

— Эй, Эрнест! — позвал человек нашу группу.

— А! вот ты где! Проспер Бодармон, мой брат, — и патрон представил нас друг другу. — Что вы будете пить, мадам Филибер?

— Что хотите, м-сье Бодармон, да мне безразлично, я хоть и ничего не буду пить.

— Нет-нет; надо подкрепиться, поддержать себя, мы будем в Обри не раньше девяти часов. Выпейте пунша. Человек! Один пунш, нет, три пунша, это нас согреет.

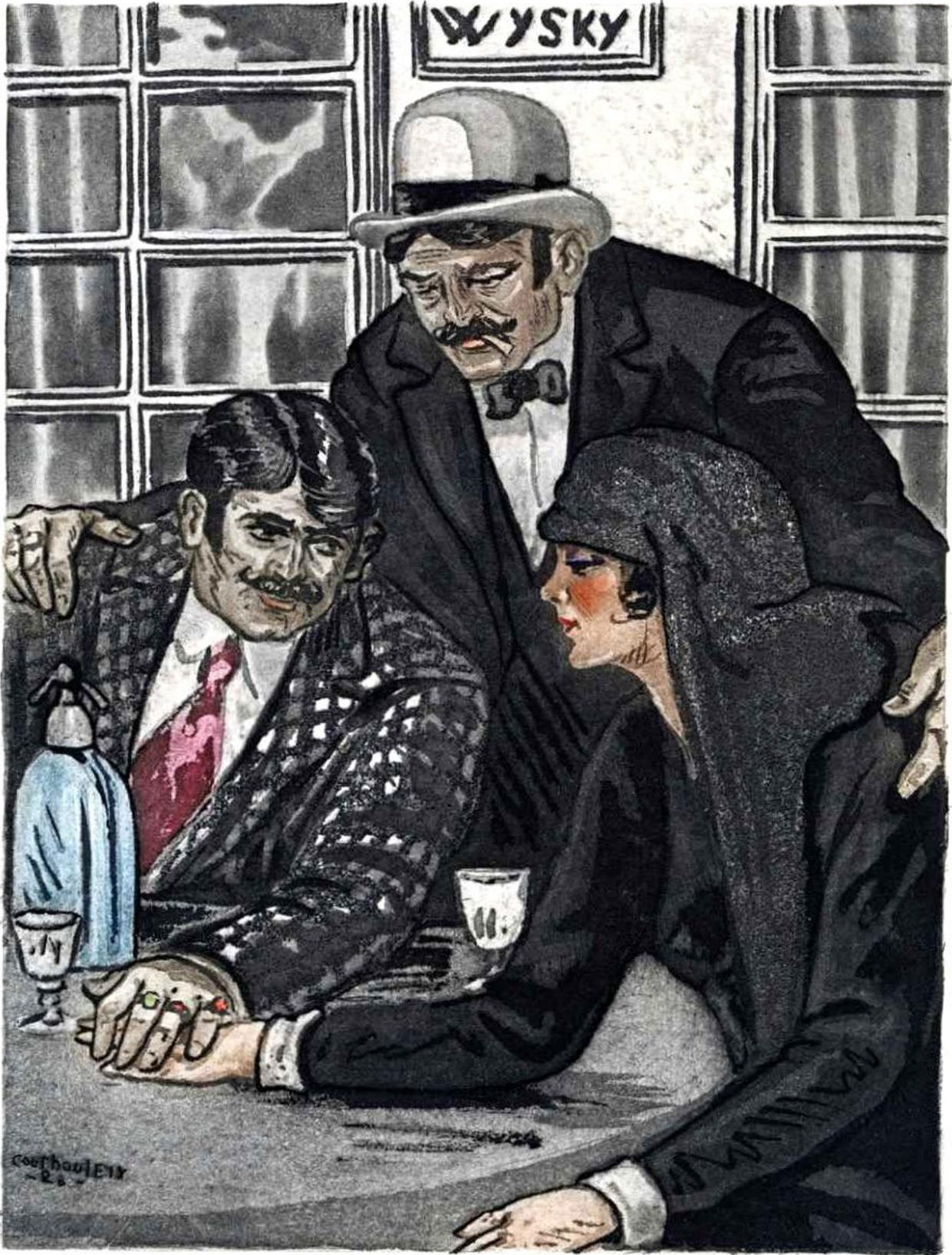
И, когда три стакана были поданы, Бодармон спросил:

— Так можно ему сказать, а? Мадам Филибер?

И патрон положил фамильярно свою руку на колено вдовы.

— Надо сказать!

— Ну, так вот. Это, может быть, вас удивит и в то же время не удивит, м-сье Жак, но мы снова выходим замуж. М-ме Филибер скоро сделается м-ме Проспер Бодармон. Красивый мужчина, как вы видите, но это вовсе не для чего-

нибудь такого. Они будут жить, как брат с сестрой, это уж условлено, но надо было, чтобы мадам вышла снова замуж.

— Или же приходилось продать, — вздохнула вдова.

— А это было бы разорением для детей. Дела идут плохо уже целые пять месяцев, а с Проспером Бодармоном дом будет процветать. С его-то именем!..

И, так как вдова прятала свое бедное красное лицо в платок, Бодармон сказал ей:

— Полно, надо быть благоразумной, мадам Филибер. Все ведь знают, что это делается для детей; если б наш милый Филибер был здесь, он посоветовал бы вам то же самое. Таким путем вы обеспечите будущее ваших детей. Они и так достаточно несчастны, потеряв своего отца — не отправлять же их теперь еще и на улицу! Ведь таков закон, и потом, с Проспером вы можете быть покойны. Вы не могли найти лучшего человека. О любви уж он больше не думает, это ему надоело... Пять лет пребывания в Америке!..

— О! что касается этого!..

И новый знакомый, прищелкнув языком, сделал над своим стаканом жест косаря, как бы подтверждая свои слова.

— Послушайте, м-сье Жак, побраните немного мадам! Раз она не может сама управлять домом, всякий знает, что она выходит замуж не для чего-нибудь там такого. Надо, чтобы у дочерей было приданое. Вы ведь не хотите сделать из них патронш?

— О, только не это.

Я вступился, в свою очередь:

— Право, мадам Филибер, послушайте Бодармона, он вполне прав.

Бедная женщина, подняв на меня свое измученное лицо, ответила:

— Да, я знаю, я знаю, я обязана сделать это для наших детей. И Филибер посоветовал бы мне то же самое, если бы был жив.

И со вздохом, который поднял всю ее узкую грудь, она сказала:

— Надо жить!

Приложение

Иллюстрации Жоржа Боттини

LA MAISON PHILIBERT

PAR

JEAN LORRAIN

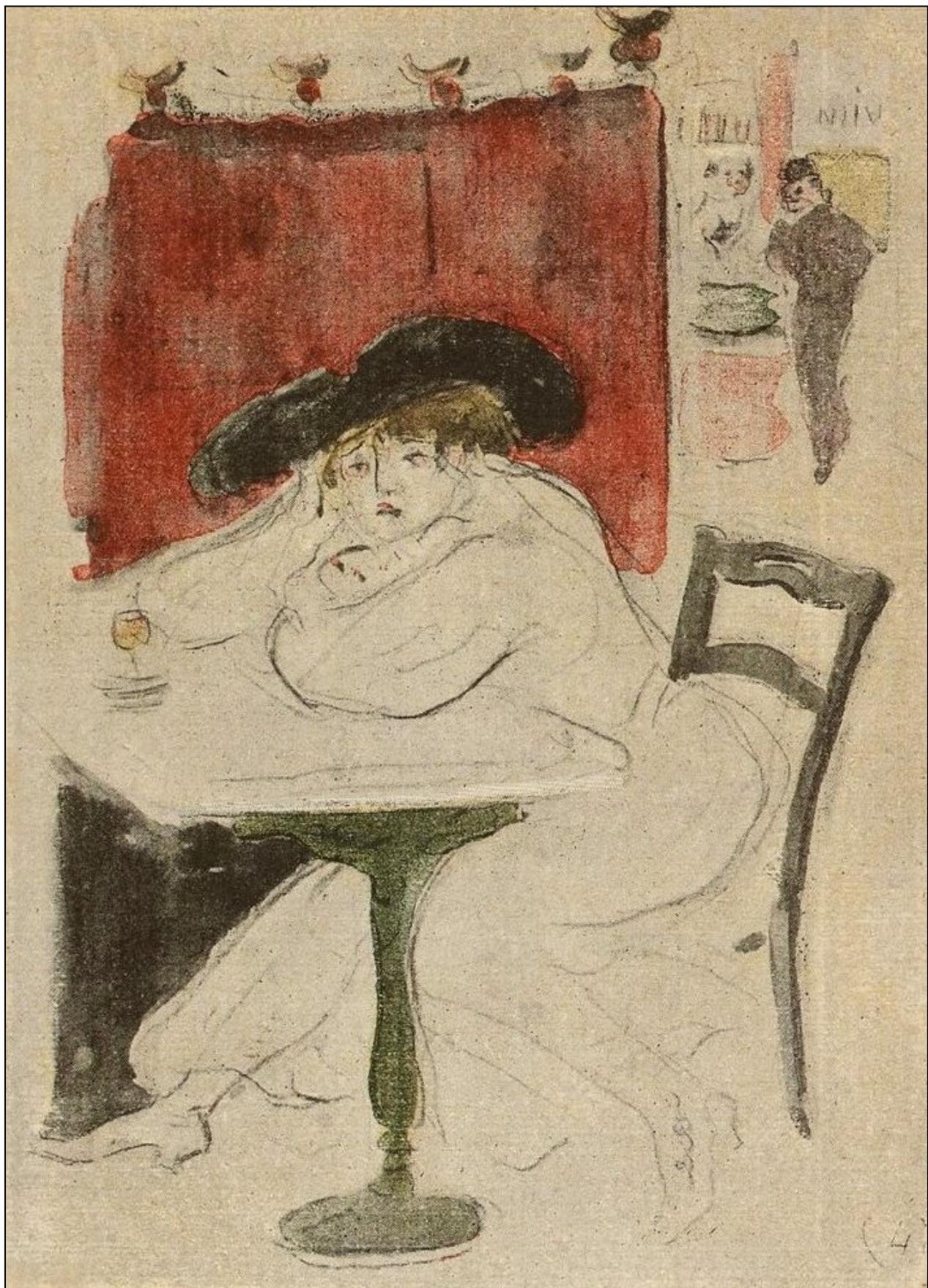
3^F 50

LIBRAIRIE
UNIVERSELLE

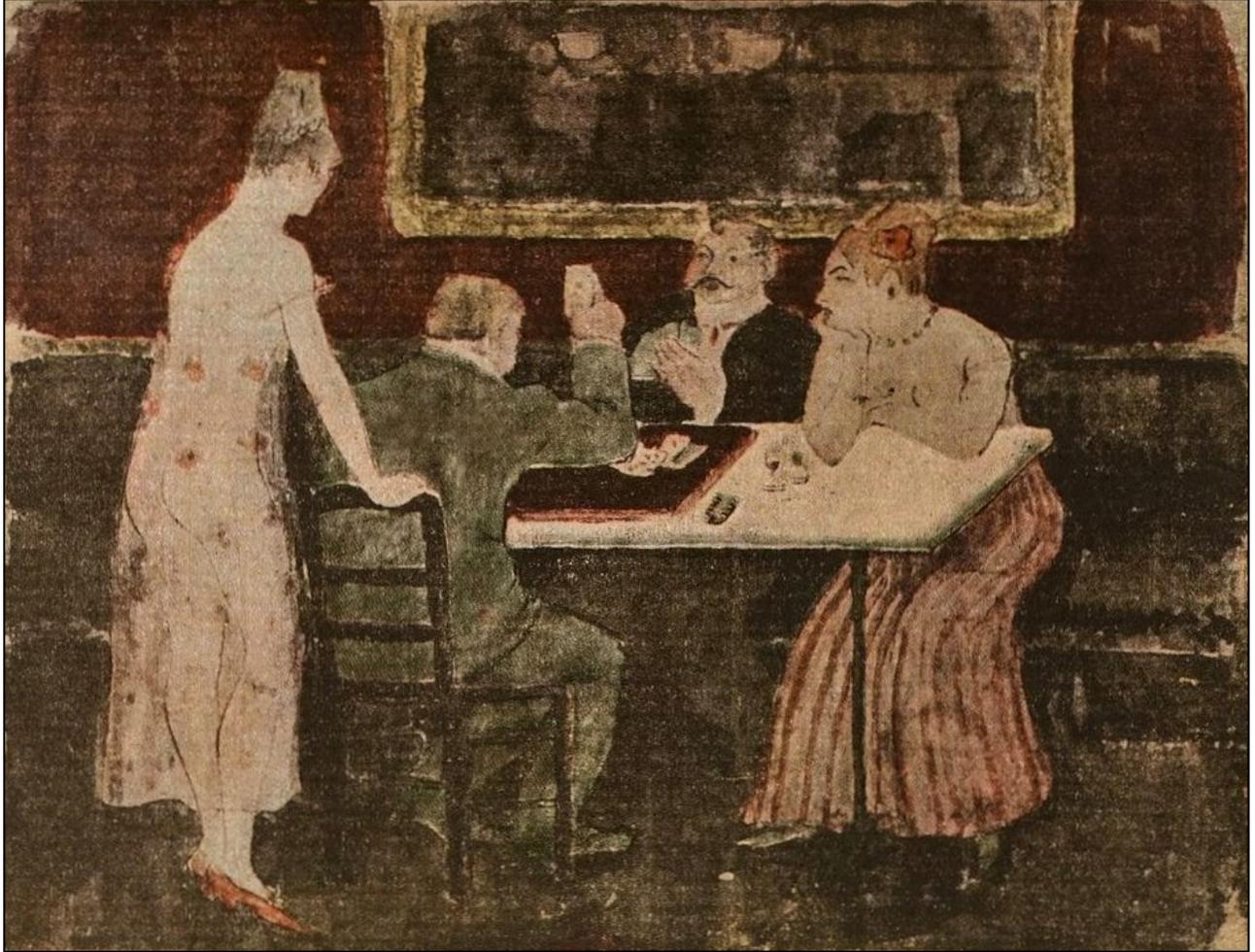
33, Rue de Provence
PARIS

DESSINS DE BOTTINI

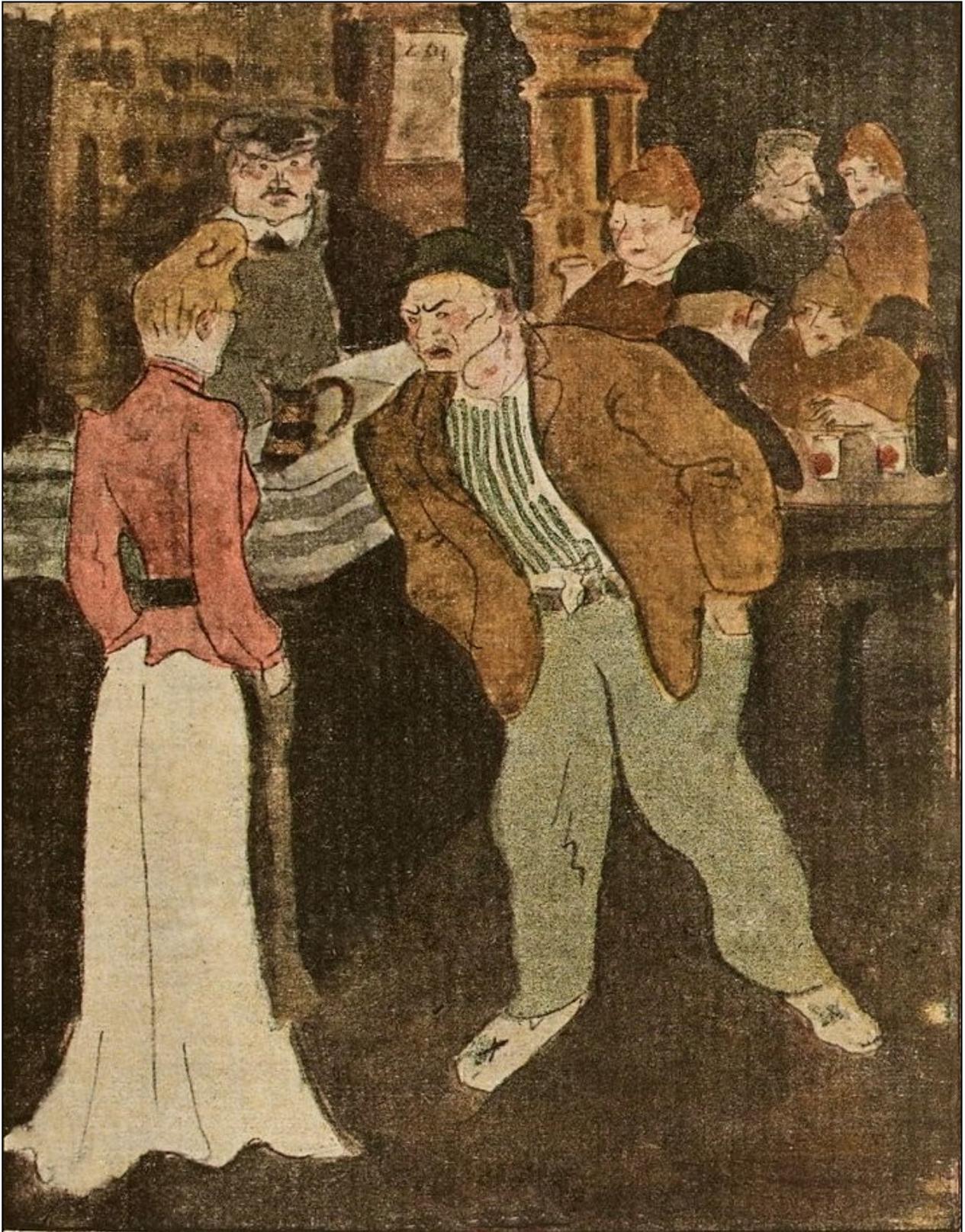

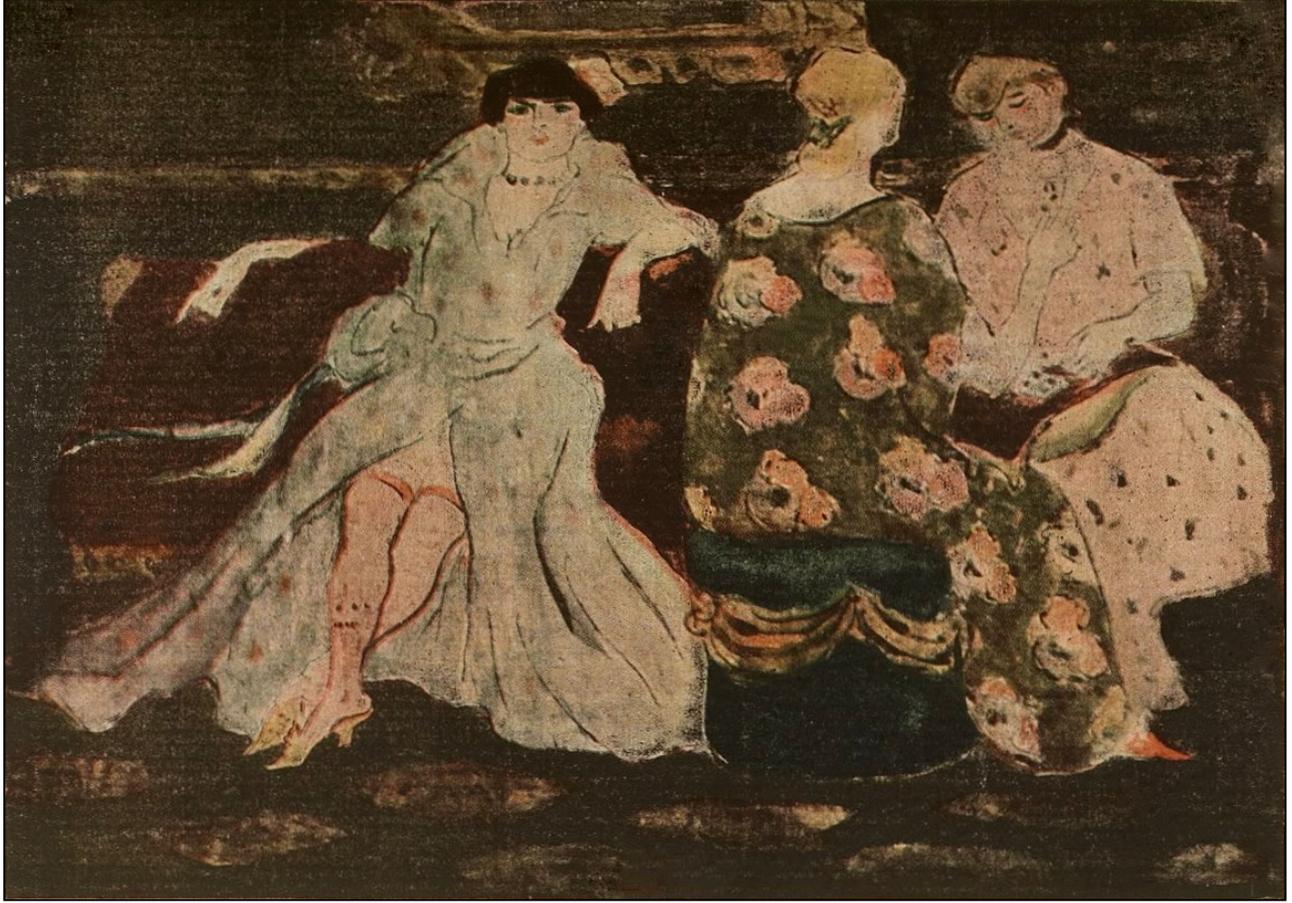

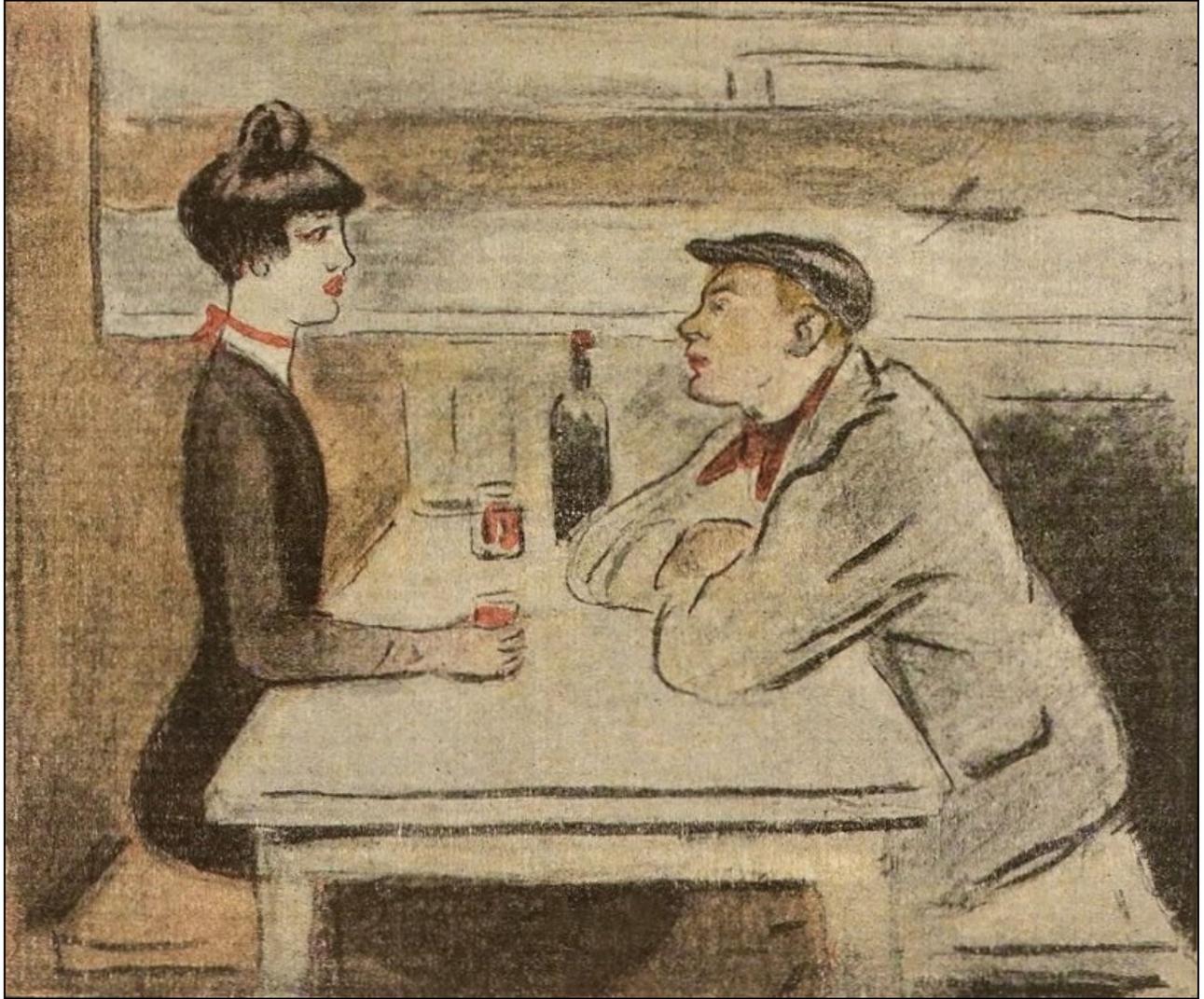

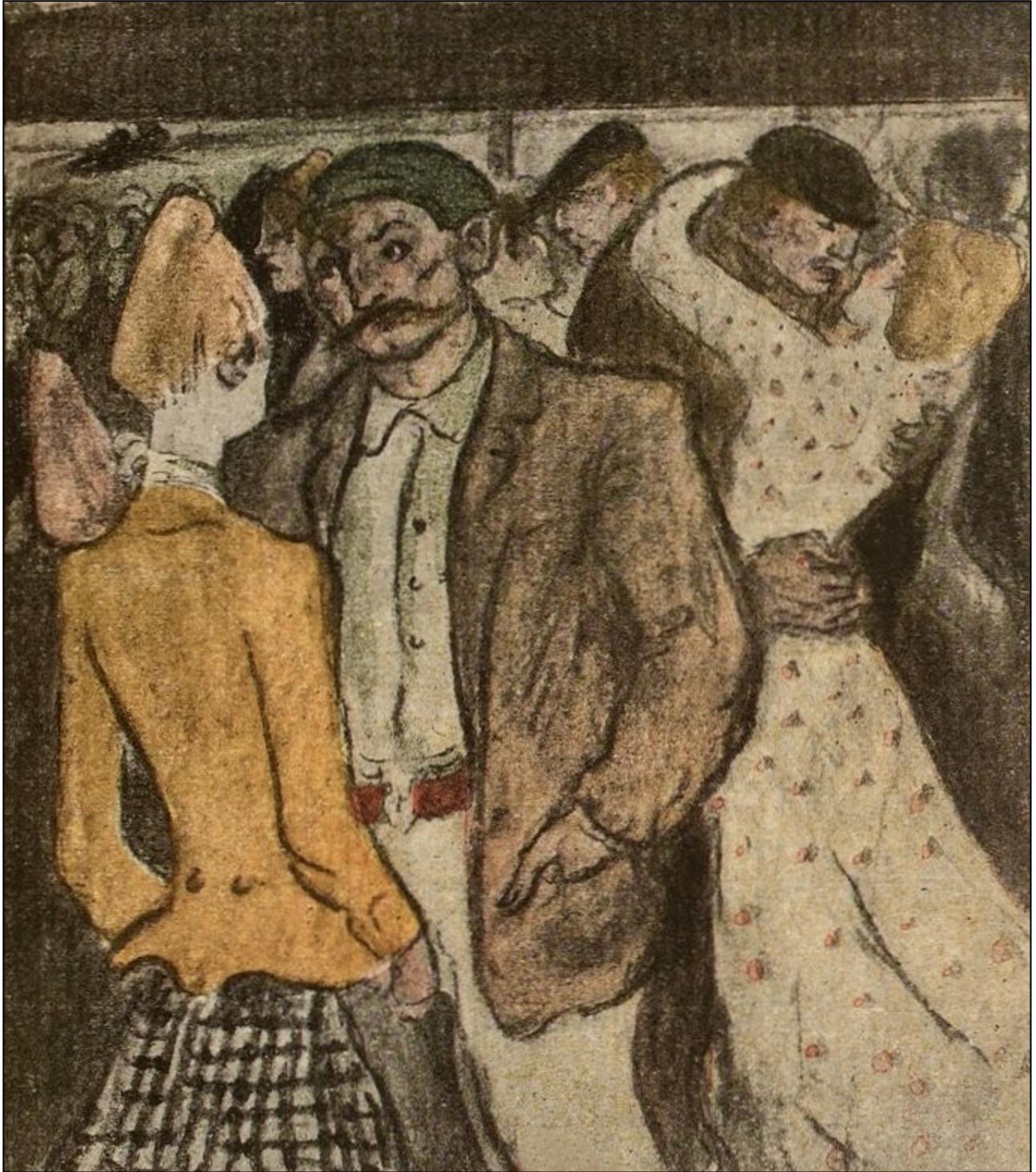

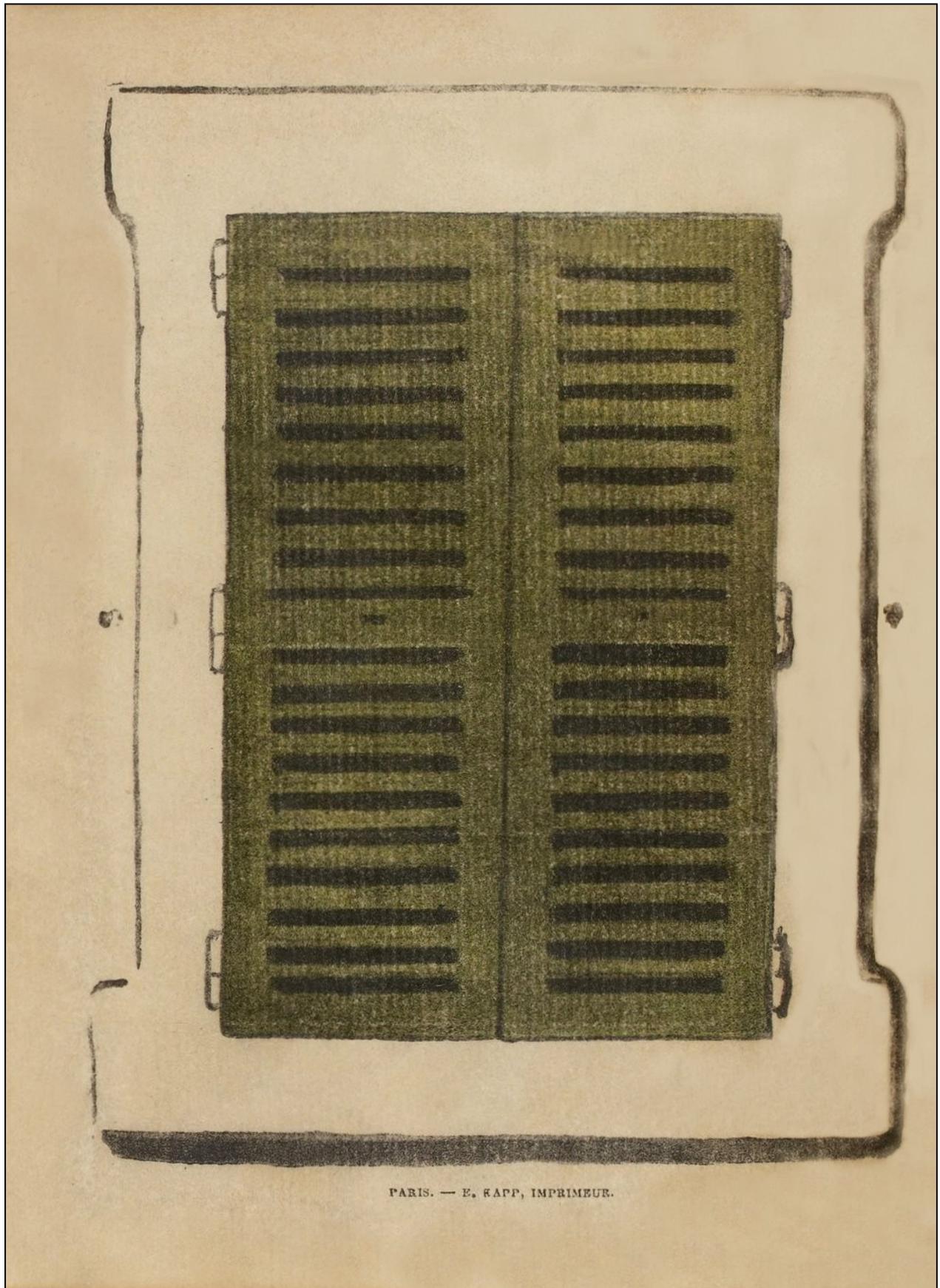

PARIS. — E. RAPP, IMPRIMEUR.

Текст романа публикуется по первоизданию (М.: Сфинкс, 1912). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Исправлены некоторые устаревшие обороты и переводческие огрехи.

Сюита иллюстраций Л. Курбуле взята из издания 1928 г. (Paris: Javal & Bourdeaux). Сюита иллюстраций Ж. Боттини сопровождала первое французское издание 1904 г. (Paris: Librairie Universelle).

ТЁМНЫЕ СТРАСТИ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.

SALAMANDRA P.V.V.